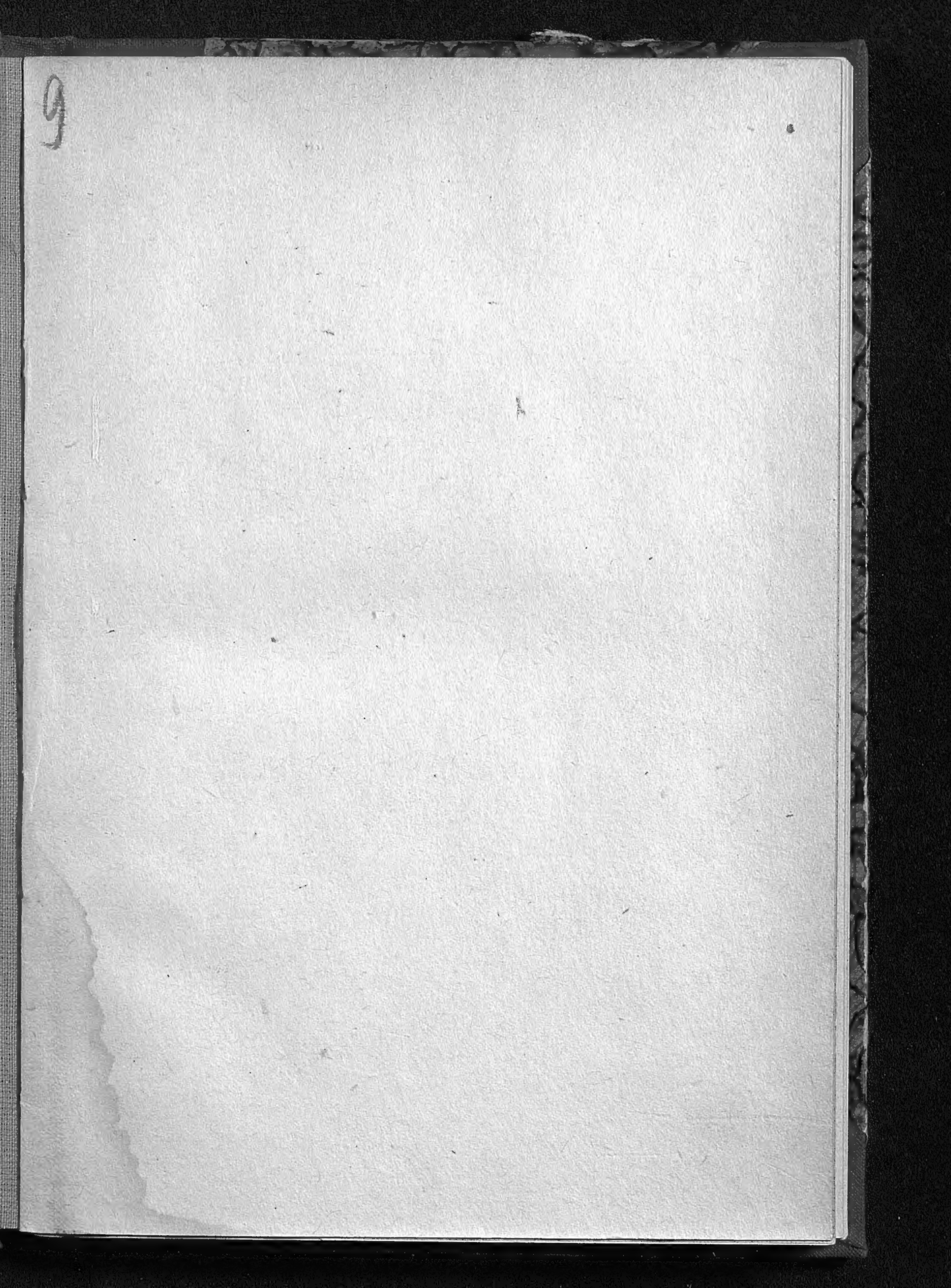

9

ВОЙНА и ПОЛЬША.

(ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ).

Предисловіе и редакція
Л. С. КОЗЛОВСКАГО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

ВОЙНА и ПОЛЬША

(ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ).

Статьи І. Вейсенгоффа, А. Кизеветтера, Л. Козловскаго, Л. Кживицкаго, А. Ледницкаго, П. Милюкова, А. Свентоховскаго и др.

ПРЕДИСЛОВІЕ И РЕДАКЦІЯ
Л. С. КОЗЛОВСКАГО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

Поставщикъ Двора Его Величества
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Москва
Трехпрудный пер., собств. домъ

1914.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Интересъ къ польскому вопросу, выдвинутому ходомъ событій на первую очередь, побудилъ «К-во писателей» выбрать изъ польской и русской печати статьи, дающія или фактическій матеріалъ къ польскому вопросу или идейное его освѣщеніе, и съ разрѣшенія авторовъ издать эти статьи отдѣльнымъ сборникомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Польша, какъ это ни странно, — невѣдомая страна, terra incognita, для русскаго человѣка. О любой изъ европейскихъ странъ русскій интеллигентный человѣкъ имѣетъ болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ о Польшѣ. До войны польскимъ вопросомъ въ Россіи не интересовались и когда появилось воззваніе къ полякамъ, говорящее о «растерзанномъ на куски живомъ тѣлѣ Польши», то лишь очень немногіе, читая эти слова, могли себѣ представить хотя бы приблизительно очертанія этого тѣла.

Нѣсколько историческихъ фактовъ, не связанныхъ другъ съ другомъ, нѣсколько событій изъ современной политической жизни и нѣсколько географическихъ названій,—вотъ все, что всплывало изъ тумана забвенія при словѣ «Польша».

При такомъ положеніи дѣла и польскій вопросъ, выдвинутый на первую очередь европейской войной, представлялся чѣмъ-то въ высшей степени неяснымъ и туманнымъ. Книгъ по польскому вопросу на книжномъ русскомъ рынкѣ не оказалось и единственнымъ источникомъ, изъ котораго читатель могъ черпать свѣдѣнія, были газетныя статьи. Послѣднія появились въ изобиліи и русская и польская печать занялась разработкой польскаго вопроса въ связи съ войной; огромное большинство этихъ

статей, порожденныхъ злобой дня, представляетъ интересъ лишь, какъ выраженіе настроенія, отвѣчающаго историческому моменту, но были въ этой массѣ статей и такія, которыя давали кромѣ настроенія и фактическій матеріалъ и идейное освѣщеніе польскаго вопроса; изъ этихъ статей и составленъ настоящій сборникъ.

Наибольшее вниманіе въ немъ удѣлено прусской Польшѣ, ибо она и меньше всего извѣстна, и призвана играть въ то же время наиболѣе важную роль въ виду войны съ Германіей. Читатель, не знакомый съ прусской Польшей, съ большимъ удивленіемъ узнаетъ изъ въ высшей степени интересныхъ статей П. Н. Милюкова, что уже давно, задолго до войны польскія газеты въ Познани и въ Западной Пруссіи говорили о Германіи и нѣмцахъ тѣмъ языкомъ, который сталъ обычнымъ въ русской, французской, бельгійской и англійской печати послѣ разгрома Бельгіи и Царства Польскаго. Въ этихъ газетахъ изо дня въ день, изъ году въ годъ писалось о варварствѣ и жестокости Германіи подъ маской культуры, раздавались протесты противъ насилія и грабежа, возведенныхъ въ систему. Дѣло въ томъ, что познанскіе поляки въ повседневной жизни изо дня въ день, изъ году въ годъ выносили на своихъ плечахъ тотъ завоевательный натискъ германцевъ, который вылился теперь въ истребительную войну съ европейской коалиціей...

Этимъ непосредственнымъ столкновеніемъ поляковъ съ Германіей и объясняется отношеніе къ ней польской интеллигенціи: издавна, въ отличіе отъ русской, она питала враждебныя чувства къ Германіи.

Для русской интеллигенціи до войны Германія была прежде всего страной образцовой культуры, университетской науки и соціалъ-демократіи. Война показала русскимъ Германію въ новомъ свѣтѣ. Въ глазахъ поляковъ Германія всегда была прежде всего государствомъ грубаго

насилія, несмотря на культуру, университеты и соціалъ-демократію. Проявленіе грубой силы Германіи, глумленіе надъ личностью, систематическое презрѣніе къ праву, безпощадное искорененіе всего, что мѣшаетъ росту нѣмецкой націи—все это выносили на своихъ плечахъ познанскіе поляки, обо всемъ этомъ знали поляки Царства Польскаго.

Только полнымъ незнакомствомъ съ польско-германскими отношеніями, съ чувствами польскаго народа, идеями и настроеніями польской интеллигенціи можно объяснить, что русскіе сомнѣвались, на чью сторону станетъ польскій народъ въ столкновеніи Россіи съ Германіей. И даже послѣ того, какъ отношеніе Царства Польскаго обнаружилось вполнѣ опредѣленно, мнѣ приходилось слышать изъ устъ русскихъ интеллигентовъ-скептиковъ вопросы, дѣйствительно ли поляки предпочитаютъ Россію Германіи? захотятъ ли еще познанскіе поляки присоединиться къ Царству Польскому?

Что полякамъ жилось несладко въ Царствѣ Польскомъ, это всѣмъ извѣстно, но во-первыхъ, и горькое житье лучше полнаго уничтоженія, которое несетъ съ собой Германія, а во-вторыхъ, горечь своего существованія и въ Россіи поляки въ значительной мѣрѣ и не безъ основанія приписывали своему сосѣду: Пруссіи.

Раздѣлъ Польши, произведенный по иниціативѣ Пруссіи, стремленіе денаціонализировать польскій народъ, боязнь польскаго элемента придавали общность интересовъ германской и русской политики въ отношеніи къ полякамъ. И самый фактъ войны Россіи съ Германіей кореннымъ образомъ измѣняетъ положеніе Польши въ русской государственности: она становится форпостомъ въ войнѣ съ Германіей и эта роль ея въ современной войнѣ отвѣчаетъ ея вѣковой традиціонной борьбѣ съ германизмомъ.

Эта мысль ясно проведена въ статьяхъ польскихъ

авторовъ, вошедшихъ въ настоящій сборникъ: Александра Свентоховскаго—ветерана польской публицистики, Іосифа Вейсенгоффа—извѣстнаго польскаго романиста и А. Р. Ледницкаго, эта же мысль выражена и въ русскихъ статьяхъ этого сборника (статьи П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, передовыя «Русскихъ Вѣдомостей»).

То, что ясно формулировано русской и польской публицистикой, смутно живетъ въ душѣ польскаго крестьянина, который при первыхъ вѣстяхъ о войнѣ, рѣшилъ, что нѣмецъ идетъ отнять у него землю (см. статью «Польскій пахарь-солдатъ»).

Объ это антигерманское настроеніе польскаго народа разбилась и такъ называемая «австрійская орьентація». Тѣ политическія и національныя свободы, которыми пользуются поляки въ Галиціи, сохранившіеся и развившіеся тамъ очаги польской культуры, въ видѣ польскихъ университетовъ, музеевъ, книгохранилищъ, естественно рождали и у уроженцевъ Галиціи и у поляковъ-эмигрантовъ, нашедшихъ въ ней пріютъ, желаніе и готовность защищать эти блага. Въ умахъ, склонныхъ принимать желаемое за дѣйствительное, возникла идея превращенія Габсбургской монархіи въ федерацію славянскихъ народовъ. Но эти желанія и мечты безжалостно разбивалъ фактъ союза Австріи съ Германіей, и даже подчиненія ея послѣдней. Пишущій эти строки находился въ Галиціи въ моментъ, когда уже въ воздухѣ чувствовалась военная гроза и говорили открыто о войнѣ съ Россіей, и ему приходилось не разъ спорить съ сторонниками «австрійской орьентаціи». Они упорно закрывали глаза на союзъ съ Германіей и разсуждали такъ, какъ если бы была одна только Австрія. Я помню, какое ошеломляющее и удручающее впечатлѣніе на нихъ произвелъ тотъ фактъ, что Германія, а не Австрія первая объявила войну и тѣмъ подчеркнула свою руководящую и первенствующую роль.

Что же должны были они переживать послѣ Калиша, во время движенія германцевъ на Варшаву?

Одинъ юный галиційскій стрѣлокъ на мой вопросъ, какъ же онъ будетъ заодно съ пруссаками дѣйствовать, отвѣтилъ:

— Заодно съ пруссаками мы не будемъ...

— Ну, а если пруссаки войдутъ въ Царство Польское?

— Если мы увидимъ пруссаковъ, то будемъ стрѣлять по нимъ...

Вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ который попадалъ неизбѣжно польскій интеллигентъ съ ненавистью къ Германіи и съ надеждами на Австрію. Крестьянская польская масса этихъ колебаній и противорѣчій не знала: она—противъ нѣмца въ борьбѣ за землю. Вотъ почему толпы запасныхъ въ Царствѣ Польскомъ такъ охотно шли на призывъ, и вотъ почему, съ другой стороны, толпы польскихъ солдатъ австрійской и германской арміи такъ охотно сдавались въ плѣнъ.

Позиція, занятая огромнымъ большинствомъ поляковъ въ этой войнѣ, позиція народная, демократическая. Борьба за освобожденіе Польши изъ-подъ германскаго ига—борьба за демократическую Польшу. Познань и Силезія—это самыя демократическія части Польши: въ Познани мы имѣемъ сильное польское крестьянство, въ Силезіи—польскій рабочій классъ, занятый въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ нѣмцамъ; сохранился польскій элементъ и въ нѣкоторыхъ округахъ Западной и Восточной Пруссіи, но исключительно въ народныхъ низахъ, верхніе слои общества онѣмечены. Идея соединенія въ одно цѣлое Польши въ этнографическихъ границахъ—идея *демократическая*. Въ этнографическую Польшу должны войти области съ польскимъ народомъ, какъ Силезія, и не войдутъ такія области, какъ Восточная Галиція, Бѣлоруссія или Литва, гдѣ высшіе слои общества польскіе, но большинство народа не польское.

Насколько эта идея этнографической Польши широко распространена въ польскомъ обществѣ читатель можетъ судить по помѣщенной въ сборникѣ статьѣ В. Б. «Этнографическая Польша», взятой изъ консервативнаго журнала «Kraj», органа партiи роялистовъ, опирающейся на крупное польское землевладѣнiе, то-есть именно на тотъ слой общества, который больше всего склоненъ отстаивать историческiя, а не этнографическiя границы Польши. «Народная демократiя» тоже стоитъ теперь на этнографическомъ, а не на историческомъ принципѣ, а про настоящую польскую демократiю и говорить уже нечего. Признанiе этнографическаго принципа, конечно, не устраняетъ еще спора о томъ, какъ лучше осуществить его въ жизни. Точное установленiе этнографическихъ границъ, отдѣляющихъ области съ преобладающимъ польскимъ населенiемъ отъ областей съ украинскимъ, бѣлорусскимъ, литовскимъ и нѣмецкимъ населенiемъ, можетъ быть лишь результатомъ очень сложной работы. Прилагаемая здѣсь карта даетъ приблизительное представленiе объ этнографической Польшѣ, даетъ общiя очертанiя того «растерзаннаго на куски живого тѣла Польши», о которомъ говоритъ воззванiе Верховнаго Главнокомандующаго и на которое сейчасъ легла тяжесть величайшей въ исторiи войны.

Л. Козловскiй.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Порывы бури стряхиваютъ съ вѣтвей созрѣвшіе плоды. Такъ бываетъ нерѣдко и въ государственной жизни. Назрѣвшія и задержанныя силами инерціи преобразованія, въ минуты великихъ кризисовъ, изъ области стремленій и чаяній, неожиданно переходятъ въ область реально-осуществимаго. Минуты великаго подъема и напряженія силъ проясняютъ и обостряютъ коллективное сознаніе людей, сметаютъ какъ ненужный мусоръ страхи и предубѣжденія, накопившіеся въ застоѣ повседневной будничной жизни, и въ одинъ моментъ сокрушаютъ тѣ преграды, которыя раньше казались непреодолимыми.

Такое превращеніе на нашихъ глазахъ происходитъ въ сферѣ русско-польскихъ отношеній. Десять лѣтъ тому назадъ, когда передъ Россіей встали основныя проблемы ея государственной жизни, повелительная необходимость ликвидаціи «семейной вражды», тѣсная связь между обновленіемъ Россіи и разрѣшеніемъ польскаго вопроса,—были ясно сознаны наиболѣе дальновидными представителями обѣихъ національностей. Была найдена и провозглашена основная формула русско-польскаго примиренія. Послѣдующее направленіе русской политической жизни оттѣснило на задній планъ выдвинутую силой вещей задачу и нагромоздило рядъ препятствій на пути къ ея осуществленію.

Въ послѣднее время казалось, что мы стоимъ дальше, чѣмъ когда-нибудь, отъ ея разрѣшенія. Но военная гроза разомъ придвинула насъ вплотную къ тому, что еще недавно брезжило далекимъ мерцаніемъ въ смутной дали будущаго. Надо отдать справедливость польскому народу: въ критическую минуту въ немъ проснулся вѣрный историческій инстинктъ, который, несмотря на всѣ прошлыя столкновенія, потянулъ его къ Россіи, далъ ему «русскую оріентацію», какъ выражаются поляки. Этотъ инстинктъ не былъ обманутъ. Движеніе къ сближенію со стороны Польши встрѣтилось съ такимъ же движеніемъ съ русской стороны. Нѣсколько дней тому назадъ мы выражали надежду, что общая борьба русскихъ и поляковъ противъ натиска воинствующаго германизма принесетъ съ собой ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса. Эти надежды начинаютъ сбываться даже быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Великій историческій шагъ сдѣланъ. Признана историческая ошибка, совершенная въ эпоху раздѣловъ Польши, и перейденъ Рубиконъ, за которымъ начинается новая эра въ исторіи русско-польскихъ отношеній. Въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго схема будущаго уклада этихъ отношеній намѣчена, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но эти черты совпадаютъ въ направленіи съ основными линіями плана разрѣшенія польскаго вопроса, выработаннаго совмѣстными усиліями русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей въ эпоху освободительнаго движенія. «Воскресеніе польскаго народа , возрожденіе «Польши, свободной въ вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи», «уваженіе къ правамъ національностей, съ которыми связала поляковъ исторія»,—эти положенія воззванія при нѣкоторой разности въ терминологіи, вращаются, несомнѣнно, въ кругу тѣхъ же общихъ идей, какъ и формулы 1904 — 1905 годовъ. Въ области русско-польскихъ отношеній развертываются новыя и широкія перспективы.

Какъ мы недавно указывали на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ загорѣвшейся европейской борьбѣ поляки занимаютъ совершенно своеобразное, трудное и отвѣтственное положенiе; въ борьбѣ славянства противъ нѣмецкаго Drang nach Osten имъ выпала на долю особая историческая роль. Неудивительно поэтому, что изъ всѣхъ, существующихъ въ Россiи нацiональныхъ вопросовъ, первое вниманiе удѣлено именно польскому вопросу. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переломъ нашей внутренней политики, выразившiйся съ такой яркостью въ опубликованномъ знаменательномъ актѣ, неизбѣжно коснется не только поляковъ, но и другихъ народностей Русскаго государства. Духъ единенiя и солидарности, вспыхнувшiй съ такой силой среди разноплеменнаго населенiя имперiи и сплотившiй его въ одно цѣлое, готовое дать единодушный отпоръ врагу, не можетъ не произвести глубокаго воздѣйствiя на взаимныя отношенiя различныхъ группъ этого населенiя. И это воздѣйствiе уже обнаружилось. Съ перваго момента проявленiя того сверхнацiональнаго, общегосударственнаго патрiотическаго чувства, которое отмѣтилъ въ помѣщенной у насъ статьѣ кн. Трубецкой, стало ясно, что именно въ этомъ чувствѣ лежитъ для насъ залогъ успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ непреодолимой, бьющей въ глаза очевидностью обрисовалось вопiющее противорѣчiе между моральнымъ единодушiемъ страны и юридическими перегородками, отдѣляющими другъ отъ друга различныя группы ея населенiя. Перегородки эти на нашихъ глазахъ начали падать сами собой. Уже сдѣлана фактически брешь въ правилахъ о чертѣ осѣдлости, ибо слишкомъ рѣзко противорѣчило бы переживаемому моменту и настроенiю выселенiе изъ столицы людей, бѣжавшихъ туда изъ-за границы отъ оскорбленiй и насилiй, обрушившихся на нихъ, какъ на русскихъ гражданъ. Даже люди консервативныхъ убѣжденiй вдругъ почув-

ствовали психологическую невозможность поддерживать и отстаивать національныя ограниченія. «Сейчасъ нѣтъ ни эллина, ни іудея,—есть только граждане русскаго государства»,—эти слова раздались изъ устъ православнаго священника въ собраніи одной изъ правыхъ организацій. Но если нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ на войнѣ, предъ лицомъ врага, то не можетъ его быть въ мирѣ, среди повседневнаго теченія жизни. Нельзя представить себѣ, чтобы люди, сражающіеся и умирающіе за Россію, могли считаться въ ней гражданами второго разряда.

Идущіе въ бой инородцы должны знать, что они идутъ на защиту общаго отечества, которое для нихъ не чужой, а свой домъ, въ которомъ есть мѣсто для свободной жизни и развитія ихъ народности. Населеніе окраинъ, угрожаемыхъ непріятельскимъ нашествіемъ, должно чувствовать себя живой неразрывной частью государственнаго организма, связанной съ его центромъ своими насущными жизненными интересами.

Возникшее предъ внѣшней опасностью духовное единеніе разноплеменнаго населенія Россіи должно быть разъ навсегда закрѣплено правовой организаціей, обезпечивающей каждой народности ея мѣсто въ общемъ отечествѣ, предоставляющей инородцамъ полноту гражданскихъ правъ и свободу національно-культурнаго развитія.

Никогда чувство государственности не было такъ сильно въ населеніи Россіи, какъ въ настоящую минуту. Нужно дать ему просторъ, нужно устранить всѣ искусственныя преграды, стоящія на его пути, и оно явится для насъ твердой, несокрушимой опорой въ предстоящей борьбѣ. Несовмѣстимый съ жизненными интересами государства узкій національнамъ распадается самъ собой, онъ таетъ какъ воскъ отъ лица огня. Мы должны смѣло вступить на новый путь, на который насъ ведетъ исторія.

„Русскія Вѣдомости“.

ПОЛЯКИ ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ ВОЙНЫ.

Общества, народы, государства, вообще большіе организованные союзы являются слишкомъ сложными организмами для того, чтобы даже самый проницательный умъ могъ съ точностью ихъ знать и предусмотрѣть всѣ ихъ движенія. Если политическія предвидѣнія и предсказанія иногда и оправдывались, то лишь благодаря случаю, который такъ же попадаетъ въ цѣль, какъ шарикъ на колесѣ рулетки останавливается на намѣченномъ номерѣ. Всякое, вѣдь, дѣйствіе,—а въ особенности коллективное, зависящее отъ многихъ условій,—является болѣе или менѣе азартной игрой, въ которую входитъ много неожиданностей. Такой неожиданностью, безспорно, былъ призывъ запасныхъ въ нашей странѣ. Галиційскіе стратеги, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обманывали и себя самихъ и другихъ легковѣрныхъ мнимой точностью своихъ вычисленій и предвидѣній, готовы были допустить какой угодно результатъ мобилизаціи, но только не тотъ, который оказался въ дѣйствительности: полмилліона запасныхъ явилось добровольно съ искреннимъ и общимъ лозунгомъ борьбы съ нѣмцами. Откуда явилось это общее и столь опредѣленное настроеніе—трудно сказать, даже принявъ во вниманіе послѣднія насилія нѣмцевъ надъ поляками. Поляки привыкли къ разнымъ преслѣдова-

ніямъ, быть-можетъ, еще худшимъ; и притомъ жажда мести и отпора грозному германскому нашествію вспыхнули не только въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ сознаніе несправедливости и опасности созрѣваетъ быстро и легко, но въ равной мѣрѣ и, пожалуй, еще сильнѣе—въ низшихъ, гдѣ это сознаніе казалось мерцало слабымъ огонькомъ среди мрака невѣжества.

Мы видѣли толпы деревенскаго и городского люда, которыя проходили съ радостнымъ кличемъ: «на пруссаковъ!» Мы слышали, какъ мужья и сыновья успокаивали плачущихъ женъ и матерей надеждой на побѣду надъ проклятымъ врагомъ, и мы видѣли и слышали все это даже въ тѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ постоянное и непосредственное общеніе съ нѣмцами могло бы установить дружеское отношеніе къ нимъ со стороны польскаго населенія.

Итакъ, полумилліонная масса, ущедшая на войну, т.-е. принявшая въ ней самое дѣятельное участіе, сразу и рѣшительно опредѣлила настроеніе и направленіе симпатій общества. Въ то время, какъ разнаго рода интеллигенты—вожаки группъ и фракцій—гадали на кофейной гущѣ или въ зависимости отъ разныхъ политическихъ «оріентацій», вывѣшивали явно или тайно всевозможные флаги и флажки, народъ сразу сталъ подъ одно знамя, сразу нашелъ направленіе для своихъ стремленій и цѣль для своихъ жертвъ. Безъ всякой заслуги съ нашей стороны, безъ помощи нашихъ знаній въ немъ созрѣла сила рѣшительнаго движенія, которая проявилась стихійно, опредѣленно и неотразимо*).

---

*) Трудно себѣ вообразить бóльшій и болѣе обидный контрастъ, чѣмъ полмилліона людей, сразу выбравшихъ путь борьбы и жертвующихъ въ ней своею жизнью, а рядомъ съ ними—разнаго рода политиканы, изобрѣтающіе въ безопасности кабинетовъ различныя «оріентаціи». Первая болѣзнь, отъ которой нужно излѣчить нашу полити-

Если бы не привыкли къ насилованію общественной воли, если бы въ навязываніи ей приказовъ мы не видѣли нормальнаго хода жизни, если бы мы прислушивались внимательно къ біенію сердца народа, а не къ желаніямъ случайныхъ его руководителей, то этотъ почти всеобщій и во всякомъ случаѣ огромный, никакой агитаціей неподготовленный взрывъ ненависти къ нѣмцамъ, не позволилъ бы намъ ни на одну минуту колебаться и показалъ бы намъ, въ какомъ направленіи идетъ общественная масса и какъ слѣдуетъ использовать ея подъемъ. Въ самомъ дѣлѣ, теченіе это захватило также и большинство политиканствующей интеллигенціи, но на противоположномъ берегу или въ сторонѣ оказалось еще значительное число сторонниковъ другой «оріентаціи»: скептиковъ, пессимистовъ, обывательскихъ мудрецовъ, принципіальныхъ опонентовъ и умственныхъ импотентовъ, призывающихъ къ бездѣйствію и медлительности. Усиленію этого политическаго паралича содѣйствовала Галиція.

Всѣ политическія эмиграціи были для Польши источниками патріотическихъ утѣшеній, но въ то же время и виновницами пораженій. Ибо каждая изъ нихъ, отрѣзанная отъ страны, быстро теряла знаніе ея и, воображая, что она унесла съ собой и хранитъ святое пламя жизни народа, считала себя своего рода Провидѣніемъ, которое одно только знаетъ истинные пути спасенія. Эти несчастные скитальцы, почти всегда чистые и пламенные, эти геройскіе мученики жили въ постоянномъ снѣ и грезахъ. Они создавали фантастическіе планы и брались за самыя невозможныя предпріятія. Принимая свои желанія за

ческую жизнь, это—разъѣданіе ея безчисленными и крохотными фракціями, за которыми нѣтъ никакихъ общественныхъ элементовъ, которыхъ часто не знаешь даже по имени, которыя состоятъ изъ десятка лицъ, неоказывающихъ никакого вліянія и только поддерживающихъ смуту въ понятіяхъ.

голосъ родины, а свое нетерпѣніе за созрѣвшую жажду отчаяннаго подвига, они бросались сами и сталкивали другихъ въ пропасть безплодной жертвы и безнадежной борьбы. Подъ власть этой неизбѣжной галлюцинаціи подпала и наша послѣдняя эмиграція, которая осѣла въ Галиціи и вмѣстѣ съ мѣстными элементами, обладающими пылкой кровью и богатой фантазіей, стала два года тому назадъ работать надъ возведеніемъ новаго воздушнаго замка, надъ созданіемъ польской военной силы.

Ей нельзя было отказать въ большой изобрѣтательности и діалектической ловкости, обезпечивающей ей несомнѣнный успѣхъ. Но въ то же время, по критическомъ размышленіи, не трудно было замѣтить, что эта якобы точная стратегія покоится на софистическихъ подпоркахъ, что она затушовываетъ одни факты, а другіе подкрашиваетъ, и что вообще она припоминаетъ извѣстный софизмъ школы эліатовъ, по которому никогда Ахиллъ не догонитъ черепаху. Поскольку же эта утопія имѣла реальныя основы, она могла осуществиться только при извѣстномъ, строго опредѣленномъ стеченіи обстоятельствъ; малѣйшее же измѣненіе разрушало ее до основанія. И при первой же встрѣчѣ съ дѣйствительностью оказалось, что не будетъ этого воображаемаго и желаннаго случая или что, другими словами, Ахиллъ догонитъ черепаху.

Однако же ни сообщеніе о положеніи и настроеніи въ краѣ, ни непосредственный опытъ, ни новые акты, которые легли на чашу нашихъ судебъ, неспособны были отвлечь въ другую сторону ослѣпленные и нафанатизированные умы. Люди, которые цѣлыми годами жили фикціей, которые развили ее въ систему, до мелочей разработанную, которые возлюбили продуктъ своей фантазіи, которые въ этой грезѣ намѣтили себѣ великія роли,—не могли сразу бросить эту грезу и стать на почву дѣйствительности. Это могли бы сдѣлать трезвые и критически мыслящіе

политики, но не политическіе лунатики. И вотъ, благодаря имъ создалось положеніе исключительное, чудовищно трагическое. Какъ будто недостаточно было ужаса въ томъ, что поляки изъ трехъ государствъ ввергнуты во взаимную борьбу, галиційскіе поляки увеличиваютъ ея братоубійственный характеръ еще и добровольнымъ вооруженнымъ выступленіемъ. Ихъ не удерживаетъ то, что полмилліона, а съ зачисленными раньше, болѣе, чѣмъ шестьсотъ тысячъ поляковъ въ русской арміи идетъ въ бой съ нѣмцами, что они въ огромномъ большинствѣ идутъ сражаться съ воодушевленіемъ, что огромное большинство общества Царства Польскаго стихійно—и разумомъ, и чувствомъ—поддалось этому порыву, что хищный врагъ разрываетъ беззащитное соціальное тѣло,—все это ихъ не удерживаетъ.

Россія, Англія, Франція, Бельгія, Японія, Сербія—объявили войну германцамъ; другіе народы—итальянцы, испанцы, румыны, датчане, американцы—выказываютъ недоброжелательство; почти весь культурный міръ сталъ противъ этого ненавистнаго племени. Не покинули его лишь одни галичане. Государство, которое возникло путемъ разбоя и грабежа земель и народовъ, государство, которое подъ внѣшней оболочкой цивилизаціи растило всѣ элементы варварства, государство, которое заражало всѣ народы своимъ политическимъ бандитизмомъ, своей наглостью и цинизмомъ, которое разрушало культъ всѣхъ святыхъ принциповъ и сохранило одинъ лишь только культъ насилія,—это государство, на которомъ лежитъ несмываемая печать преступленія растерзанія Польши, которое порабощенную часть ея германизировало, довело до отчаянія преслѣдованіями, поставило внѣ закона,—это государство вручило знамя и щитъ галиційскимъ полякамъ! Современность, которая это видитъ, должна вѣрить, но будущее усомнится въ истинности нашего свидѣтельства. Тщетны всѣ усилія смягчить этотъ чудовищный союзъ.

Никакая софистика не измѣнитъ того факта, что въ нынѣшней войнѣ Австрія идетъ подъ прусской командой, и что, слѣдовательно, этой командѣ подчинены всѣ, кто идетъ за нею. Польскій легіонъ, даже если бы онъ представлялъ ту воображаемую силу, какой въ дѣйствительности онъ не можетъ имѣть при столкновеніи милліонныхъ, хорошо обученныхъ армій, самъ по себѣ можетъ имѣть цѣнность горсти песку, брошеннаго въ глаза противнику. Такую порцію человѣческаго мяса богъ войны поѣдаетъ во время одной битвы. Лишь въ союзѣ съ великой арміей могъ бы этотъ легіонъ пріобрѣсти какую-либо цѣнность, а такой арміей является австрійско-прусская. Все же, что говорятъ его апологеты объ освобожденіи его изъ-подъ власти этой арміи въ послѣднемъ фазисѣ войны—сказка, слишкомъ дѣтская для серьезныхъ умовъ.

Результатъ войны дастъ побѣду или европейской коалиціи, во что мы вѣримъ, или германцамъ, во что мы не вѣримъ; въ первомъ случаѣ галиційскій легіонъ будетъ признанъ партизанской толпой, лишенной правъ регулярнаго войска, въ другомъ—наивнымъ негромъ, который сдѣлалъ свое дѣло и долженъ уйти. Tertium non datur—разумѣется, въ дѣйствительности, а не въ сказкѣ.

Мы должны заявить, что признаніе солидарности съ коалиціей вовсе не является рискованнымъ плаваніемъ подъ чужимъ флагомъ. Отнюдь нѣтъ. Поляки Царства Польскаго, уплативъ дань кровью русскому государству, которое черезъ своего Верховнаго Главнокомандующаго обѣщало имъ полностью «соединеніе разорванной на части родины», желая ему побѣды, ждутъ момента, когда это обѣщаніе будетъ исполнено. Они вовсе не спекулируютъ на неправодоподобное стеченіе обстоятельствъ, не выставляютъ своего легіона подъ чужимъ крылышкомъ и у нихъ нѣтъ никакой чужой «оріентаціи»: они думаютъ о Польшѣ, которая должна воскреснуть. Въ Га-

лиціи эту надежду объявили иллюзіей легковѣрныхъ людей. Мы думаемъ, что въ тѣхъ условіяхъ, какія созданы будутъ послѣ пораженія Германіи, воскресеніе Польши явится неизбѣжностью. Но допустимъ даже, что русская декларація возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, то вѣдь прусско-австрійская декларація не оставляетъ мѣста ни для какихъ сомнѣній; первая обѣщаетъ соединеніе Польши, вторая даже не обѣщаетъ ея. А въ этомъ корень нашихъ желаній, мечтаній и усилій. Что касается меня лично, то сознаюсь, что если бы мнѣ предоставили выбирать между двумя возможностями, я предпочелъ бы видѣть Польшу въ цѣлости, соединенную даже при самомъ жестокомъ деспотизмѣ, чѣмъ раздѣленную при трехъ конституціяхъ.

Изъ трехъ, раздѣленныхъ частей Польши, только въ русской части поляки сохранили извѣстную независимость политической мысли; въ Галиціи же, наоборотъ, австрофильство такъ въѣлось въ мозги, что тамъ не могутъ себѣ представить спасенія Польши помимо черно-желтаго знамени. Ни отношеніе раба къ господину, освобождающее послѣдняго отъ всякихъ обязательствъ и особенно отъ долга благодарности, ни полвѣка тиранніи, ни подлости, ни грабежи не поколебали вѣры въ добрыя чувства покровительницы, которая, говорятъ, брала отрѣзанный ей кусокъ польской земли со слезами, а потомъ угнетала съ улыбкой. Ослабленная несчастною войною, Австрія, дѣйствительно сдѣлалась въ отношеніи къ полякамъ менѣе деспотической, болѣе снисходительной. Но развѣ забыли сторонники независимости, что не должны они благословлять даже самой легкой цѣпи? Они не могутъ оправдывать эту свою любовь даже выгодами союза съ надежной силой. Австрія, слѣпокъ самыхъ разнообразныхъ національностей, которыя держатся въ покорности силой одной изъ нихъ,—нѣмецкой привилегированной и наиболѣе ненавистной изъ всѣхъ,—является нынѣ политическою нелѣ-

постью, которая, очевидно, разложится послѣ пораженій настоящей войны. И только галичане связываютъ Польшу съ полутрупомъ.

Какова бы ни была до сихъ поръ политика каждаго изъ государствъ антигерманской коалиціи, всѣ они борятся сейчасъ за правое дѣло, за свободу и право на жизнь угнетенныхъ. Не отрицая наличности большой дозы эгоизма въ этомъ исполинскомъ конфликтѣ, мы вѣримъ, что имѣются здѣсь и стимулы нравственнаго порядка.

Культурные народы уже не могутъ больше выносить милитаристическій бандитизмъ, они чувствуютъ, что не могутъ долѣе дышать въ атмосферѣ, насыщенной прусскими міазмами, что должны они уничтожить источникъ дурныхъ вліяній, выбросить изъ себя заразу и очистить кровь Европы. Это—мощный порывъ къ освобожденію и прогрессу, и одна лишь Галиція стоитъ противъ него. Въ побѣдѣ этого усилія наше спасеніе, его пораженіе—наша гибель. Если коалиція раздавитъ Пруссію, то возстановленіе Польши возможно и правдоподобно. Если побѣдитъ Германія, то въ исторіи прозвучитъ въ послѣдній разъ страшный и окончательный приговоръ: Finis Poloniae. Тогда нѣтъ намъ спасенія, ибо нѣтъ такой силы, которая могла бы насъ вырвать изъ прусскихъ когтей.

Увы, въ этотъ великій моментъ, одинъ изъ самыхъ великихъ въ исторіи міровой и нашей, у насъ нѣтъ людей, которые сумѣли бы мощною рукою поднять національное знамя и повести массы за собою. Поэтому мы не можемъ выполнить единственнаго дѣла, которое мы должны предпринять: объявить и повести священную войну всей Польши противъ пруссаковъ.

Ал. Свентоховскій.

„Humanista Polski".

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПОВОРОТЪ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Мрачно было въ Польшѣ еще два мѣсяца тому назадъ. Хотя мы никогда не переставали жаждать полноты національной жизни, все же усталость и горячка порождали въ нашихъ политикахъ жалкіе планы. Усталость совѣтовала намъ влачить существованіе, охраняя остатки самостоятельности, и устраивать только хозяйственныя дѣла въ *каждой* изъ трехъ разъединенныхъ частей; горячка толкала насъ къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, но дѣтскимъ, не основаннымъ на какомъ бы то ни было расчетѣ, даже опасныя въ виду коварства исконныхъ враговъ Польши, подстрекавшихъ нашу молодежь къ *самоубійственному бунту*. Кромѣ, можетъ быть, маленькой кучки дальновидныхъ людей, которые пытались разглядѣть на путяхъ великихъ европейскихъ интересовъ окутанное туманомъ будущее Польши, арміи нашихъ призванныхъ и непризванныхъ политиковъ строили слишкомъ уже туманные планы возрожденія, или рвались къ борьбѣ, безнадежность которой представлялась съ математической точностью.

Пусть никто изъ насъ не осмѣлится бросить камень ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Никто изъ насъ не продалъ сознательно души своей чужому, враждебному намъ дѣлу! Изъ смертной борьбы, изъ мрака тюремъ, изъ на-

ивной вѣры благородныхъ и пылкихъ мечтателей рождались какъ наше безсиліе, такъ и ошибочныя увлеченія въ нашихъ начинаніяхъ.

Вдругъ во мракѣ нашего существованія загорѣлось огромное зарево войны, а въ заревѣ мы увидѣли ясный планъ Польши, возникающій изъ сознанной европейской необходимости. И вся Европа, объединенная противъ Германіи, заговорила о Польшѣ. Прежде всего, Россія, больше другихъ призванная въ этомъ отношеніи, какъ обладательница самой большой части нашихъ земель. Высказались въ нашу пользу менѣе непосредственно, но съ такимъ же вѣсомъ: Франція, близкая и родственная намъ, и Англія, провозглашающая войну за право угнетенныхъ націй. Всѣ враги Германіи, уже не только на словахъ, но и напряженной борьбой поддерживаютъ механически, такъ сказать, дѣло Польши. Разгромъ Германіи будетъ несомнѣнной эволюціей нашего дѣла по двумъ своимъ послѣдствіямъ: отнятіе у Германіи польскихъ земель и возникающая затѣмъ необходимость воздвигнуть на Востокѣ надежную плотину противъ германскаго наводненія.

Этотъ порывъ Европы, который наложитъ печать на вѣка, находится только въ первой своей фазѣ. Численный перевѣсъ коалиціи, благородное воодушевленіе и храбрость ея войскъ, гарантированное новымъ договоромъ единодушіе правительствъ въ вопросѣ военныхъ дѣйствій и заключенія мира—все это даетъ намъ право дѣлать самыя лучшія предсказанія относительно успѣха крестоваго похода противъ Германіи. Если бы даже Германіи, наилучше подготовленной къ сухопутной войнѣ, удалось добиться минутныхъ успѣховъ, мы можемъ навѣрно предполагать, что Европа, послѣ столькихъ лѣтъ колебаній и дипломатическихъ полумѣръ, рѣшившаяся на столь кровавую и дорого стоющую, но вмѣстѣ съ тѣмъ, столь желанную и оздаравливающую войну,—не удовлетворится кое-чѣмъ, не вернется

къ status quo ante bellum, съ нѣкоторыми измѣненіями границъ. Война была бы чудовищнымъ бѣдствіемъ, если бъ ея цѣной не былъ купленъ постоянный и общій миръ. Миръ же и равновѣсіе Европы немыслимы съ Пруссіей, какой она была до сихъ поръ, и безъ возстановленія Польши.

Когда это стало такъ ясно, народъ нашъ проснулся, вздрогнулъ и сразу увидѣлъ поворотъ историческаго пути Польши. Разомъ рухнули всѣ немощные планы реставраціи нашего отечества съ трехъ различныхъ концовъ, планы опирающіеся на противорѣчіе интересовъ трехъ сосѣднихъ государствъ. Идея соединенія Польши, столь ненавистная и грозная Германіи, воскресла изъ мертвыхъ, провозглашенная Россіей. Огромное большинство поляковъ поняло, что первымъ шагомъ по пути къ ихъ будущему является завоеваніе Россіей у Германіи и Австріи всѣхъ польскихъ земель.

Еще недавно, въ мирныхъ комбинаціяхъ, такая перспектива не увлекла бы насъ. Насъ воспламенилъ къ ней великій стиль войны, которую Россія въ согласіи съ Европой ведетъ противъ Германіи въ защиту цивилизаціи и правъ народовъ. Очень немногіе среди насъ могли мечтать еще наканунѣ о столь величественномъ и правомъ историческомъ выступленіи Россіи; понятно, что очень немногіе могли предвидѣть и то, что нынче мы единодушно станемъ на сторону Россіи.

Если это однако такъ—сознаемся же въ этомъ открыто и смѣло, ничего не уступая изъ нашихъ національныхъ требованій. Будемъ это повторять другъ другу, чтобы не оказалось между нами людей, колеблющихся и медлящихъ на ясно обозначенномъ пути; будемъ это повторять также нашимъ австрійскимъ соотечественникамъ, которые, будучи отуманены самымъ безобразнымъ изъ плановъ перестройки Польши, обманутые прусско-австрій-

скимъ правительствомъ, или пытающіеся уже самихъ себя обманывать, чтобы сохранить послѣдовательность своихъ дѣйствій, которые, повторяемъ, будутъ насъ обвинять въ недостаткѣ патріотизма.

Намъ легко имъ отвѣтить, что хотя мы и не сомнѣваемся въ патріотическихъ намѣреніяхъ его авторовъ, ихъ проектъ будущей Польши, уже нынче, послѣ шести недѣль военнаго опыта, когда уже стало явно безсиліе Австріи и ея рабская зависимость отъ Берлина, совсѣмъ выродился; что наше пониманіе обязанностей современнаго поляка требовало болѣе сложнаго патріотизма—требовало, чтобы мы преодолѣли наши антипатіи и обиды, чтобы мы охватили взглядомъ истинныя блага и пользы всего отечества и не тратили на двусмысленныя попытки польскихъ силъ, не поддавались соблазну своекорыстнаго благополучія на какомъ-нибудь отрѣзкѣ Польши, цѣною несчастья всего края.

Признаемъ же аксіомой, что для того, чтобы въ будущемъ стать дѣйствительной Польшей, здоровымъ политическимъ организмомъ, способнымъ развиваться, намъ нужно сперва объединить польскія земли подъ одной какой-либо властью. Этой власти намъ не дано выбирать,—она пока одна, русская. Никто, мы думаемъ, не сомнѣвается въ томъ, что въ случаѣ торжества Германіи часть польскихъ земель, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, была бы присоединена къ Пруссіи, и ея національный характеръ былъ бы угнетаемъ еще безпощаднѣе, чѣмъ до сихъ поръ; остальная часть подверглась бы новому, убійственному раздѣлу. О побѣдѣ самой Австріи теперь не мечтаютъ уже, должно быть, даже самые горячіе ея сторонники. Объединеніе польскихъ земель можетъ быть осуществлено единственно въ результатѣ разгрома Германіи, и только при этомъ условіи является возможнымъ строить наше дальнѣйшее государственное развитіе.

Можно бы, пожалуй, предположить, что мы не должны многаго ожидать для себя отъ Россіи, которая, начиная съ 1831 года, неуклонно стремилась къ уничтоженію нашей національной самобытности. Если даже кто не вѣритъ въ возможность историческаго поворота русской политики послѣ побѣдоносной войны, долженъ же онъ согласиться, что въ два раза усилившись численно, мы сумѣемъ съ бо́льшимъ успѣхомъ отстаивать свои права. Двадцать милліоновъ поляковъ въ одной массѣ, а вмѣстѣ съ Силезіей и Гданскомъ даже, пожалуй, больше—это народъ, который немыслимо уничтожить какой бы то ни было системой денаціонализаціи. Вѣдь угнетающія насъ, раздѣленныхъ на части, три правительства въ теченіе столѣтія съ лишнимъ не сумѣли отнять у насъ нашего національнаго характера. Эта національная и территоріальная единица слишкомъ значительна, чтобы Европа не приняла её во вниманіе при новомъ распредѣленіи государственныхъ силъ на мирномъ конгрессѣ.

И наконецъ, развѣ, любовь къ отечеству заставляетъ насъ судить о побѣдоносной Россіи по ея прошлымъ экспериментальнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ? Или, быть можетъ, это только упрямое нежеланіе взглянуть въ лицо Польши, приходящей другой дорогой, чѣмъ та, которую мы возлелѣяли въ нашихъ мечтахъ? Но вѣдь Польша останется въ насъ и на нашей землѣ! Условія ея развитія и ея достояніе будутъ во всякомъ случаѣ богаче существующихъ нынѣ или тѣхъ, которыя бы намъ, сохрани Богъ, принесла побѣда нѣмцевъ. Поднимемъ же головы и смѣло станемъ смотрѣть въ будущее. Хотя оно и погружено еще въ водоворотѣ смертельной борьбы, все же возможность торжества въ ней хорошихъ, творящихъ благо силъ, является единственной надеждой, согрѣващей насъ, поляковъ.

Настоящая война проклятіемъ поражаетъ иные способы управленія и ярко освѣщаетъ пути, ведущіе къ счастью

народовъ, живущихъ въ мирѣ на искони своихъ земляхъ; она обнаруживаетъ явную нецѣлесообразность и опасность системы денаціонализаціи, системы, которая подточила могущество Пруссіи; она — огненныя врата въ новую эпоху міра, въ которой не будетъ ни угнетенныхъ народовъ, ни политическихъ людоѣдовъ, въ которой правительства будутъ существовать для народовъ, а не народъ для правительства. Мы не имѣемъ права предполагать, что Россія, связанная нынче столь тѣснымъ союзомъ съ лучшей частью Европы, захочетъ послѣ побѣды возвратиться къ традиціи «временнаго устройства польскаго вопроса» или, другими словами, забыть объ огромномъ значеніи этого вопроса для Россіи и для Европы. Она торжественно на чертала на своемъ знамени обѣтъ осуществить «завѣтныя мечты нашихъ отцовъ и дѣдовъ». Возложить наши надежды на этотъ обѣтъ, которому соотвѣтствуютъ лозунги всей коалиціи противъ Германіи, — это не будетъ ни несбыточной мечтой, ни какимъ-либо отступленіемъ отъ нашихъ національныхъ идеаловъ,—это, наоборотъ, единственное направленіе польской мысли, которое можетъ намъ нынче принести спасеніе.

Іосифъ Вейсенгоффъ.

,,Kurjci Warszawski''.

РЕЗОЛЮЦІИ ПОЛЬСКИХЪ ПАРТІЙ.

Въ отвѣтъ на воззваніе Верховнаго Національнаго Комитета въ Галиціи четыре польскія партіи выступили съ деклараціями почти тождественными по смыслу и по мотивамъ.

Партіи *Реальной политики и Народово-Демократическая* заявляютъ: «принимая во вниманіе, что

1) побѣда союза русско-французско-англійскаго дастъ польскому народу возможность объединенія всѣхъ польскихъ земель съ выходомъ къ Балтійскому морю, тогда какъ побѣда австро-германскаго союза ведетъ къ новому раздѣлу Польши, чего, навѣрно, потребовала бы Пруссія;

2) что уже въ настоящій моментъ Россія выступила съ программою по польскому вопросу въ воззваніи Великаго Князя, встрѣченномъ съ энтузіазмомъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи и Англіи, тогда какъ Австрія вовсе не подняла польскаго вопроса, что между прочимъ видно изъ воззванія галиційскаго польскаго коло;

3) что нынѣшняя война не — мѣстная война между Австріею и Росссіею, въ которой позиція галиційскихъ поляковъ на сторонѣ Австріи, хотя политически нераціональная, могла бы однакожъ быть психологически объяснимой, но всеобщая война народовъ противъ господства пруссаковъ, имѣющихъ къ своимъ услугамъ Австрію.

Что посему роль поляковъ, какъ защитниковъ величайшаго врага нашего національнаго будущаго, является чѣмъ-то чудовищнымъ;

4) что польскіе легіоны, вооруженные Австріей, не могутъ имѣть ни подъ какимъ видомъ самостоятельнаго военнаго значенія, и единственно предназначены для роли политическаго орудія, цѣль котораго настроить населеніе Царства Польскаго въ пользу Австріи и, слѣдовательно, Германіи;

5) что нашъ край, вслѣдствіе естественнаго своего положенія, несетъ въ этой войнѣ самыя большія бѣдствія, что эти бѣдствія уменьшаетъ приказъ Верховнаго Вождя русской арміи о пощадѣ жизни и имущества поляковъ всѣхъ частей, и что образованіе польскихъ легіоновъ въ Галиціи провоцируетъ русскую армію—ниже подписавшіяся партіи признаютъ позицію, занятую воззваніемъ польскаго коло и циркуляромъ Верховнаго Національнаго Комитета въ Галиціи, гибельною для польскаго дѣла. Эти партіи не могутъ иначе объяснить себѣ факта изданія этого воззванія, какъ только введеніемъ въ заблужденіе галиційскаго общества посредствомъ ложныхъ свѣдѣній о ходѣ войны и сопутствующихъ ей событіяхъ, а прежде всего о настроеніи польскаго общества въ Царствѣ Польскомъ и въ Пруссіи.

Констатируя, наконецъ, что польское общество въ Галиціи составляетъ едва пятую часть польскаго народа, и стало быть выступленіе его представителей въ столь серьезный моментъ отъ имени цѣлаго народа и навязываніе другимъ частямъ, помимо ихъ согласія, фактовъ, уже свершившихся, является узурпаціею; ниже подписавшіяся партіи, занимая положеніе, согласное съ волею громаднаго большинства народа, призываютъ Верховный Національный Комитетъ въ Галиціи немедленно прекратить всякія дѣйствія, программа которыхъ намѣчена въ его циркулярѣ.

Польская партія прогрессистовъ, въ связи съ воззваніемъ Верховнаго Національнаго Комитета въ Галиціи къ полякамъ, опубликовала слѣдующую декларацію:

Политическій разумъ заставляетъ нашъ народъ стремиться къ объединенію географически разорванныхъ со времени раздѣла Польши, но духомъ нераздѣльныхъ частей Польши. Чувство самоохраненія велитъ въ виду агрессивныхъ стремленій Германіи, по отношенію къ славянамъ, въ моментъ борьбы германцевъ съ передовыми цивилизованными народами Запада, стать на сторону почти всеевропейской коалиціи.

Національное чувство приказываетъ бороться со всякою политическою системой, угрожающею уничтоженіемъ познанскихъ, силезскихъ поляковъ, мазуровъ и кашубовъ, борющихся въ теченіе вѣковъ за свою національность.

Указанныя основанія приводятъ къ заключенію, что воззваніе Верховнаго Національнаго Комитета въ Галиціи, призывающее поляковъ соединить собственную судьбу съ судьбою Австріи, и даже больше, къ организаціи польскихъ легіоновъ, идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и основывается на предпосылкахъ, которымъ явно противорѣчитъ характеръ ведущейся войны.

1) Россія, первая, торжественно объявила передъ лицомъ своихъ союзниковъ и цѣлаго міра въ воззваніи Верховнаго Вождя къ полякамъ, что, поднявъ брошенную ей перчатку, намѣрена побѣдить врага всѣмъ усиліемъ своей мощи и возродить изъ трехъ частей снова одну Польшу, включая и тѣ земли, которыя захватила вѣковая германизаціонная работа Пруссіи.

Мы твердо увѣрены, что побѣда тройственнаго согласія будетъ содѣйствовать развитію конституціонализма въ Россіи, что, въ свою очередь, можетъ быть только залогомъ будущаго свободнаго строя нашего отечества, равно какъ и достойнаго польскихъ традицій, разрѣшенія національ-

наго вопроса въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ въ духѣ лозунга терпимости и равноправія, столь дорогого польской демократической мысли.

2) Въ то же время ни Пруссія, ни даже Австрія не намѣреваются урегулировать польскій вопросъ во всей его цѣлости. Воззваніе соединенныхъ галиційскихъ партій не ссылается на какой-либо документъ историческаго значенія, который заключалъ бы въ себѣ какія-либо обѣщанія въ этомъ смыслѣ. Единственною надеждою остается великодушіе монарха.

3) Вопреки воззванію Національнаго Комитета не Австрія объявила и ведетъ войну съ Россіей, но Германія, которая борется почти съ цѣлымъ міромъ. Австрія же играетъ вспомогательную роль,—роль государства, которое исполняетъ и будетъ исполнять приказы Германіи, собственно Пруссіи.

4) Несмотря на такое положеніе вещей Верховный Національный Галиційскій Комитетъ призываетъ народъ къ жертвамъ въ пользу австро-нѣмецкаго союза, а именно, къ организаціи польскихъ легіоновъ, къ увеличенію, такимъ образомъ, кроваваго налога, который уплачивается всѣми тремя частями.

Польскіе легіоны призваны къ братоубійственной борьбѣ на службѣ у Германіи, въ защиту ея интересовъ—объ этомъ галиційское воззваніе совершенно умалчиваетъ. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ польская прогрессивная партія признаетъ агитацію, предпринятую Комитетомъ въ Галиціи, пагубною для польскаго дѣла и требуетъ прекращенія ея.

Польскій прогрессивный союзъ такъ опредѣляетъ свою позицію:

1) Непремѣннымъ условіемъ политическаго возрожденія польскаго народа является соединеніе въ нераздѣльное цѣлое всѣхъ польскихъ земель.

2) Побѣда Германіи надъ коалиціей европейскихъ державъ не только отдалила бы горячо ожидаемый моментъ объединенія разорваннаго отечества, но и отдала бы на вѣрную германизацію, кромѣ прусской Польши, еще значительную часть Царства Польскаго.

3) Правда, что Австрія послѣ Садовы прекратила гнетъ поляковъ и рѣшилась на значительныя національно-политическія уступки; но сдѣлала это она исключительно ради собственнаго политическаго и экономическаго интереса, въ своей же заграничной политикѣ никогда не имѣла программы относительно Польши въ ея территоріальномъ цѣломъ.

4) Вслѣдствіе тѣснаго союза съ Германіей и находясь въ настоящее время въ полной зависимости отъ берлинской политики, Австрія даже при наилучшихъ желаніяхъ своихъ государственныхъ дѣятелей не можетъ допустить болѣе широкой постановки польскаго вопроса.

5) Лозунгъ объединенія польскихъ земель и возрожденія Польши можетъ разсчитывать на полное вниманіе и сильную поддержку государствъ, которыя стоятъ во главѣ коалиціи противъ военнаго деспотизма Пруссіи, побѣда великихъ западныхъ демократій должна быть сама по себѣ тріумфомъ идеи свободы народовъ въ международныхъ отношеніяхъ. Побѣда же Пруссіи была бы пораженіемъ гуманитарной цивилизаціи, поэтому нашъ національный интересъ очень тѣсно связанъ съ разгромомъ нынѣшняго нѣмецкаго государства.

6) Организація польскихъ легіоновъ въ «тѣсномъ союзѣ съ австро-германской арміею» лишь увеличитъ изобиліе польской крови, проливаемой для тріумфа нѣмецкихъ знаменъ и во вредъ національному дѣлу.

Польскому прогрессивному союзу понятны опасенія, какъ бы политическія и національныя свободы, которыми пользуются поляки въ Галиціи, не были умень-

шены, *Союзъ* сознаетъ, что положенiе поляковъ въ русскомъ государствѣ до сихъ поръ не подверглось никакой перемѣнѣ, и понимаетъ, что патрiотическiй порывъ былъ причиною желанiя использовать нацiональныя силы Галицiи въ союзѣ съ Австрiей.

Принимая однако-же во вниманiе вышеизложенныя соображенiя, считаемъ своимъ долгомъ прямо и рѣшительно заявить, что дѣйствiя, предпринятыя Верховнымъ Нацiональнымъ Комитетомъ въ Галицiи, оказываются для польскаго дѣла вредными, и совершенно несогласными съ положенiемъ, занятымъ по отношенiю къ Пруссiи, стихiйно огромнымъ большинствомъ польскаго народа.

«Kraj».

ТРИ ЧАСТИ ПОЛЬШИ.

Европейская война поставила на очередь вопросъ о соединенiи трехъ частей Польши: русской, австрiйской и германской. Рѣчь идетъ о Польшѣ не исторической, а этнографической. Историческая Польша развивалась не въ этнографическихъ предѣлахъ, и это обстоятельство и было одной изъ причинъ ея паденiя.

Съ паденiемъ польскаго государства въ 1795 г. разрѣзанными на части оказались и земли съ кореннымъ польскимъ населенiемъ. Первоначально главная масса этихъ земель отошла къ Пруссiи, бывшей инициаторомъ трехъ раздѣловъ Польши (въ 1772, 1792 и 1795 гг.) и извлекшей изъ этихъ раздѣловъ наибольшiя выгоды. Австрiя получила сравнительно небольшую долю изъ польскаго наслѣдства, къ Россiи отошли большiя области преимущественно съ литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ населенiемъ.

Послѣ разгрома Пруссiи въ 1807 г., изъ отнятыхъ у нея польскихъ земель Наполеонъ образовалъ герцогство Варшавское, къ которому въ 1809 г. присоединилъ отнятый у Австрiи Краковъ. Послѣ побѣды европейской коалицiи надъ Наполеономъ въ 1815 г. герцогство Варшавское подъ именемъ Царства Польскаго отошло къ Россiи, но не все: Познань, Бромбергъ и Торнъ вновь вернулись подъ власть

Пруссіи, Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ, а въ 1846 г. былъ присоединенъ къ Австріи.

Александръ I стремился въ то время къ объединенію подъ своей властью всѣхъ польскихъ земель и первоначально хотѣлъ удержать не только все герцогство Варшавское, но и присоединить къ нему Галицію, принадлежащую Австріи; осуществить этого онъ не могъ, такъ какъ долженъ былъ считаться съ требованіями Пруссіи и Австріи, своихъ союзницъ въ борьбѣ съ Наполеономъ.

21 апрѣля 1815 г. состоялось соглашеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей, предпринявшими новую борьбу съ Наполеономъ, бѣжавшимъ съ Эльбы, и по этому соглашенію по польской землѣ были проведены границы, которыя, получивъ затѣмъ санкцію Вѣнскаго Конгресса, оставались неизмѣнными вплоть до нашихъ дней.

Только въ нынѣшней войнѣ впервые германскія и австрійскія войска, захвативъ города Царства Польскаго, фактически нарушили эти границы, а воззваніе русскаго Верховнаго Главнокомандующаго говоритъ о томъ, что будутъ стерты эти границы, разрѣзавшія на части польскій народъ, и всѣ части Польши будутъ объединены въ одно цѣлое.

Положеніе дѣлъ таково, что только Россія и можетъ обѣщать объединеніе *всѣхъ* частей Польши; ни Австрія, ни Германія не могутъ этого сдѣлать даже въ случаѣ побѣды надъ Россіей и захвата Царства Польскаго, ибо Австріи и Германіи пришлось бы еще отнимать польскія земли другъ у друга. Къ тому же нѣмцы смотрятъ на польскія земли Германіи, какъ на неотъемлемую часть послѣдней, которая, во что бы то ни стало должна быть онѣмеченной и навсегда остаться нѣмецкой. Даже въ нынѣшней войнѣ, обѣщая полякамъ возстановленіе Польши, нѣмцы все же спѣшатъ сдѣлать оговорку «безъ Познани».

И такъ какъ поляки страстно желаютъ объединенія въ

одно цѣлое всѣхъ частей разорванной родины и привыкли въ Германіи видѣть своего злѣйшаго и опаснѣйшаго врага, то неудивительно, что огромное большинство польскаго народа въ нынѣшней войнѣ стало на сторону Россіи, желаетъ ей побѣды и объединеніе Польши понимаетъ, какъ присоединеніе къ Царству Польскому Австрійской и Германской частей Польши.

Царство Польское, самая значительная, самая важная для развитія національной жизни часть Польши. Она значительнѣе другихъ уже по численности населенія: въ Царствѣ Польскомъ живетъ $12^1/_2$ милліоновъ, изъ нихъ поляковъ 8 милліоновъ съ лишнимъ, тогда какъ въ Австріи всего 5 милліоновъ поляковъ (3 мил. въ Западной Галиціи, $1^1/_2$ мил. въ Восточной, 250.000 въ австрійской Силезіи и 200.000 въ Венгріи), а въ Германіи меньше 4-хъ (3.800.000) (1.300.000 въ Познанской области, 1.200.000 въ Силезіи, остальные въ Западной и Восточной Пруссіи) *).

Въ Царствѣ Польскомъ находится самый большой изъ польскихъ городовъ—Варшава, населеніе которой достигаетъ 800.000, тогда какъ столица Галиціи—Львовъ—всего 200.000, Краковъ—150.000 и Познань, самый большой изъ городовъ германской Польши—250.000.

Изъ всѣхъ трехъ частей Польши только Царство Польское живетъ всесторонней экономической жизнью и имѣетъ крупную промышленность, Галиція же является страною вообще не развитой въ экономическомъ отношеніи, а германская Польша, хотя и отличается высокой земледѣльческой культурой, но не имѣетъ индустріи. Слабое развитіе промышленности въ Познани и Галиціи объясняется тѣмъ,

---

*) Я привожу въ круглыхъ цифрахъ данныя, взятыя изъ статистическаго ежегодника Царства Польскаго за 1913 г., изданнаго въ Варшавѣ (Rocznik statystyczny Królestwa Polskiego Rok 1913—Warszawa. 1914).

что эти земли съ одной стороны отрѣзаны отъ русскихъ рынковъ, а съ другой—не защищены отъ конкуренціи германской промышленности. Экономическая жизнь Царства польскаго является той основой, на которой развивается и умственная и культурная жизнь края.

Сопоставленіе въ этомъ отношеніи Царства Польскаго и Галиціи чрезвычайно поучительно. Внѣшнія условія для развитія умственной и культурной жизни въ высшей степени неблагопріятны въ Царствѣ Польскомъ и очень благопріятны въ Галиціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ имѣвшее до 1831 г. свою особую конституцію, Царство Польское обращено было просто въ русскую провинцію—«Привислинскій край», началась политика нивеллировки національныхъ и культурныхъ особенностей края, политика обрусѣнія, которая особенно усилилась послѣ возстанія 1863 г.: польскія школы были закрыты и замѣнены русскими учебными заведеніями, русскій языкъ постепенно былъ введенъ во всѣ правительственныя учрежденія. Тѣмъ не менѣе, умственная и культурная жизнь въ Царствѣ Польскомъ развита въ высокой степени.

Въ первое время, когда Галиція подпала подъ власть Австріи, дѣлались попытки германизировать ее и задавить польскую культуру. Но съ тѣхъ поръ какъ Австрія, разгромленная въ 1866 г. Пруссіей, почувствовала потребность опереться на славянскіе народы Габсбургской монархіи, положеніе дѣлъ радикальнымъ образомъ измѣнилось. Галиція получила автономію, и поляки заняли въ ней господствующее положеніе. Польскій языкъ сталъ языкомъ управленія и преподаванія, польская администрація края не только не препятствовала, но покровительствовала насажденію національныхъ польскихъ учрежденій, всякія культурно-просвѣтительныя польскія общества могли свободно возникать и развиваться, конституціонный режимъ

Австріи обезпечивалъ свободу печати и разнымъ политическимъ и демократическимъ организаціямъ. Здѣсь два польскихъ университета (въ Краковѣ и Львовѣ), національные польскіе музеи и библіотеки, научныя, культурныя и политическія общества, издается много книгъ и журналовъ. И тѣмъ не менѣе умственная жизнь здѣсь не богаче, а бѣднѣе Царства Польскаго, атмосфера галиційской жизни сонная, пропитанная клерикализмомъ, предразсудками аристократическими съ одной стороны, мѣщанскими съ другой. И если въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи галиційское общество сильно измѣнилось, стало болѣе демократическимъ и прогрессивнымъ, то благодаря именно Царству Польскому, изъ котораго хлынули толпы польской молодежи, желающей учиться въ польскихъ университетахъ Галиціи. Умственная атмосфера Галиціи сильно измѣнилась подъ вліяніемъ «крулевяковъ» (krolewiacy—жители Царства Польскаго).

Чѣмъ же это объясняется?

Тѣмъ, что Галиція, имѣя благопріятныя политическія условія для національнаго развитія, лишена той матеріальной основы, въ которой нуждается всякая духовная культура,—тѣмъ, что это бѣдная, отсталая въ экономическомъ отношеніи страна, въ которой слабо развитъ демократическій слой населенія, въ которой мало и независимой буржуазіи, и фабричнаго пролетаріата, а общество составляютъ дворянство, чиновничество и мелкое мѣщанство.

Царство же Польское именно богато тѣми демократическими элементами, которыхъ недостаетъ Галиціи. Сдавленная внѣшними преградами жизнь, питаемая глубокими источниками, въ Царствѣ Польскомъ не изсякаетъ и рвется наружу, въ Галиціи же жизни національной не ставятъ внѣшнихъ преградъ, но само теченіе ея неглубоко и несильно, ибо нѣтъ источниковъ питающихъ его.

Галиційскіе поляки, глядя на поверхность явленія

и цѣня тѣ политическія права, которыми они обладаютъ, и которыхъ лишено Царство Польское, заявили себя австрофилами и приглашали русскихъ поляковъ стать на сторону Австріи, мечтая о присоединеніи Царства Польского къ Галиціи.

Призывъ этотъ въ Царствѣ Польскомъ не имѣлъ успѣха, присоединеніе богатого Царства Польского къ полунищей Галиціи не показалось соблазнительнымъ, а затѣмъ рѣшающую роль здѣсь сыграло то обстоятельство, что Австрія выступала, какъ союзникъ Германіи, въ Германіи же всѣ поляки видятъ своего главного и злѣйшаго врага. Антигерманское движеніе приняло въ Польшѣ почти стихійный характеръ. Народныя массы въ Польшѣ инстинктомъ почувствовали, что Германія для нихъ опаснѣй Россіи.

Дѣйствительно, русскій режимъ въ Царствѣ Польскомъ отражался неблагопріятно главнымъ образомъ на духовной культурѣ, гнетъ его чувствовала больше всего интеллигенція, но режимъ этотъ не подрывалъ матеріальныхъ основъ существованія польской націи, тогда какъ Германія направила удары именно на эти матеріальныя основы. Въ этомъ суть германской политики искорененія. Русская политика мѣшала росту и цвѣтенію польской національности, германская же подрѣзывала и вырывала корни ея.

Эта политика «искорененія» въ германской Польшѣ достаточно извѣстна, и она накопила въ польскихъ сердцахъ столько ненависти по отношенію къ пруссакамъ, что ни о какомъ союзѣ съ Германіей въ Польшѣ не могло быть и рѣчи. Австрофилы были поставлены этимъ въ безвыходное положеніе.

Итакъ, изъ трехъ частей Польши двѣ (русская и германская) опредѣленно и рѣшительно высказались за Россію. Третью часть, Галицію, удерживаетъ страхъ передъ политикой обрусѣнія, опасеніе лишиться тѣхъ культурныхъ благъ политическихъ свободъ, которыми она пользуется

въ Австріи. Если бы не этотъ страхъ, она тоже желала бы побѣды Россіи, благодаря которой станетъ возможнымъ соединеніе въ одно цѣлое трехъ частей Польши, а къ этому соединенію естественно стремятся всѣ поляки.

Независимо даже отъ тѣхъ политическихъ условій, въ которыя будетъ поставлена будущая объединенная Польша, самъ фактъ этого объединенія будетъ имѣть колоссальное значеніе для развитія польскаго народа, послужитъ толчкомъ къ новому расцвѣту національной жизни. Вѣдь каждая изъ трехъ частей Польши въ теченіе столѣтія жила особой жизнью и, не теряя сознанія общаго единства, пріобрѣла характерныя особенности. Эти особенности являются залогомъ того, что слитая опять воедино польская жизнь будетъ отличаться разнообразіемъ и богатствомъ. И нельзя сомнѣваться, что эта разнообразная и богатая національная жизнь сумѣетъ создать для себя такія внѣшнія условія, какія требуются для ея развитія. Если польскій народъ, даже раздѣленный между тремя державами сумѣлъ сохранить свою индивидуальность, если даже тѣ нѣсколько милліоновъ поляковъ, которые предоставлены были въ жертву германизму и одними своими силами безъ помощи другихъ частей Польши должны были сдерживать страшный напоръ волнъ германского моря, сумѣли сохранить и свою землю, и свою національность, то не очевидно ли, что соединившись въ одно цѣлое, 17 милліоновъ поляковъ, населяющихъ этнографическую Польшу, смогутъ отстоять себѣ и право на жизнь и подобающее мѣсто среди другихъ культурныхъ націй Европы.

Л. Козловскій.

«Народы и области».

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ГРАНИЦЫ.

Если польскій вопросъ обнажить отъ тѣхъ прекрасныхъ и величественныхъ покрывалъ, какими окутала его исторія, поэзія, творчество народнаго воображенія, идеологія разныхъ партій, политическихъ направленій, гордость ихъ творцовъ и вождей и т. д., то останется еще одна изъ наиболѣе серьезныхъ проблемъ великой науки о жизни вообще, о жизни народовъ или людскихъ группъ въ частности,—проблема, которая носитъ странное, но зато много говорящее названіе: урегулированіе этнографическихъ границъ.

Польша, съ точки зрѣнія безпристрастной науки, это группа живыхъ людей, живой организмъ, который, во имя эгоистическихъ цѣлей, разрѣзали на куски.

То же самое можно сказать о всѣхъ другихъ племенахъ, съ которыми поступали аналогичнымъ образомъ. Черезъ ихъ живыя тѣла грубо проведены неподвижныя, защищенныя крѣпостями, таможнями, штыками, конвенціями, формальностями и т. п., нынѣшнія, такъ называемыя, политическія границы—произведенія искусственныя, считающіяся съ разными потребностями, но отнюдь не съ естественными границами разсѣленія этихъ живыхъ соединеній людей, которыя называются народами.

Естественной территоріальной границей каждой націс-

нальной группы служатъ ея этнографическія границы. Пока національности существуютъ, то при всѣхъ искусственныхъ подраздѣленіяхъ, политическихъ или административныхъ, *этнографическія границы въ виду нынѣшняго положенія вещей, должны приниматься во вниманіе.*

Это прямое требованіе морали и гуманности, равно какъ и логики,—правило международной этики, равно какъ и—истина науки.

Настоящая война, какія бы ни преслѣдовала она сокрытыя и болѣе отдаленныя цѣли, согласно съ послѣдней декларацiей Россіи, ведется прежде всего подъ знакомъ урегулированія политическихъ границъ и согласованія ихъ съ этнографическими въ мѣстахъ, гдѣ вопросъ этотъ особенно наболѣлъ.

Эти наболѣвшіе вопросы носятъ всѣмъ извѣстныя многоговорящія названія: польскій вопросъ, вопросъ Эльзаса и Лотарингіи, сербскій, вопросъ балканскихъ славянъ, а также австрійскихъ, вопросъ Истріи и Тріента, вопросъ Шлезвигъ-Голштиніи, украинскій, литовскій, другіе, за которыми въ глубинѣ таится цѣлый рядъ несозрѣвшихъ еще, разсѣянныхъ по всему земному шару, аналогичныхъ вопросовъ, въ родѣ вопросовъ отдѣльныхъ королевствъ и княжествъ нѣмецкаго союза; такіе же вопросы существуютъ въ Азіи и Африкѣ.

И вотъ, подъ знакомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ и проблемъ, ведется настоящая война государствами, сгруппированными вокругъ тройственнаго согласія.

Прежде же всего она ведется противъ Германіи, а въ особенности Пруссіи, по той причинѣ, что Пруссія—виновница слишкомъ многихъ подобныхъ вивисекцій, учиненныхъ на живыхъ народахъ, то непосредственно, собственноручно, то посредствомъ другихъ, именно Австріи, а затѣмъ Россіи. Что касается впрочемъ послѣдней, то

послѣ «Воззванія къ полякамъ», это уже дѣло прошлаго.

Германія, расширяясь территоріально, рвала и рѣзала живыя тѣла народовъ, создавая на своихъ границахъ, вѣчно обновляющіяся, истекающія кровью, незажитыя язвы. Даже внутри Германіи, Пруссія придерживалась систематически этой же самой практики въ отношеніи къ близкимъ ей германскимъ племенамъ; съ большею лишь безцеремонностью примѣняла она этотъ методъ къ чужимъ, созидая въ нѣдрахъ самой Германской имперіи, менѣе острое, но такого же рода, воспаленное состояніе.

Этотъ же самый методъ Пруссія систематически примѣняла не только въ завоеванныхъ территоріяхъ, но и въ области экономической, прокладывая свои коммерческіе пути по старымъ чужимъ трактамъ, не считаясь ни съ чѣмъ, какъ это мы видѣли въ стремленіи Германіи черезъ Царство Польское къ Востоку, черезъ Австрію—къ Адріатическимъ портамъ или черезъ эту же Австрію и Балканы—къ Салоникамъ, черезъ Малую Азію—къ Персіи и Персидскому заливу.

Вездѣ мы замѣчаемъ этотъ же самый методъ игнорированія чужихъ интересовъ, притѣсненіе болѣе слабыхъ, политику интригъ, коварствъ и т. п.

Послѣ одержанія побѣды надъ Германіей и Австріей въ той мѣрѣ, въ какой почти всѣ этого желаютъ, послѣдуетъ прежде всего возстановленіе Франціи, Даніи и Италіи въ ихъ прежнихъ этнографическихъ границахъ, установленіе такихъ же границъ для славянскихъ народовъ Австріи и на Балканахъ; упраздненіе искусственныхъ, политическихъ границъ, разрѣзавшихъ Польшу, со стороны Австріи и Германіи.

Другими словами—побѣда надъ двойственнымъ союзомъ поведетъ къ тому, что нѣмцы будутъ втиснуты въ ихъ натуральныя этнографическія границы, а судьбу ихъ

раздѣлятъ безъ сомнѣнія и венгерцы. Переворотъ этотъ зависитъ нынѣ отъ исхода настоящей войны. Осуществится ли онъ кровопролитно, но гладко, по простой линіи, или же вызоветъ трудныя осложненія, которыя отодвинутъ его на долгія лѣта, или окажется совсѣмъ неосуществимымъ, — на вопросы эти могъ бы отвѣтить лишь тотъ, кому дано ясновидѣнье. Если же хотя часть этихъ плановъ будетъ осуществлена, то изъ жизни Европы исчезнетъ извѣстное количество устарѣлыхъ аномалій, которыя мутили ея спокойствіе, возбуждали безпрестанно къ лишнимъ усиліямъ и матеріальнымъ жертвамъ, заграждая путь къ реформамъ и улучшеніямъ соціальнымъ и экономическимъ, тормозя развитіе богатства и культуры.

Границы политическія и административныя, прежде всего должны быть согласованы съ этнографическими, независимо отъ того, какую спеціальную политическую форму приметъ жизнь даннаго народа, какая степень его независимости и какой родъ культуры. Этика и наука вынесли уже давно свой приговоръ.

Нынѣ заговорила суровая практика: война.

Ф. Яблчинскій.

«Widnokrąg».

«ПОЛЬСКІЙ ПЬЕМОНТЪ».

«Какъ еще сложится судьба поляковъ въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ,—говорилъ австро-польскій политикъ старой школы,—никто не можетъ предсказать. Тамъ и здѣсь поляки, все же, въ извѣстномъ смыслѣ, представляютъ занозу въ чужомъ тѣлѣ, и смогутъ ли они сохраниться, а тѣмъ болѣе осуществится ли когда-нибудь въ дѣйствительности возрожденіе независимой Польши, кто можетъ знать это? Но одно только уже несомнѣнно вѣрно: поляки въ Австрійской имперіи имѣютъ вѣрное убѣжище, и польская народность Австріи въ національномъ смыслѣ не погибнетъ, пока Австрія сама не будетъ раздроблена».

Этому старо-аристократическому «трехъ-лойяльному», а для Австріи узко-галиційскому направленію новое поколѣніе противопоставило болѣе широкую и смѣлую оріентацію «всепольскую». Но и новое направленіе не отказывалось видѣть въ Галиціи «польскій Пьемонтъ». Оно только соотвѣтственно своей болѣе рѣшительной и боевой психологіи, энергично принялась готовить изъ Галиціи вмѣсто уютнаго «убѣжища» прочную боевую базу. Въ качествѣ преддверія къ самостоятельности Польши, оно хотѣло создать самостоятельность—или по крайней мѣрѣ добиться автономіи Галиціи.

Старый политикъ энергично протестовалъ даже противъ попытки Бадени—тоже дѣятеля старой школы—создать въ рейхсратѣ «автономистское большинство» путемъ поддержки притязанія чеховъ на возстановленіе стараго государственнаго права. Но именно паденіе Бадени (1898) показало всеполякамъ невозможность добиться мирнымъ путемъ особаго положенія для Галиціи и получить въ лицѣ Франца-Іосифа своего польскаго короля. «Всепольская демократія» стала искать новыхъ путей борьбы и болѣе широкихъ горизонтовъ. Вмѣсто польскаго кола съ его парламентской борьбой, принужденной считаться съ традиціями австрійскаго централизма, выдвинулась впередъ «Лига Народова». Въ «Словѣ Польскомъ» (11 марта 1899) открыто провозглашалось: «для польскаго дѣла желательно, чтобы Галиція стала польскимъ Пьемонтомъ. Для этой цѣли необходимо измѣненіе ея отношеній къ Австріи». А редакція газеты, не порвавшая еще съ традиціями «кола», прибавляла: «почтенный авторъ неостороженъ. Если онъ дѣйствительно желаетъ обособленія Галиціи, то пусть даже не произноситъ словъ: польскій Пьемонтъ. Ибо этимъ онъ всего скорѣе оттолкнетъ вліятельные круги Австріи».

Эта реплика публициста старой школы демократу новаго курса лучше всего показываетъ, что при всей разницѣ перспективъ и методовъ, цѣль у стараго и у новаго поколѣній была одна и та же. Старое поколѣніе не говорило о «польскомъ Пьемонтѣ». Но оно его готовило. И то, что смогло сдѣлать новое поколѣніе, оно сдѣлало лишь стоя на плечахъ своихъ предшественниковъ.

Прежде, чѣмъ итти дальше въ ознакомленіи съ исторіей этой борьбы поколѣній за «Sonderstellung» Галиціи, необходимо напомнить объ одномъ осложняющемъ обстоятельствѣ. Поляки чувствовали себя въ Галиціи «дома»; но они были тамъ не одни. Взглядъ на прилагаемую

карту *) покажетъ читателю, что въ восточной половинѣ Галиціи большинство населенія не польское, а «русинское» (украинское). Вначалѣ это обстоятельство, въ виду слабости національнаго самосознанія среди русинскаго населенія, не составляло помѣхи въ національныхъ стремленіяхъ поляковъ. Но уже само австрійское правительство, борясь противъ польскихъ притязаній, позаботилось о сохраненіи языка и народности русинъ. А когда потомъ началось и собственное національное украинское движеніе, то полякамъ пришлось опредѣлить точнѣе свое отношеніе къ сосѣдямъ въ польскомъ Пьемонтѣ. Я еще вернусь къ этой борьбѣ, и тогда мы увидимъ, что отношенія эти прошли черезъ три фазиса—первоначальнаго сентиментальнаго братанія, острой національной борьбы сильнаго съ слабымъ, а въ послѣднее время—нѣкоторыхъ попытокъ соглашенія.

Въ исторіи борьбы за созданіе «польскаго Пьемонта» этотъ сперва этнографическій, а потомъ и политическій фактъ не могъ не сказаться. Онъ и сказался тѣмъ, что поляки выдвинулись въ рядъ тѣхъ народовъ Австро-Венгріи, которые боролись не только за собственную національную самостоятельность, но и за областное обособлении территоріи, на которой составляли господствующую народность. Во-внѣ они боролись противъ централизаціи и за сохраненіе цѣльности области. Внутри—принимали мѣры для сохраненія польскаго преобладанія и господства. Припомнимъ, что національная польская идея до послѣдняго времени была идеей «ягеллонской», т.-е. идеей возстановленія Польши не въ теперешнихъ этнографическихъ, а въ старыхъ политическихъ границахъ.

Въ статьѣ о «соединенныхъ штатахъ Австріи» я говорилъ

---

*) Въ «Рѣчи» къ статьѣ П. Н. Милюкова была приложена другая карта. Мы прилагаемъ въ концѣ книги другую этнографическую карту Польши, показывающую то же самое. *Прим. ред.*

о проектахъ федеративной организаціи національностей Австріи на основаніи предварительнаго этнографическаго разграниченія. Старые польскіе федералисты не могли стать на эту точку зрѣнія. Они должны были замѣнить понятіе національно-этнографическихъ группъ понятіемъ «историко-политическихъ индивидуальностей». Уже Поповици замѣтилъ, что это понятіе, весьма пригодное для чеховъ, плохо прилагалось къ Галиціи, востокъ которой «исторически» принадлежалъ Венгріи, а западъ, за исключеніемъ Кракова, чешской коронѣ. Тѣмъ не менѣе, понятіе «историко-политической индивидуальности», въ приложеніи къ Галиціи, является уже въ первыхъ автономистскихъ заявленіяхъ теоретика стараго федерализма, Франца Смольки. Въ 1848 году онъ уже предлагалъ австро-венгро-галиційскую унію, предоставляя, такимъ образомъ въ австрійской части нѣмцамъ главенство надъ чехами, въ венгерской мадьярамъ главенство надъ словаками и румынами, въ галиційской—полякамъ надъ русинами. 18 марта 1848 года городъ Львовъ подалъ написанную Смолькой петицію, въ которой заявлялись, на ряду съ весьма радикальными требованіями равенства гражданъ, уничтоженія панщизны, расширенія представительства, отмѣны цензуры и провозглашенія общей политической амнистіи, также и требованія объ «отдѣльной провинціальной администраціи» и войскѣ, о назначеніи чиновниками мѣстныхъ людей и о «гарантіяхъ для польской національности, съ отмѣной всѣхъ ограниченій, препятствующихъ ея свободному развитію». Гораздо обстоятельнѣе идея о самостоятельномъ положеніи Галиціи развита въ другомъ предложеніи Смольки, поданномъ въ сеймъ въ 1866 году и легшимъ въ основу знаменитой «резолюціи» 1868 года. Сейму предлагалось постановить, что государственный строй Цислейтаніи «не соотвѣтствуетъ правильно понятому интересу монархіи, такъ какъ не принимаетъ во вниманіе правъ и потребностей отдѣльныхъ составныхъ частей,

составляющихъ *особыя историко-политическія національныя индивидуальности*, и, соединяя ихъ въ одно тѣло съ централистической и объединительной тенденціей, препятствуетъ свободѣ ихъ естественнаго и самостоятельнаго развитія». Исходя изъ этого положенія, Смолька предлагалъ сейму принять раздѣленіе Австріи на «четыре большія группы областей, составляющихъ отдѣльныя историко-политическія національныя индивидуальности», а именно: 1) области короны св. Стефана (Венгрію), 2) нѣмецкія, такъ называемыя наслѣдственныя области, 3) области короны св. Вацлава (Чехію) и, наконецъ, 4) королевство Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и съ Буковиной. «Каждая изъ этихъ группъ должна получить самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и всѣ должны войти въ федеративный союзъ, выражающійся въ общемъ представительствѣ для общихъ дѣлъ, *не предрѣшая, какія взаимныя отношенія признаютъ для себя наиболѣе соотвѣтственными области, входящія въ одну группу*».

Что касается, въ частности, королевства Галиціи Смолька предлагалъ признать, что ему «можетъ соотвѣтствовать только такое самоуправленіе и государственная связь съ монархіей, какія имѣетъ Венгрія, такъ какъ королевство Галиція, составляя органическую часть старой Рѣчи Посполитой—этой великой историко-политической индивидуальности, которая сто лѣтъ назадъ выполняла и теперь еще выполняетъ важную миссію въ Европѣ и которая, хотя и вычеркнутая изъ числа самостоятельныхъ государствъ, живетъ полной жизнью въ ряду народовъ и, принадлежа Австріи всего недавнѣе, подпавши всего позднѣе процессу унификаціи и опираясь на свои національныя права, не погашаемыя никакой давностью...—больше всякой другой области имѣетъ безспорное право требовать отдѣльнаго самостоятельнаго положенія».

Галицийскій сеймъ 24 сентября 1868 г. рѣшилъ внести

въ Государственный Совѣтъ «резолюцію», основанную на этомъ предложеніи Смольки. Въ «резолюціи» этой компетенція галиційскаго сейма опредѣлялась исключительно широко, а связь сейма, въ лицѣ его делегаціи, съ другими частями монархіи ограничивалась лишь участіемъ въ преніяхъ Государственнаго Совѣта по общимъ для всей монархіи вопросамъ. Въ коронномъ совѣтѣ Галиція должна была получить своего отдѣльнаго министра.

Вѣнское правительство испугалось федеративныхъ стремленій партіи Смольки. Но оно нуждалось въ польскихъ голосахъ. Вотъ почему, трижды проваливъ «резолюцію» федералистовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, оно, однако, не отказывалось дѣлать частичныя уступки вліятельному польскому колу и давало Галиціи одну привилегію за другою путемъ указовъ и циркуляровъ. При этомъ, однако, правительство очень заботилось о томъ, чтобы не дать полякамъ въ Галиціи чрезмѣрнаго преобладанія надъ русинами.

Политика поддержки правъ болѣе слабыхъ національностей противъ притязаній господствующихъ была традиціонной политикой австрійскаго правительства. Въ частности, для Галиціи уже областная конституція 29 сентября 1850 года опредѣляла, что «польская и русинская, такъ же какъ и другія живущія въ области народности (разумѣлась, главнымъ образомъ, нѣмецкая)—*равноправны*». Патентомъ 1849 года «русинскій» языкъ, на ряду съ польскимъ признавался «мѣстноупотребительнымъ» (Landesübliche Sprache). Русскій шрифтъ (кириллица) былъ принятъ въ школьномъ преподаваніи и въ служебной перепискѣ. Въ восточной Галиціи, по утвержденію Фишеля*), русинскій языкъ въ этомъ отношеніи совершенно вытѣснилъ польскій. Графъ Стадіонъ и Ал. Бахъ приняли отъ Куземскаго пети-

---

*) «Das Oesterreichische Sprachenrecht». Brünn, 1901, p. VIII.

цію о желаніяхъ русиновъ, составленную на общемъ національномъ собраніи во Львовѣ.

Поляки, конечно, были очень недовольны этимъ положеніемъ дѣла и обвиняли гр. Стадіона въ томъ, что онъ, въ ущербъ ихъ интересамъ, «выдумалъ» новую народность. Соотвѣтственно теоріи «историко-политическихъ индивидуальностей» въ Галиціи долженъ былъ быть введенъ одинъ «областной языкъ» (Landessprache) вмѣсто трехъ «мѣстноупотребительныхъ» (Landesüblichen), польскаго, русинскаго и нѣмецкаго.

Голуховскій, замѣнившій Баха въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (августъ 1859 г.), поставилъ своей задачей постепенно доставить преобладаніе въ Галиціи польскому языку. Указомъ 20 декабря 1859 г. былъ установленъ принципъ равноправности однихъ только «областныхъ языковъ» (Landessprachen). Тайнымъ циркуляромъ 26 іюня 1860 г. установлено *исключительное* употребленіе польскаго языка въ четырехъ западныхъ уѣздахъ Галиціи и совмѣстное его употребленіе съ русинскимъ въ 12 восточныхъ уѣздахъ. Пользованіе кириллицей было запрещено. Хотя «внутреннимъ» языкомъ администраціи формально оставался нѣмецкій, но фактически уже положено было начало полонизаціи чиновничества, а въ письменныхъ документахъ суда польскій языкъ получилъ преобладаніе.

13 декабря 1860 Голуховскій палъ. Его преемникъ Шмерлингъ сдѣлалъ новую попытку противопоставить «историко-политическимъ индивидуальностямъ» привилегированныхъ національностей дѣйствительное равноправіе всѣхъ народностей, большихъ и малыхъ. Въ тронной рѣчи 1 мая 1861 г., которою открылась первая сессія рейхсрата, «равноправіе *всѣхъ* народовъ» было провозглашено, на ряду съ равенствомъ гражданъ и участіемъ народныхъ представителей въ законодательствѣ, въ качествѣ основного начала «свободныхъ учрежденій». Поляки отозвались на это—требованіемъ

галиційскаго сейма (апрѣль 1861) о признаніи польскаго языка исключительнымъ языкомъ администраціи и о введеніи преподаванія польскаго языка въ краковскомъ университетѣ. Русины отвѣтили на требованіе поляковъ посылкой «промеморіи», въ которой добивались отмѣны «пагубныхъ министерскихъ циркуляровъ о русинскомъ языкѣ и алфавитѣ».

На этотъ разъ побѣдили русины. Указомъ 10 апрѣля 1861 года всѣмъ чиновникамъ Восточной Галиціи и Буковины приказано было принимать русинскія заявленія, хотя бы изложенныя кириллицей. Шмерлингъ объявлялъ, что въ задачи правительства не входитъ непосредственное воздѣйствіе на созданіе и литературное развитіе того или другого языка и отмѣнилъ искусственное польское правописаніе, навязанное русинамъ. На будущее время имъ была обѣщана полная свобода пользованія народной рѣчью для «самостоятельнаго развитія языка и для развитія ихъ литературы».

Со вступленіемъ въ министерство Белькреди (1865 г.) снова началась усиленная дѣятельность сторонниковъ «историко-политическихъ индивидуальностей» и исключительныхъ правъ «областныхъ языковъ». Польскій языкъ въ Галиціи былъ признанъ (1866 г.) автентическимъ при изданіи законовъ и распоряженій.

Такъ стояло дѣло къ моменту установленія австро-венгерскаго дуализма и изданія австрійской конституціи 21 декабря 1867 года.

Поляки только-что помогли правительству заключить австро-венгерское соглашеніе, и правительство продолжало нуждаться въ ихъ голосахъ для борьбы съ чехами. Такимъ образомъ, для расширенія правъ поляковъ въ Галиціи складывалась очень благопріятная обстановка.

Правда, параграфъ 19-й конституціи 1867 года, цитированный раньше, рѣшалъ споръ между Landessprachen

и Landesübliche Sprachen въ пользу равноправія *всѣхъ* народностей. Но это былъ голый принципъ, не облеченный въ форму конкретнаго закона и уже потому безсильный бороться съ требованіями сильныхъ «историко-политическихъ индивидуальностей».

Конечно, желанія федералистовъ галиційскаго сейма, высказанныя въ упомянутой выше «резолюціи» 1868 г., удовлетворены не были. Но зато правительство сдѣлало польскому клубу рядъ частичныхъ уступокъ, окончательно рѣшившихъ вопросъ о преобладающемъ положеніи поляковъ въ Галиціи. Закономъ 22 іюня 1867 года рѣшенъ вопросъ объ употребленіи языковъ въ школахъ. Нѣмецкій языкъ здѣсь устранялся вовсе*), а изъ двухъ другихъ, при сохраненіи внѣшняго равноправія, перевѣсъ—особенно въ средней школѣ—давался польскому надъ русинскимъ. Циркуляромъ министерства юстиціи 23 февраля 1868 года нѣмецкій языкъ былъ выведенъ изъ употребленія и въ судахъ, при чемъ въ Западной Галиціи судебный процессъ и всѣ акты судопроизводства велись на польскомъ языкѣ, а въ Восточной Галиціи—на польскомъ или на русинскомъ. Эти два постановленія сдѣлали поляковъ хозяевами въ такихъ важныхъ областяхъ общественной жизни, какъ школа и судъ. 5 ноября 1868 года галиційскій земскій школьный совѣтъ объявилъ польскій языкъ—своимъ служебнымъ языкомъ. 5 іюня 1869 года это правило распространено на всю внутреннюю администрацію, за исключеніемъ военныхъ учрежденій и казначейства. Тогда же введенъ былъ польскій языкъ въ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ нѣмецкой литературы, въ краковскомъ университетѣ. Въ 1870 году, при новомъ (второмъ) провалѣ «резолюціи», сдѣланы уступки относительно преподавательскаго языка

*) Въ 1880 г. это постановленіе отмѣнено, какъ противорѣчившее § 19 конституціи.

въ львовскомъ университетѣ и политехникумѣ. Кромѣ того, созданъ былъ постъ особаго министра для Галиціи.

Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ взятыя, такъ хорошо обезпечивали интересы господствующей польской партіи, что когда въ 1879 году въ Государственномъ Совѣтѣ могло образоваться случайное большинство для проведенія галиційской «резолюціи» объ автономіи Галиціи, польское коло само отказалось воспользоваться этой возможностью. Оно предпочитало, сохраняя лойяльность по отношенію къ австрійской государственной идеѣ, пользоваться за это непосредственнымъ участіемъ во власти и укрѣплять вліяніе польскаго элемента въ Галиціи. Вопросъ о выдѣленіи Галиціи заглохъ на долгое время. Онъ былъ вновь поставленъ на очередь уже въ концѣ XIX вѣка, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ демократическихъ теченій и партій, выставившихъ лозунгъ «польскаго Пьемонта».

П. Милюковъ.

«Рѣчь».

ПОЛЯКИ ВЪ ПРУССІИ.

I.

Воззваніе Верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ составляетъ эру въ исторіи русско-польскихъ отношеній. Тѣ поляки, которымъ воззваніе это напомнило времена Императора Александра I, отнюдь не преувеличивали. Главная черта и главная мысль воззванія идетъ еще дальше. Оно говоритъ о «завѣтной мечтѣ отцовъ и дѣдовъ», а мечта эта извѣстна. Оно говоритъ о «воскресеніи» «растерзаннаго на куски живого тѣла Польши», оно хочетъ «стереть границы, разрѣзавшія на части польскій народъ», и призываетъ его «возсоединиться во-едино». Эти мысли, эти предложенія взываютъ къ чувству каждаго поляка, гдѣ бы онъ ни жилъ. Поляки русской «дѣльницы» уже откликнулись на воззваніе. Какъ откликнутся поляки двухъ другихъ «дѣльницъ», германской и австрійской? Мы не можемъ ожидать отъ нихъ прямыхъ сочувственныхъ заявленій, пока не проявлены успѣхи русскаго оружія и пока они не освобождены отъ ихъ теперешнихъ государственныхъ узъ. Но косвенный отвѣтъ мы получить можемъ. Вѣдь та «возможность», которая открылась передъ поляками 2 августа 1914 года, не переставала существовать въ ихъ представленіи въ теченіе цѣлаго столѣтія,—и не переставала даже быть предметомъ ихъ практической національной политики. Отъ колыбели до могилы каждый

полякъ «жилъ надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа», и воззваніе право въ томъ, что тутъ, въ этомъ чаяніи, была «душа» польскаго народа. Оно право и въ выборѣ символа этой вѣры: «креста, символа страданія и воскресенія народовъ», ибо національное вѣрованіе польскаго народа неразрывно слилось съ религіознымъ и даже съ религіозно-мистическимъ. Воззваніе говоритъ съ поляками ихъ языкомъ; вотъ почему оно проникаетъ въ самые глубокіе тайники народной души. Душа эта искала себѣ выхода, внѣшняго выраженія въ теченіе болѣе вѣка. Намъ стоитъ прислушаться къ этимъ выраженіямъ, и мы оцѣнимъ шансы на успѣхъ воззванія 2-го августа.

По понятнымъ причинамъ было бы напрасно искать полнаго выраженія польскихъ упованій въ русской печати. Но вездѣ, гдѣ была возможность высказываться, поляки не молчали. Вотъ почему и за подтвержденіемъ впечатлѣнія, произведеннаго воззваніемъ, намъ лучше всего обращаться къ зарубежной польской публицистикѣ.

Мы обратимся на этотъ разъ къ источнику, на первый взглядъ довольно неожиданному: къ германской націоналистической литературѣ. Тѣ чувства и мысли, которыя санкціонируются воззваніемъ, въ Пруссіи граничили съ государственнымъ преступленіемъ. Подбирая ихъ литературныя проявленія, германскіе противники составляли изъ нихъ обвинительные акты. Какъ всегда въ обвинительныхъ актахъ, картина тутъ сгущена. Но, однако же, въ основѣ обвиненія лежатъ подлинныя заявленія самихъ поляковъ въ печати, въ общественныхъ собраніяхъ, въ законодательныхъ палатахъ. Съ истинно-нѣмецкой аккуратностью, германцы подобрали эти заявленія, расклассифицировали ихъ по рубрикамъ и напечатали съ комментаріями, какъ доказательство польской нелойяльности. Заглянемъ же въ эти обвинительные акты: сегодня мы, друзья

и братья, испытаемъ при чтенiи ихъ чувства, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя руководили ихъ составителями *).

Первое, что мы извлечемъ изъ этого чтенiя, это то, что поляки за все время своей связи съ прусскимъ государствомъ не примирялись съ этой связью и смотрѣли на свое положенiе германскихъ подданныхъ, какъ на временное. Отношенiе это оставалось однимъ и тѣмъ же, какъ бы ни измѣнялась тактика по отношенiю къ нимъ германскаго правительства.

15 мая 1815 года Фридрихъ-Вильгельмъ III заявилъ полякамъ: «Вы будете присоединены къ моей монархiи, но не будете вынуждены отказываться отъ своей нацiональности. Вы будете пользоваться конституцiей, которую я дамъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ, и, подобно прочимъ провинцiямъ моего государства, вы получите провинцiальное представительство...» «Религiя будетъ сохранена, языкъ будетъ допущенъ къ употребленiю на ряду съ нѣмецкимъ; доступъ къ государственной службѣ будетъ свободенъ».

Эти мѣры не привели къ послѣдствiямъ, на которыя были разсчитаны. Тогда Фридрихъ-Вильгельмъ III покончилъ съ «примирительнымъ перiодомъ» (1830), и новый оберъ-президентъ Познани, Флотвель, примѣнилъ противоположную тактику. «Нацiональныя учрежденiя и нравы польскаго населенiя будутъ постепенно устранены, элементы германской жизни, напротивъ, будутъ распространены, чтобы, въ концѣ-концовъ, могло состояться полное

---

*) Мы пользуемся, главнымъ образомъ, двумя произведенiями этого рода: 1) Polenspagel. Die Omtriebe der Polen nach ihrer eigenen Presse, von Wagner und Vosberg. Hgb. im Auftrage des Deutschen Ostmarkenvereins. Berlin. 1908, pp. LXIV+340 и 2) Deutschthum und Polenthum, in politisch-konfessioneller Bedeutung, im Auftrage der Deutschen Vereinigung, verfasst von D-r Iohannes Altkemper Leipzig. 1910. XVI+252.

сліяніе обѣихъ національностей на основѣ германской культуры».

Однако, и этотъ второй періодъ—германизаціи (1830—1841)—оказался недолговременнымъ. Съ вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV начались новыя попытки примиренія. Преемнику Флотвеля было приказано «избѣгать всякихъ проявленій намѣреннаго оттѣсненія польскаго населенія нѣмецкимъ». Польскому населенію этого было недостаточно. Ландтаги 1841, 1842, 1845 гг. выставили рядъ требованій, на которыя король отвѣчалъ отказомъ и угрозой—вовсе уничтожить провинціальное представительство. Въ 1846 г. послѣдовала попытка возстанія, а въ 1847 г. въ Берлинѣ 254 лица обвинялись въ государственной измѣнѣ. Всѣ были помилованы. Въ 1848 г. разыгралось новое возстаніе, и посланная въ Берлинъ депутація потребовала «національной реорганизаціи» великаго герцогства. Король сперва обѣщалъ уступить, но потомъ возстаніе было подавлено. При обсужденіи прусской конституціи польскіе депутаты въ верхней палатѣ предложили 2 октября 1849 г. поправку: «Для великаго герцогства Познанскаго будетъ вмѣстѣ съ этимъ конституціоннымъ актомъ изданъ органическій статутъ, который осуществитъ права, данныя вѣнскимъ трактатомъ и королевскими обѣщаніями въ 1815 г.». Мотивируя эту поправку, Стаблевскій говорилъ: «Господа, Польша жива еще духовно и надѣется на свое возрожденіе... Въ этой высокой палатѣ мы присутствуемъ не только для того, чтобы участвовать въ законодательствѣ; мы явились,—и считаемъ это главной и священной задачей нашей миссіи,—чтобы въ качествѣ защитниковъ нашихъ ненарушимыхъ національныхъ правъ добиться отъ васъ ихъ осуществленія... Въ великомъ герцогствѣ Познани видимъ мы нашу польскую родину, и никогда и нигдѣ мы не проявляли приверженности къ какой-нибудь другой».

Особенно интересенъ для насъ конецъ рѣчи Стаблевскаго. «Если вы отнимете у насъ всякую надежду на мирное рѣшеніе вопроса о нашей будущности, то мы вспомнимъ, что мы не только поляки, что мы также—славяне. Какъ славяне, мы имѣемъ будущность, какъ нѣмцы—никакой. Тогда, какъ поляки, мы сольемся съ славянствомъ, какъ вы, пруссаки, пытались слиться съ Германіей. И повѣрьте, намъ будетъ это легче сдѣлать. Логически и исторически есть только одинъ выборъ *или поляки, какъ ваши союзники, или славяне, какъ ваши враги»*.

Польская поправка была отклонена. Поляки, съ своей стороны, отказались присягнуть прусской конституціи и сложили 5 февраля 1850 г. свои мандаты.

То же самое произошло семнадцать лѣтъ спустя, въ засѣданіи сѣверо-гарманскаго союзнаго сейма, 16 апрѣля 1867 г. Польскія депутаты отрицали за сеймомъ право присоединить Познань къ сѣверо-германскому союзу и сложили свои мандаты.

Около этого времени условія политической жизни польскаго народа нѣсколько усложнились. Послѣ неудачи возстанія 1863 г. закончилась полоса политическаго романтизма. Роль польской «эмиграціи» была сыграна. Въ 1864 г. князь Чарторыйскій объявилъ «свою миссію оконченной». Послѣ этого политическая дѣятельность поляковъ пошла въ двухъ направленіяхъ. Настроеніе демократическихъ элементовъ было формулировано, передъ самымъ началомъ возстанія, въ малозамѣченной въ свое время, но ясно провидѣвшей будущее брошюрѣ Нестора Кошутскаго. Основная мысль этой брошюры, сдѣлавшаяся потомъ программой польскихъ демократическихъ партій, состояла въ томъ, что если національность не въ состояніи добиться государственнаго существованія, то она, по крайней мѣрѣ, должна стремиться сберечь предварительныя условія государственности. Таковыми Кошутскій считаетъ:

1) сохраненіе *языка;* 2) удержаніе *земли* въ польскихъ рукахъ, и 3) прочную «соціальную организацію» польскаго населенія.

Но нужны были многіе годы, чтобы демократическая программа нашла себѣ достаточно широкую почву въ организованномъ экономически и развитомъ политически мѣщанствѣ и крестьянствѣ. Въ ожиданіи этого момента, политическое руководство оставалось въ рукахъ духовной и свѣтской аристократіи. Оно только перемѣнило адресъ, и изъ парижскихъ аристократическихъ салоновъ перешло въ берлинское «польское коло». «Эмиграцію» смѣнила «фракція».

Польская фракція въ берлинскомъ рейхстагѣ должна была дѣйствовать *парламентскими* средствами. Подражая примѣру австрійскихъ поляковъ, она пыталась вліять и своими связями при дворѣ. Такимъ образомъ, на ряду съ «народной партіей», занявшейся экономической организаціей деревни, явилась «придворная партія», все свое вниманіе сосредоточившая на игрѣ закулисныхъ вліяній. Временами она играла въ парламентѣ рѣшающую роль своими голосами, какъ Zünglein an der Wage, за что, впрочемъ, платилась усиленными репрессаліями. Временами она примыкала къ сильной партіи центра, проводя при помощи католиковъ польскую школьную программу. Всѣ эти условія дѣятельности лишали «фракцію» возможности вести ту непримиримую линію, которую вела польская эмиграція и демократія. Въ союзѣ съ центромъ, она, правда, могла вести борьбу съ самимъ Бисмаркомъ. Но и за это пришлось поплатиться польскому народу. Въ 1872 г. Бисмаркъ обратилъ вниманіе на то, что «въ польскихъ провинціяхъ почва подъ нами колеблется», и въ слѣдующемъ же году польскій языкъ былъ выведенъ изъ школы. А 28 января 1886 г. Бисмаркъ говорилъ свою знаменитую «польскую рѣчь» о необходимости принятія внесеннаго

имъ закона о колонизаціонномъ фондѣ. «Мое впечатлѣніе, говорилъ Бисмаркъ, сводится къ тому, что стремленіе расположить польское населеніе, или, по крайней мѣрѣ, его вождей, польское дворянство, къ прусской государственной идеѣ, было ошибкой. Мы дѣлали ее въ теченіе 45 лѣтъ; теперь мы обязаны отъ нея отказаться, и намъ остается только одно: постараться измѣнить къ выгодѣ нѣмцевъ отношеніе между польскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ, пріобрѣсти для этой провинціи *вѣрныхъ людей*».

Послѣ паденія Бисмарка «фракція» имѣла еще моментъ торжества, во время «примирительной эры» Каприви (1890—1894). Въ ея голосахъ нуждались для проведенія военнаго закона; ее старались пріобрѣсти мелкими уступками, вродѣ разрѣшенія *частнаго* преподаванія польскаго языка въ помѣщеніяхъ школъ, субсидій хозяйственнымъ организаціямъ и назначенія епископомъ Гнезенскимъ *поляка* Стаблевскаго. Временно «придворная партія» выдвинулась благодаря надеждамъ на политику уступокъ. Но тѣмъ энергичнѣе возстала противъ нея выросшая въ силѣ и значеніи «народная партія», не вѣрившая въ политику закулисныхъ вліяній. Въ рѣшительный моментъ, передъ голосованіемъ военнаго закона въ іюлѣ 1893 г. отъ фракціи ждали, что она добьется возвращенія польскаго языка преподаванія въ школахъ Познани, Западной Пруссіи и Силезіи. Фракція голосовала за военный законъ, не сторговавшись предварительно съ правительствомъ ни о какихъ уступкахъ. Это было концомъ вліянія «фракціи» и также концомъ примирительной эры. Вождь «придворной партіи» Косцѣльскій, пользовавшійся личнымъ довѣріемъ императора, потерялъ вліяніе на собственную фракцію и 11 марта 1894 г. сложилъ свое полномочіе. Въ августѣ того же года онъ произнесъ во Львовѣ свою знаменитую застольную рѣчь противъ прусскаго правительства. Еще мѣсяцъ спустя

въ Торнѣ императоръ рѣзко высказался противъ польскихъ стремленій.

Съ тѣхъ поръ примирительное направленіе не имѣло больше успѣха въ Пруссіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно сосредоточивало противъ себя общую ненависть, и малѣйшія попытки въ примирительномъ духѣ вызывали рѣзкое и единодушное осужденіе всей польской прессы. «Къ чему лгать», говорилъ «Дзенникъ Берлинскій» въ 1900 г. «Правительство, все равно ни гроша не дастъ за наши заявленія о принадлежности къ прусскому государству. Для формы мы повторяемъ эти слова, потому что насъ къ нимъ принуждаютъ. Но въ дѣйствительности, правительство и германскій народъ прекрасно знаютъ наши задушевныя желанія. Они знаютъ также и то, что наша практическая политическая программа, которая не подлежитъ цензурѣ, должна сообразоваться съ этими желаніями. Политика лжи не поможетъ намъ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что лозунгъ «свободной, независимой Польши» принесетъ намъ только положительныя выгоды... И кто знаетъ, когда осуществятся наши задушевныя желанія? Быть можетъ, черезъ сто лѣтъ, быть можетъ, черезъ двѣсти,—а можетъ быть, и въ ближайшемъ будущемъ!»

«Поляки съ полнымъ правомъ заявили, что они вовсе не хотятъ быть «вѣрными и лойяльными прусскими подданными», говорила та же газета. Правительство это прекрасно поняло и открыто объявило намъ войну не на жизнь, а на смерть. Жаловаться на это теперь и убѣждать другихъ, что мы не хотѣли этой войны, такъ же безсовѣстно, какъ и смѣшно и достойно презрѣнія».

«Господа пруссаки польскаго языка», говорилъ «Гонецъ Великопольскій» уже въ 1893 г., «вамъ не удастся затушить ту горячую любовь къ истерзанной родинѣ, которую всякій искренній, настоящій полякъ носитъ въ душѣ. Польша

живетъ въ сердцѣ народа, и никакая человѣческая сила ее оттуда не вытравитъ».

«Мы не хотимъ, чтобы правительство и нѣмецкій народъ вѣрили г. Косцѣльскому, что мы заразъ и поляки, и пруссаки. Пусть знаетъ нѣмецкій народъ, какъ знаетъ это цѣлый свѣтъ, что мы только поляки и только силой привязаны къ Пруссіи... Не клевещите же на единое національное существо, будто мы желаемъ сліянія. Нѣтъ, мы желаемъ особаго положенія и притомъ единаго, мы хотимъ въ глазахъ всего свѣта имѣть только одно польское лицо, а фальшь мы оставляемъ г. Косцѣльскому. Пусть онъ играетъ комедію, но отъ собственнаго имени, а не отъ имени народа».

Когда въ 1907 г. г. фонъ-Турно, а въ 1908 г. депутатъ Дзембовскій призывали къ «мирному сожительству съ нѣмцами», на обоихъ обрушилась вся печать. «Народъ имѣетъ право и обязанность протестовать, когда ему публично приписываются лойяльныя чувства», писалъ «Курьеръ Познанскій». «Эта политика оторвана отъ реальной почвы», заявлялъ «Полякъ». «Уже не бесѣдовалъ ли г. фонъ-Турно съ Господомъ Богомъ, когда утверждалъ, что мы нераздѣльно связаны съ прусскимъ государствомъ»? («Лехъ»). «Дзембовскій долженъ сложить полномочія» (многія газеты).

Мы могли бы безъ конца увеличивать число этихъ цитатъ, но едва ли прибавили бы много къ получающемуся впечатлѣнію.

Ограничимся приведеніемъ еще четырехъ цитатъ, имѣющихъ весь интересъ актуальности.

Первая принадлежитъ «примирителю»—Дзембовскому. «Въ твердой замкнутости поляковъ правительство должно усмотрѣть своего рода чужой капиталъ, который лежитъ на счету прусскаго государства. Есть опасность, какъ бы въ случаѣ внѣшнихъ осложненій, не потребовали этотъ капиталъ съ процентами».

О какихъ «внѣшнихъ осложненіяхъ» можетъ итти рѣчь? На это очень точно отвѣчаетъ «Праца» (1905). «Только тогда, когда Германія переживетъ свой Мукденъ и Цусиму, польская грудь вздохнетъ свободно. Въ этомъ убѣжденіи поляки дружественно относятся къ стремленіямъ англійской политики и вѣрятъ, что обнаруживающіяся въ настоящее время притязанія Германіи сдѣлаются могилой германскаго величія».

Когда это будетъ?

«Курьеръ Варшавскій» знаетъ это твердо. Въ 1908 г. онъ, вмѣстѣ съ M-me de Thébes, предсказываетъ: «Польскій народъ въ Познани на основаніи хронологическихъ вычисленій пріобрѣлъ увѣренность, что прусское владычество въ 1913 году достигнетъ своего конца. Безумный образъ дѣйствій прусскаго правительства, какъ кажется, ведетъ къ подтвержденію надеждъ простого народа. Общій голосъ негодованія, несущійся отовсюду, не исключая самой Германіи, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ наше время болѣе невозможно насиловать элементарныя правила права и справедливости».

И, наконецъ, роль Россіи. Вотъ свидѣтельство «Газеты Гданской» (1906). «Спросите любого поляка, подъ чьей властью онъ предпочелъ бы жить, русской или нѣмецкой? Каждый отвѣтитъ: русскій мнѣ во сто разъ пріятнѣе нѣмца, не говоря уже о пруссакѣ. Что бы ни говорилъ разсудокъ, сердце говоритъ: самый худой русскій лучше самаго хорошаго нѣмца. Это ужъ въ крови. Русскій—нашъ славянскій братъ, и каждый въ душѣ гордится, если брату хорошо живется. Русскаго мы тѣмъ больше любимъ, чѣмъ больше ненавидимъ нѣмца».

II.

Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что поляки считаютъ Пруссію «чужимъ» государствомъ, правительство—«чужимъ» правительствомъ и династію «чужой владычествующей династіей» («Праца», 1900 г.). Мы видѣли, что одно подозрѣніе въ томъ, что они считаютъ себя «лойяльными и вѣрными подданными» Пруссіи, поляки считаютъ для себя оскорбительнымъ. Они просто—невольные и «временные граждане прусскаго государства» («Католикъ», 1900 г.). И всю свою практическую программу поведенія они систематически и послѣдовательно выводятъ изъ этого основного принципа. «Мы стремимся,—говоритъ «Праца» въ февралѣ 1901 г.,—создать такое измѣненіе въ міровоззрѣніи нашихъ согражданъ, чтобы каждый полякъ въ прусской части страны, все равно, происходитъ ли онъ изъ Познани, Пруссіи или Силезіи, понялъ, что пруссаки суть наши естественные враги и что попытки этихъ враговъ уничтожить нашу національность должны быть парализуемы путемъ распространенія національнаго самосознанія при помощи воспитанія молодого поколѣнія въ приверженности къ польской идеѣ, при помощи поддержки своихъ въ области хозяйственныхъ отношеній и солидарной дѣятельности въ области политической. Къ чему намъ революція, когда у насъ столько неиспользованныхъ конституціонныхъ средствъ самозащиты. При ихъ посредствѣ мы можемъ, не сходя съ конституціонной почвы, добиться національнаго обособленія, котораго вы не хотите признать, и этимъ сдѣлаться ядромъ у ногъ вашей внѣшней политики. Мы можемъ постоянно заставлять васъ помнить, какъ опасно, въ разстояніи двухъ переходовъ отъ Берлина, имѣть три милліона населенія, которому все равно, пройдетъ ли граница у Калиша или у Кюстрина».

Какъ исполнялась намѣченная здѣсь программа въ области экономической, читатель можетъ узнать изъ превосходной работы Людвига Бернгарда: «Die Polenfrage», имѣющейся и въ русскомъ переводѣ. Мы остановимся здѣсь лишь на указаніяхъ пангерманскихъ обвинителей относительно того, какъ систематически польская печать воспитывала въ польскомъ обществѣ чувства ненависти къ нѣмцамъ и содѣйствовала полному соціальному обособленію поляковъ.

«Да, мы солгали бы,—говорили «Праца» и «Горношлензакъ» въ 1901 г.,—если бы сказали вамъ, что васъ любимъ. Мы васъ не выносимъ, мы ненавидимъ васъ отъ всего сердца. Вашу націю, вашъ народъ мы ненавидимъ изъ глубины своей души... Скажите, за что намъ любить васъ... У васъ нѣтъ мѣста чувства справедливости, потому что у васъ нѣтъ сердца, нѣтъ души: Вы—варвары, которые украшаютъ себя снаружи лохмотьями культуры. Вы стерли съ себя черты человѣчности». Невозможно перечислить всѣхъ тѣхъ рѣзкихъ эпитетовъ, какіе разсѣяны по адресу нѣмцевъ—и особенно пруссаковъ—въ польской печати. «Весь міръ,—перепечатываетъ «Дзенникъ Польскій» изъ «Правды» въ 1897 г.,—считаетъ пруссаковъ одной изъ худшихъ разновидностей человѣческаго рода. Историческіе незаконнорожденные, потомки нечистой смѣси племенъ, выросшіе на уличномъ воровствѣ и разбогатѣвшіе грабежомъ, они до сихъ поръ сохранили проявленные при этомъ занятіи инстинкты. Одаренные ростомъ и жадностью тѣхъ исполинскихъ змѣй, которыя давятъ большихъ животныхъ въ своихъ извивахъ и проглатываютъ ихъ, они напрягаютъ въ этомъ направленіи всю свою бдительность, хитрость и силу... Пруссакъ грубъ, беззастѣнчивъ, недоступенъ гуманнымъ чувствамъ... Гакатисты же представляютъ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ то же самое, что тигръ по отношенію къ домашней кошкѣ».

«Убійцы дѣтскихъ душъ, палачи невинныхъ польскихъ дѣтей,—пишетъ «Газета Грудзіонска»,—позоръ вамъ, варвары, въ цѣломъ свѣтѣ и навсегда... Богъ отмститъ вамъ! Какъ Иродъ, жестокій дѣтоубійца, сгнилъ заживо, разъѣдаемый отвратительными червями, такъ сгніете и вы—вы и все ваше отродье! Какъ покаралъ Богъ египтянъ за злодѣянія фараоновъ, такъ ангелъ смерти поражаетъ нынѣ вашихъ младенцевъ въ центрахъ вашего разврата. И мы уже созерцаемъ въ мысляхъ могилу вашего могущества».

«Лжецы», «клеветники», «бандиты», «негодяи и іуды», «собаки», «дьяволы», «лживыя рептиліи», «разбойники на большой дорогѣ», «бѣшеные звѣри», «Пилаты новаго времени», «нечисть», «племя рабовъ и полицейскихъ»... Когда министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчая польскимъ депутатамъ на запросъ о несправедливомъ обращеніи съ поляками, прочелъ эти выдержки изъ польскихъ газетъ, «Полякъ» отвѣчалъ ему (1901): «Вы хотите этимъ доказать, что польская нація ненавидитъ германскую? Совершенно вѣрно. Польская нація не предастъ своей родины и не откажется отъ мысли отнять у нѣмцевъ свою старую собственность, подло у нея похищенную. Но польская нація—христіанская, у ней доброе сердце, и ей свойственно большое терпѣніе. До сихъ поръ она говорила нѣмцамъ добромъ: негодяи, отдайте украденное и убирайтесь ко всѣмъ нѣмецкимъ чертямъ. Но такъ какъ есть предѣлъ терпѣнію и у польской націи, то она начинаетъ теперь приходить въ ярость противъ нѣмцевъ, и только ея политическій разсудокъ мѣшаетъ возрастающему раздраженію преждевременно вырваться наружу».

Въ ожиданіи пока наступитъ моментъ для взрыва, польское населеніе Пруссіи, однако, заблаговременно мобилизуется и переходитъ на военное положеніе. Польскіе рабочіе, крестьяне, промышленники и торговцы, крупные землевладѣльцы организуются въ особые національные

союзы съ широко развѣтвленными отдѣленіями. Рядомъ съ этими профессіональными объединеніями создаются и политическіе союзы: избирательные комитеты, сокольскіе союзы, основанный Косцѣльскимъ союзъ «Стражъ», пѣвческіе союзы и т. д. «Каждая деревня, каждый городокъ долженъ имѣть свой союзъ»,—требуетъ «Курьеръ Познанскій» еще въ 1892 году. «Долгъ польскихъ молодыхъ людей,—говоритъ журналъ для юношества «Тека» (1900г.),—выйти изъ всѣхъ союзовъ, гдѣ говорятъ по-нѣмецки и господствуютъ нѣмецкіе нравы. Вмѣсто того мы вездѣ должны образовывать собственные союзы. Намъ нужно быть сильнѣе нѣмцевъ, чтобы очистить свой домъ отъ этого сора». Впрочемъ, не только дома, а и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи это правило должно соблюдаться. «Ни одинъ полякъ не долженъ принадлежать къ германскому союзу,—говоритъ «Wiarus Polski», журналъ издающійся въ Бохумѣ,—«все равно, будетъ ли это рабочій союзъ или гимнастическій союзъ, или какъ бы онъ ни назывался. Вмѣсто этого каждый полякъ на чужбинѣ долженъ войти въ польско-католическій союзъ». Нѣмецкіе католическіе союзы не исключаются изъ этого общаго запрещенія, такъ какъ «наша польская церковь» постоянно противопоставляется «чужой» католической церкви. Женщина должна быть естественнымъ проводникомъ соціальнаго обособленія. «Къ вамъ, польскія женщины и дѣвушки Верхней Силезіи, обращаемся мы,—пишетъ «Дзенникъ Берлинскій» (1901),—вы, матери и жены, знаете очень хорошо, что отъ васъ зависитъ будущность нашего отечества... Клянитесь же, что вы будете воспитывать дѣтей въ истинно-польскомъ духѣ, что въ вашихъ домахъ никто не услышитъ нѣмецкаго звука, что польская книжка, польскій катехизисъ, польская всемірная исторія всегда будутъ налицо въ вашемъ домѣ. Клянитесь, что вы всегда будете бороться съ вліяніемъ прусскихъ школъ и германизаторскаго духовенства». Съ этой точки зрѣнія недопустимы, конечно,

смѣшанные браки. Отдать дочь за нѣмца значитъ «принести нѣмецкому Молоху жертву крови» («Курьеръ Познанскій», 1899). Жениться на нѣмкѣ—«смертный грѣхъ». «Нѣмецкія дѣвушки,—говоритъ «Дзенникъ Берлинскій»,—не умѣютъ любить; онѣ для насъ слишкомъ безобразны и неуклюжи». «Молодые люди, женившіеся на нѣмкахъ (даже католичкахъ), стоятъ наравнѣ съ предателями родины,—говоритъ «Przyaciel Ludu» (1900). «Такіе браки—несчастье не только для нашей національности, но и для нашей святой церкви».

Не только браки, но и просто общеніе съ нѣмцами строго осуждается патріотической польской печатью. Дѣти не должны играть съ нѣмецкими дѣтьми и во всякмъ случаѣ не должны произносить ни одного нѣмецкаго слова. Взрослые не должны участвовать въ нѣмецкихъ праздникахъ, не должны покупать у нѣмцевъ. Патріотическія газеты очень внимательно слѣдятъ за исполненіемъ этого правила и печатаютъ имена лицъ, допустившихъ такой «тяжелый грѣхъ и легкомысліе, за которое Богъ покараетъ». «Покрака» (1905) содержитъ цѣлый рядъ такихъ изобличеній. «Нѣкоторыя дамы, почтенныя польки, въ прошлое воскресенье, отправились вмѣстѣ съ кавалерами въ кофейню въ Sarne. Они полагаютъ, что кофе съ гакатистскими сливками вкуснѣе, чѣмъ у земляка. Если это повторится еще разъ, мы назовемъ имена. Г. Гельвига видѣли въ гакатистской кондитерской». Или: «почему г. Павл... купилъ вѣнчальныя кольца у зайца (нѣмца)? Развѣ онъ не могъ ихъ найти у поляковъ? И m-lle К. не нашла себѣ башмачковъ у поляка, а купила ихъ у чужака. M-lle Т. съ Познанской улицы ходитъ за мясомъ къ чужаку и проходитъ мимо поляка». Или: «*Милославъ.* M-lle Г., которая въ Куявіи научилась каждое третье слово произносить по-нѣмецки, покупаетъ по этой причинѣ у чужака». «Здѣсь образовался клубъ *наблюдателей*, поставившихъ своей задачей вьслѣживать тѣхъ, кто покупаетъ у чужаковъ и иновѣрцевъ. Одинъ изъ членовъ

замѣтилъ, что многія дамы выписываютъ товары изъ Берлина. Отъ кого, это легко отгадать». Или: «у кого г. Антонъ купилъ свой прекрасный галстухъ? Правда, цвѣта на немъ національные, но купленъ онъ у чужака». «Очевидно, г. Полн... не нравится польская колбаса, потому что онъ покупаетъ у чужака».

Попадаютъ въ «черную книгу» и имена землевладѣльцевъ, продавшихъ свою недвижимость нѣмцамъ, а въ особенности—колонизаціонной комиссіи. «Такой продавецъ, такой польскій агентъ колонизаціонной комиссіи долженъ подвергнуться опалѣ всего общества, его надо считать паршивой овцой»,—говоритъ «Дзенникъ Берлинскій» (1903). Ему слѣдуетъ «не подавать руки, наплевать ему въ глаза, назвать его негодяемъ», предателемъ. «Прежде наказывали смертью измѣну отечеству;теперь измѣнника надо убить морально»,—говоритъ «Дзенникъ Познанскій» (1903). «Пусть о такомъ человѣкѣ Богъ забудетъ въ его послѣдній часъ», желаетъ «Газета Грудзіонска» (1899). Родина-мать обращается къ нему съ мольбой (та же газета, 1905): «Сынъ мой, не терзай моего тѣла, не выдавай его на горшія руки врагамъ. Повинуйся мнѣ, мой сынъ, или—будь проклятъ. А что можетъ быть хуже проклятія матери?». «Злодѣй, убійца, негодяй,—обращается къ продавцу газета «Лехъ» (1905),—ты хуже собаки, хуже злого разбойника. Пусть гложетъ тебя червь, пусть ты скитаешься по міру, какъ сатана или бѣшеная собака; пусть ты повѣсишься въ сараѣ и пусть трупъ твой не гніетъ на нашихъ кладбищахъ; пусть разнесутъ его по чужимъ лѣсамъ черные вороны».

Проводимая послѣдовательно, въ теченіе ряда десятилѣтій, эта тактика неизмѣнно приводила къ усиленію польскаго элемента въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, несмотря на всѣ мѣры противодѣйствія, принимавшіяся правительствомъ. О такомъ результатѣ свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ нѣмецкіе писатели, занимавшіеся этимъ

вопросомъ. Передъ нами книга нѣкоего Финка, объѣздившаго «восточную марку» десять лѣтъ спустя послѣ изданія колонизаціоннаго закона*). Изъ города въ городъ, изъ села въ село Финкъ изслѣдовалъ состояніе борьбы полонизма съ германствомъ. Каковы же его заключенія? Вотъ положеніе дѣла въ Восточной Пруссіи—въ провинціи, которая скоро будетъ занята нашими войсками. «Три года тому назадъ (т.-е. до середины 90-хъ годовъ) о польскомъ вопросѣ не было и рѣчи въ Восточной Пруссіи. Было, конечно населеніе мазуровъ и Варміи, но, подобно живущимъ на сѣверѣ литовцамъ, они были и остаются теперь (1897) въ огромномъ большинствѣ вѣрны королю... Съ того времени обстоятельства измѣнились. Польскій языкъ сдѣлался опаснымъ и сильнымъ средствомъ, чтобы отвратить значительную часть населенія отъ германскаго духа и зажечь пламя недовольства и нетерпимости, которыя, въ минуту національной опасности могутъ погубить значительную часть германской культурной работы»...

«Гораздо хуже обстоитъ дѣло въ Западной Пруссіи. Большія пространства этой провинціи производятъ теперь впечатлѣніе польской земли и даже въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ германскимъ населеніемъ полонизмъ одерживаетъ несомнѣнные и значительные успѣхи. Есть, конечно, люди, которые борятся съ польскими захватами, но кто знаетъ, не останутся ли ихъ усилія безплодными, если на помощь имъ не придутъ болѣе широкіе круги, чѣмъ это дѣлается теперь? Польская пропаганда вполнѣ сознательно вбиваетъ клинъ за клиномъ въ нетронутыя пока части провинціи, и разложеніе во многихъ мѣстахъ начинаетъ уже носить угрожающій характеръ»...

«Иначе стоитъ дѣло въ Познани. Не надо забывать, что

*) Der Kampf um die Ostmark, Ein Beitrag zur Beurtheilung der Polenfrage, von C. Fink. Berlin, 1897, p. VII+343.

значительная часть этой провинціи въ теченіе столѣтій не только находилась подъ польскимъ владычествомъ, но и образовала значительную часть польскаго государства»... Конечно, это есть центръ «польской пропаганды». Финкъ принужденъ отмѣтить тутъ не столько экстенсивный ростъ «пропаганды», сколько усиленія ея интенсивности, проникновеніе польскаго самосознанія въ народную толщу. Польская пропаганда «находитъ себѣ поддержку уже не только въ поземельномъ дворянствѣ, какъ было прежде, а среди низшаго духовенства и въ демократически настроенномъ городскомъ сословіи». Только одинъ рабочій классъ, по наблюденіямъ автора, «мирится съ существующимъ положеніемъ вещей». Чтобы сломить силу духовенства и бюргерства, Финкъ предлагаетъ правительству рядъ репрессивныхъ мѣръ: противъ польскаго языка при преподаваніи Закона Божія въ школѣ, противъ употребленія польскаго языка въ администраціи и т. д. Въ качествѣ опоры для германизаторской политики Финкъ указываетъ на ту *треть* населенія, которая еще осталась нѣмецкой, и на то, что въ рукахъ этой трети находится *половина* всѣхъ земель.

Верхняя Силезія опять повергаетъ нашего путешественника въ мрачное настроеніе.

«Въ 80-хъ годахъ эта провинція считалась еще совершенно нѣмецкой. Достаточно было полудюжины лѣтъ,—и стало возможно усиленіе полонизма. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, подобныхъ послѣднимъ,—и польская пропаганда охватитъ доселѣ незатронутые уѣзды и переброситъ мостъ въ Познань. Тогда поляки будутъ жить непрерывной полосой отъ карпатскихъ горъ до остзейскаго штранда».

Проходитъ еще десять лѣтъ борьбы за землю. Колонизаціонный фондъ въ 1898, 1902 и 1908 увеличивается со ста до 625 милліоновъ марокъ. Употребляются всевозможныя усилія, чтобы усилить нѣмецкую колонизацію. «Насколько позволяютъ тѣ три измѣренія, въ которыхъ совер-

шается человѣческая дѣятельность, все изучено и все испробовано». Какой же результатъ? На это отвѣчаютъ заглавія двухъ послѣднихъ главъ цитированной уже нами книги Бернгарда: «Превосходство поляковъ» и «Продвиженіе поляковъ впередъ». Земельная мобилизація только вызвала жажду земли у низшаго слоя польскаго крестьянства. Эта жажда сумѣла преодолѣть всѣ препятствія—и возрастающую дороговизну земли, и возрастающія ухищренія закона.

Der Deutsche ist dem Ansturm der Polen nicht gewachsen: нѣмецъ не можетъ устоять передъ польскимъ напоромъ: таковъ и выводъ Альткемпера, автора другой цитированной книги (1910). Не поляки германизируются, а нѣмецкое населеніе «восточной марки» уступаетъ передъ польскимъ вліяніемъ. Число лицъ съ нѣмецкимъ «материнскимъ языкомъ», хотя и медленно, но убываетъ. Число лицъ съ польскимъ «материнскимъ языкомъ» быстро растетъ. Альткемперъ приводитъ цѣлую таблицу краснорѣчивыхъ цифръ. Цѣлыя мѣстности, прежде нѣмецкія, какъ Нейбрюкъ, Роггенхаузенъ, Лехгаузенъ, Таруенъ—совершенно полонизированы. Въ Верхней Силезіи полонизація идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ 1898 г. во время выборовъ въ рейхстагъ было подано въ Силезіи 40 польскихъ голосовъ. Въ 1907 г. ихъ оказалось 115.000 «Лойяльные пруссаки, которые еще 20—30 лѣтъ тому назадъ считали слово «полякъ» браннымъ словомъ, сдѣлались носителями великопольской идеи». Депутатъ Абрамскій въ 1906 г. нарисовалъ яркую картину этой перемѣны. «Прежде въ Верхней Силезіи не было никакого національнаго самосознанія... Польскій народъ не чувствовалъ себя поляками... Теперь все это перемѣнилось... Поѣзжайте въ Силезію, особенно въ промышленную часть ея, посмотрите на картины на стѣнахъ... съ изображеніями польскихъ королей и Косцюшко... Господа, теперь это *спустилось въ народъ*... Почитайте газеты, распространенныя въ Верхней

Силезіи во многихъ тысячахъ экземплярахъ. Вы увидите, съ какимъ энтузіазмомъ говорится тамъ объ «ойчизнѣ»—и съ какимъ презрѣніемъ о «фатерландѣ» въ кавычкахъ».

Возвращаясь къ этимъ газетамъ, мы найдемъ тамъ, дѣйствительно, что успѣхи польской національной работы, о которыхъ свидѣтельствуетъ германская литература, подняли духъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно усилили общую увѣренность въ скорой развязкѣ. Надежда на собственныя силы сочетается тутъ съ надеждой на войну и на внѣшнія осложненія. Откуда придетъ избавленіе, поляки не знаютъ, но оно придетъ—и придетъ скоро. «Ваше пораженіе,—говорятъ они нѣмцамъ («Полякъ»),—будетъ нашей побѣдой, вашъ трауръ будетъ нашей радостью, ваша погибель будетъ нашимъ спасеніемъ. На этой польской землѣ для двухъ націй нѣтъ мѣста: или вы ее покинете, или мы—погибнемъ. Но, нѣтъ, мы не погибнемъ, потому что на нашей сторонѣ право на эту землю, и божеское, и человѣческое, на нашей сторонѣ вѣра въ будущую побѣду и сила, которую не сломитъ никакое превосходство!»

Таково то настроеніе, которое польское населеніе «восточной марки» несетъ навстрѣчу нашимъ войскамъ.

III.

Теченіе нижней Вислы есть главный районъ исторической борьбы между германствомъ и славянствомъ. Въ борьбѣ этой были свои приливы и отливы. Славянскія племена занимали нижнюю Вислу уже на порогѣ исторіи. Только въ концѣ XII вѣка началась нѣмецкая монастырская колонизація. Рыцари тевтонскаго ордена укрѣпили германское вліяніе, особенно на правомъ берегу Вислы, среди литовскаго племени пруссовъ, въ XIII столѣтіи. Въ XIV вѣкѣ

начинается упадокъ ордена, а послѣ Грюнвальдской битвы, въ этихъ же мѣстахъ (у Остероде), германизація пріостанавливается и начинается полонизація мѣстнаго населенія. Не менѣе 203 нѣмецкихъ дворянскихъ родовъ приняли польскіе гербы и заимствовали имена отъ названій имѣній: такъ фонъ-Бахи стали Хавинскими, Левинскими, Параскими, Побольскими и Зелевскими; фонъ-Биберштейны— Блонскими, Бялковскими, Оржиковскими, Островскими, Рогалями и Завадскими, и т. д. Не менѣе 267 родовъ переселились изъ польскихъ земель въ Западную Пруссію и сдѣлались тамъ землевладѣльцами. Только въ городахъ: Данцигѣ, Эльбингѣ, Маріенбургѣ, Торнѣ и т. д., сохранился нѣмецкій языкъ и нѣмецкое населеніе. Но города мало-по-малу приходили въ запустѣніе; жизнь отлила въ села.

Такъ сложилось преобладающее польское населеніе на нижней Вислѣ, принадлежавшей, вплоть до перваго раздѣла 1772 года, королевству Польскому.

Изъ прилагаемой карты видно, что, несмотря на присоединеніе этихъ земель къ Пруссіи и несмотря на послѣдовавшій съ тѣхъ поръ полуторастолѣтній періодъ германизаціи, старинный польскій характеръ населенія далеко не затерся вполнѣ. Конечно, уже тотчасъ послѣ раздѣла 1772 г., Фридрихъ Великій направилъ въ Западную Пруссію цѣлый потокъ германскихъ колонистовъ не только изъ другихъ частей своего королевства, но и изъ южной Германіи, Швейцаріи и Голландіи. Еще и теперь можно найти потомковъ верхненѣмецкихъ переселенцевъ въ Торнѣ, вестфальцевъ на западѣ отъ р. Браге, нижнесаксонцевъ въ уѣздахъ Маріенвердера и Розенберга. Преимущественно нѣмецкими стали поселенія въ низменностяхъ устья Вислы, въ уѣздахъ Диршау, Маріенбургѣ, Данцигѣ, Эльбингѣ. Наоборотъ, вполнѣ сохранила старинный польскій характеръ кашубская возвышенность, населенная близкимъ

къ полякамъ племенемъ кашубовъ: это—уѣзды: Старгардъ, Берентъ, Нейштадтъ, Картгаузъ и Пуцигъ. Сюда же надо отнести среднюю часть «Кульмской земли» (уѣзды Лебау и Страсбургъ), а также возвышенности западной части старой «Кульмской земли» и Tuchler Heide (уѣзды: Коницъ, Тухель, Швецъ, Грауденцъ, Кульмъ, Бризенъ и Торнъ). По всѣмъ этимъ уѣздамъ проходитъ отмѣченный на картѣ штриховкой поясъ наиболѣе густого польскаго населенія.

Собственно, населеніе это—еще болѣе сплошное, чѣмъ показываетъ наша карта, если оставить въ сторонѣ города. Такъ, въ кашубскихъ уѣздахъ деревенское населеніе составляетъ не менѣе 70 проц., тогда какъ въ городахъ живетъ только 27—37 проц. поляковъ. Число крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста, говорящихъ только по-польски, обыкновенно выше пропорціи взрослаго населенія, что указываетъ, конечно, на то, что процессъ полонизаціи продолжается.

Успѣхи полонизаціи подтверждаются также и тѣмъ, что пропорція нѣмецкаго населенія съ теченіемъ времени падаетъ, а пропорція польскаго населенія возрастаетъ. Такъ, на тѣхъ же возвышенностяхъ Кашубіи въ 1861 г. числилось 49 проц. нѣмцевъ, а въ 1886 г. ихъ значилось уже только 32 проц. Послѣ дружественной полякамъ «эры Каприви» борьба противъ польскаго элемента не только не ослаблялась, но постоянно усиливалась. Каковы же результаты? Это покажутъ пропорціи польскаго населенія на нашей картѣ (заимствованной изъ новѣйшей работы Бернгарда), при сравненіи съ цифрами переписи 1 декабря 1890 года.

Уѣзды:	1890	теперь
Пуцигъ (Пуцкъ)	67,7	67
Нейштадтъ (Вейрово)	54,6	52
Картгаузъ (Картузы)	66,4	67
Берентъ (Косцѣжина)	53,2	55

Уѣзды:	1890	теперь
Старгардъ (Старыградъ) . . .	73,2	74
Коницъ (Хойнице)	52,1	55
Тухель (Тухола)	62,9	66
Швецъ (Свѣце)	51,7	55
Кульмъ (Хелмно)	51,4	53
Бризенъ (Бжезно)	57,1	60
Торнъ (Торунь)	42,6	52
Флотовъ (Злотово)	25,5	35
Шлехау (Члуховъ)	13,5	15
Дейчъ-Кроне (Валчъ)	5	1
Маріенвердеръ (Квидзынь) ок.	35	36
Штумъ (Штумъ). . . . . . ок.	40	40

Какъ видимъ, только въ приморскихъ мѣстностяхъ пропорція польскаго населенія нѣсколько упала. По самому теченію Вислы нѣмецкій элементъ также выступаетъ нѣсколько сильнѣе. Но сейчасъ же въ сторону отъ рѣки, такъ же, какъ отъ города въ деревню, польскій характеръ страны снова становится господствующимъ. Чѣмъ глубже внутрь, тѣмъ ростъ польскаго населенія оказывается болѣе значительнымъ. И это, несмотря на всю энергію «колонизаціонной комиссіи», которая старается подражать политикѣ Фридриха Великаго и надѣляетъ землей не мѣстное германское населеніе, а преимущественно нѣмцевъ-переселенцевъ изъ западной Германіи, изъ Галиціи и даже изъ Россіи.

Городъ остается главной твердыней германской культуры. Чтобы сохранить его для этой роли, «колонизаціонная комиссія» даже прибѣгаетъ къ особой системѣ. Она селитъ нѣмецкихъ колонистовъ плотнымъ кольцомъ кругомъ города, чтобы тѣмъ дать германской промышленности и торговлѣ необходимыхъ потребителей, и постепенно, путемъ прилива деревенскихъ элементовъ, укрѣпить германскій составъ городского населенія. Но и города отнюдь не утѣшаютъ германскихъ колонизаторовъ. Въ этихъ центрахъ германизма ютятся и центры полонизаціи. Здѣсь

издаются популярныя газеты, общій тонъ которыхъ намъ уже извѣстенъ и которыя расходятся по деревнямъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Здѣсь живутъ представители либеральныхъ профессій, представляющіе интеллигенцію полонизма и дающіе національному движенію опредѣленное направленіе. Здѣсь въ послѣднее время организована цѣлая сѣть національныхъ кредитныхъ учрежденій, распространяющихъ свое вліяніе на всю страну. Наконецъ, еще со временъ Марцинковскаго въ городахъ систематически разселяются польскіе мелкіе ремесленники и торговцы, для осуществленія патріотическаго лозунга: «свой къ своему».

Вотъ почему уже довольно давно раздаются жалобы германскихъ націоналистовъ на ростъ польской пропаганды въ городахъ. Данцигъ—городъ чисто-нѣмецкій. Но извѣстный уже намъ наблюдатель Финкъ въ 1897 году негодуетъ: въ нѣмецкомъ Данцигѣ сказана первая проповѣдь по-польски; теперь поляки агитируютъ за польское пѣніе: «если такъ пойдетъ, мы скоро услышимъ въ нѣмецкомъ храмѣ въ устьѣ Вислы польскія пѣснопѣнія! Выставляются же уже теперь въ окнахъ магазиновъ объявленія: здѣсь говорятъ по-польски. Много польскихъ рантье поселяются въ городѣ на покой. Въ послѣдніе годы появились пять-шесть польскихъ врачей и юристовъ. Польскіе комиссіонные банки отбиваютъ у нѣмецкихъ домовъ ихъ старинныхъ деревенскихъ кліентовъ...»

А газеты! Одна только консервативная «Allgemeine Zeitung» рѣшается показывать зубы полякамъ. Прогрессивная «Danziger Zeitung» долго виляла, теперь стала тверже, но, того гляди, опять запоетъ соловьемъ! А «Danziger Neueste Nachrichten»—«мы хотѣли бы вѣрить, что она не питаетъ никакой симпатіи къ полякамъ, какъ насъ въ томъ увѣряютъ, но до сихъ поръ мы не слыхали отъ нея ни одного сильнаго слова. А рядомъ съ этими тремя

нѣмецкими газетами существуетъ польская» Gazeta Gdanska», агитаціонный листокъ дурного тона, и ея сотрудники совершаютъ агитаціонныя поѣздки по всей окружающей странѣ».

Если Данцигъ оказывается «центромъ польской агитаціи», что же сказать о другихъ городахъ? О Кульмѣ, который «раньше былъ нѣмецкимъ городомъ», но гдѣ теперь (1897) «ученики говорятъ почти исключительно по-польски?» О Кульмзее, гдѣ нѣмецкіе дома переходятъ въ польскія руки, польскіе ремесленники и торговцы бойкотируютъ нѣмцевъ, гдѣ на улицахъ невозбранно разгуливаютъ сокола въ національныхъ костюмахъ съ черно-бѣлыми знаменами и слышится только польская рѣчь, и откуда несется стонъ: «мы вымираемъ, мы должны сдаться полякамъ... когда же придетъ избавитель старой германской Кульмской земли?» Что же говорить послѣ этого о городахъ, въ которыхъ больше половины населенія—поляки, какъ Берентъ, или какъ Лебау, гдѣ поляковъ 70%? Есть правда города, которые еще сопротивляются: Коницъ или Грауденцъ, «твердыня германизма»; но это только—отдѣльныя исключенія.

Единая Польша не представляетъ себѣ себя иначе, какъ съ выходомъ къ морю. Устья Вислы остаются для этой цѣли единственнымъ средствомъ, послѣ того, какъ оставлена старая мечта «отъ моря до моря». Мы видимъ, что для такого рѣшенія вопроса имѣется налицо весьма солидная этнографическая основа: польскій поясъ, заштрихованный на прилагаемой картѣ.

Сюда, конечно, и направлены давно уже взоры ожидающаго своего объединенія польскаго народа.

Въ 12 километрахъ отъ Данцига и отъ западнаго устья Вислы расположенъ одинъ изъ любимыхъ публикой и хорошо посѣщаемыхъ остзейскихъ курортовъ Цоппотъ. Редакторъ патріотической «Газеты Грудзіонской» (въ Грауден-

цѣ) Кулерскій давно уже имѣлъ тамъ «польскій домъ», мѣсто встрѣчи поляковъ, пріѣзжавшихъ въ курортъ, и средоточіе пропаганды среди сосѣднихъ кашубовъ. Когда въ 1908 г. «Курьеръ Варшавскій» объявилъ бойкотъ германскимъ курортамъ, «Курьеръ Познанскій» вступился за Цоппотъ. По этому поводу возникла горячая полемика, изъ которой выяснилось, что Цоппотъ, съ его лѣтними съѣздами поляковъ въ устьяхъ Вислы, является какъ бы прообразомъ будущаго польскаго единства. Здѣсь происходили свиданія и обмѣнъ мыслей между поляками всѣхъ трехъ разъединенныхъ «заборовъ»: русскими, польскими и австрійскими. И «Газета Гданска», принявшаяся было защищать бойкотъ Цоппота и возражать противъ всепольской агитаціи среди кашубовъ, была обличаема въ своего рода измѣнѣ польскому дѣлу. «Кажется невѣроятнымъ», отвѣчалъ ей «Курьеръ Познанскій», «чтобы газета дѣйствительно польская могла предостерегать отъ политическихъ связей съ братьями изъ Царства Польскаго и изъ Галиціи. Мы давно уже стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что государственныя границы для нашей національной работы не существуютъ... Дѣло кашубовъ не есть только дѣло прусской доли, а дѣло всей польской націи. Наши земляки въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи также заинтересованы, чтобы никакая часть нашего вліянія въ Кашубіи не была потеряна, какъ и мы здѣсь въ прусской долѣ... Исключать ихъ изъ работы... значило бы наносить ударъ нашему національному достоинству и національной солидарности. Отказъ отъ великаго, съ такими большими усиліями и жертвами добытаго пріобрѣтенія послѣднихъ временъ, отказъ отъ не только теоретическаго, но и практическаго единства, связи и солидарности *всей польской націи* во всѣхъ основныхъ вопросахъ нашего существованія— граничитъ съ національной измѣной».

Этотъ небольшой эпизодъ показываетъ, какъ чувстви-

тельно польское общественное мнѣніе къ одному изъ «основныхъ вопросовъ существованія» единой польской націи, къ вопросу объ устьяхъ Вислы. Какъ не порадоваться за нашихъ славянскихъ братьевъ, что воззваніе Главнокомандующаго открываетъ для этого «основного вопроса» возможность рѣшенія, столь же естественнаго, какъ и простого?! «Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться... Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя!»

П. М.

«Рѣчь».

ПРУССКАЯ ПОЛЬША.

Война Россіи съ Германіей выдвинула польскій вопросъ, а извѣстное воззваніе Великаго Князя, Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ открыло передъ польскимъ обществомъ новую эпоху жизни. Россія, которая до сихъ поръ была освободительницей южныхъ славянъ отъ турецкаго ига, теперь становится освободительницей западныхъ славянъ отъ германскаго ига. Ненависть нѣмцевъ вообще, а особенно пруссаковъ, къ полякамъ достигла въ послѣднее время такой степени напряженности, преслѣдованіе всего польскаго въ Пруссіи приняло такой острый характеръ, что, дѣйствительно, польскому населенію Пруссіи, несмотря на всю стойкость защиты своего существованія угрожала гибель. Кромѣ того во владѣніи Пруссіи находится та часть Польши, которая была колыбелью польскаго народа и онѣмеченіе которой является для поляковъ страшнѣйшимъ національнымъ бѣдствіемъ.

Во владѣніи Пруссіи находится прежде всего провинція Познанская со старымъ польскимъ городомъ Познанью, съ древней доисторической столицей Польши Гнѣзномъ, которую нѣмцы переименовали на Гнезенъ. Кромѣ Познани и Гнѣзна въ Познанской провинціи лежитъ городъ Быдгощъ (Бромбергъ). Познанская провинція до сихъ поръ сохранила польскій характеръ. На общее число 2.100.000 жите-

лей въ ней 1.300.000 поляковъ, т.-е. 62%. Въ дѣйствительности процентъ этотъ выше, такъ какъ нѣмецкіе статистики, на вычисленія которыхъ я долженъ поневолѣ опираться, склонны уменьшать количество поляковъ. Познанскіе поляки принадлежатъ ко всѣмъ общественнымъ классамъ: они—крестьяне, рабочіе, купцы, промышленники, интеллигенты, помѣщики.

Затѣмъ Пруссія владѣетъ двумя странами, которыя теперь называются Западной и Восточной Пруссіей; прежде же Западная Пруссія называлась королевской, такъ какъ составляла часть польскаго королевства; восточная же—княжевской, такъ какъ въ ней управляли прусскіе князья, вассалы польской короны.

Въ королевской «западной» Пруссіи, если изъ нея выдѣлить нѣсколько вполнѣ онѣмеченныхъ и притомъ непринадлежавшихъ Польшѣ округовъ, на 1.340.000 жителей имѣется 570.000 поляковъ, т.-е. 43%. Часть этого польскаго населенія нѣмецкіе статистики причисляютъ къ особой «кашубской» національности, которая въ дѣйствительности представляетъ собой отрасль польскаго народа, и никакихъ претензій на самостоятельную національность никогда не проявляла. Кромѣ того процентъ польскаго населенія здѣсь тоже показанъ ниже дѣйствительности, и можно утверждать, что королевская Пруссія еще и въ настоящее время по преимуществу польская страна. Въ ней же, въ городѣ Грудзіонжѣ (Грауденцъ), печатается извѣстная во всей Польшѣ «Газета Грудзіонжска», которая со своими двумя сотнями тысячъ подписчиковъ является самымъ распространеннымъ польскимъ журналомъ. Кромѣ Грудзіонжа въ королевской Пруссіи лежитъ у устья Вислы древняя польская гавань Гданскъ (Данцигъ), никогда незамерзающая гавань, естественный доступъ къ морю для всего бассейна Вислы, естественное предмѣстье Кракова и Варшавы. Гданскъ—городъ онѣмеченный, но

его окрестности сплошь населены поляками. На югѣ королевской Пруссіи городъ Торунъ (Торнъ) является тоже виднымъ центромъ польской жизни.

И въ княжеской «восточной» Пруссіи, несмотря на то, что она никогда непосредственно не принадлежала Польшѣ, польскій элементъ силенъ, и его надо принять во вниманіе. Въ княжеской Пруссіи 300.000 поляковъ, которые живутъ сплошной массой въ южной части страны. Линія, проведенная нѣсколько къ сѣверу отъ городовъ Элкъ (Лыкъ) и Ольштынъ (Алленштейнъ), составляетъ этнографическую границу нѣмецкаго и литовскаго населенія съ одной стороны, польскаго—съ другой. Страна отъ Элка и Ольштына къ границамъ Царства Польскаго населена поляками. Прусская статистика изобрѣла здѣсь какую-то «мазурскую» національность, что̀ уже совсѣмъ не имѣетъ никакого смысла: къ этой «національности» пришлось бы тоже причислить всѣхъ варшавянъ, такъ какъ и Варшава лежитъ въ старой польской провинціи Мазовшѣ. Поляки княжеской Пруссіи—лютеране: они приняли лютеранство вмѣстѣ съ рыцарями тевтонскаго ордена, которые со временемъ превратились въ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Крестьяне, несмотря на свое лютеранское вѣроисповѣданіе, сохранили польскій языкъ и даже польское національное самосознаніе.

Сѣверная часть княжеской Пруссіи съ Кенигсбергомъ—нѣмецкая, сѣверо-восточная съ Тильзитомъ—литовская.

Наконецъ, 1.000.000 поляковъ живетъ въ южномъ и юго-восточномъ Шленскѣ (Силезіи). Здѣсь поляки преимущественно—крестьяне и горнорабочіе. Главный городъ Шленска—Вроцлавъ (Бреславль) онѣмеченъ, но лежащіе на югѣ отъ него города Ополе (Оппельнъ), Рациборжъ (Ратиборъ), Катовице, какъ и лежащая на востокѣ Олѣсница (Oels), населены поляками. Въ этихъ частяхъ Шленска поляки представляютъ громадное большинство населе-

нія,—свыше 60%. Независимо отъ польскаго состава населенія обладаніе южнымъ и юго-восточнымъ Шленскомъ было бы важно по двумъ причинамъ: тамъ находятся богатѣйшія каменноугольныя копи, и южный Шленскъ граничитъ съ Чехіей. Чехамъ угрожаетъ полное окруженіе нѣмецкимъ моремъ, какъ это уже случилось съ лужичанами, и только южный Шленскъ можетъ имъ дать границу съ славянскимъ міромъ.

Кромѣ того въ Берлинѣ живетъ около ста тысячъ поляковъ; свыше пятисотъ тысячъ поляковъ живетъ въ Вестфаліи. Германскимъ моремъ окружены три или четыре сотни тысячъ лужинанъ, живущихъ въ королевствѣ Саксонскомъ и въ прусской Саксоніи. Эти части славянскаго населенія надо уже, конечно, оставить въ Германіи; взамѣнъ сѣверная часть восточной Пруссіи, населенная нѣмцами, должна отойти отъ Германіи.

Какъ сказано выше, польское населеніе, живущее въ германскомъ игѣ, подвергается самому жестокому гоненію. Польскій языкъ безусловно исключенъ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, изъ судовъ, изъ желѣзнодорожныхъ учрежденій, изъ учебныхъ заведеній, всѣхъ степеней и всякаго рода какъ государственныхъ, гминныхъ, такъ и частныхъ. Запрещено говорить по-польски во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поляки составляютъ меньше 60% всего населенія. Кромѣ того присутствующій на собраніяхъ полицейскій всегда въ правѣ требовать перевода рѣчей или резолюцій на нѣмецкій языкъ. Польскія театральныя пьесы какъ въ театрахъ, такъ и въ любительскихъ спектакляхъ, допускаются не иначе, какъ послѣ представленія полиціи нѣмецкаго перевода пьесы. Въ начальныхъ училищахъ Западной и Восточной Пруссіи запрещено обучать дѣтей латинской азбукѣ, такъ какъ опытъ показалъ, что дѣти, знающіе латинскую азбуку, легко сами выучиваются читать по-польски.

Излишне прибавлять, что всѣ мѣста, даже самыя ничтожныя, на государственной службѣ заняты исключительно нѣмцами. Частные предприниматели нѣмцы даютъ мѣста полякамъ лишь въ качествѣ простыхъ рабочихъ.

Мало того. Съ помощью государственныхъ фондовъ дѣйствуетъ пресловутая колонизаціонная комиссія, которая покупаетъ крупныя и малыя помѣстья и распродаетъ ихъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ исключительно нѣмецкимъ крестьянамъ. Съ колонизаціонной комиссіей стали бороться частные польскіе парцелляціонные банки.

Чтобъ ихъ обезоружить издано распоряженіе, по которому польскіе крестьяне, покупающіе имѣніе, не имѣютъ права строить жилыхъ домовъ на своихъ участкахъ. Колонизаціонная комиссія щедрой рукой даетъ дешевый кредитъ или пособіе нѣмцамъ-адвокатамъ, докторамъ, купцамъ, ремесленникамъ, промышленникамъ. Каждый полякъ на каждомъ поприщѣ труда и въ каждую минуту чувствуетъ постоянно борьбу съ наступательнымъ германизмомъ. И этого еще мало: въ послѣднее время проведенъ въ прусскомъ сеймѣ законъ о насильственной экспропріаціи польскихъ земель, и въ силу его уже отняты четыре крупныхъ польскихъ помѣстья и распроданы нѣмецкимъ крестьянамъ.

И это еще не все. Пользуясь своимъ вліяніемъ на католическую церковь, прусское правительство воспитало цѣлый рядъ ксендзовъ-германизаторовъ съ силезскимъ архіепископомъ Коппомъ во главѣ. Рвеніе этихъ ксендзовъ доходило до того, что они не давали разрѣшеніе на исповѣди людямъ, которые согрѣшили тѣмъ, что читали польскіе журналы, хотя бы клерикальнаго направленія.

Но несмотря на все страшное гоненіе, только что описанное, польская національность держится въ Пруссіи. Это сказывается какъ въ области умственной, такъ и въ области матеріальной жизни народа. Польская пресса чрезвычайно

развита въ прусской Польшѣ. Каждый читаетъ свою газету. Въ Познани кромѣ консервативнаго «Денника Познанскаго и демократическаго», всегда тяготѣвшаго къ Россіи «Курьера Познанскаго» имѣются польскія газеты въ уѣздныхъ городахъ. Въ Западной Пруссіи: «Газета Грудзіонжска», «Газета Гданска», «Газета Торуньска» и чрезвычайно любопытный, посвященный кашубскому фольклору, ежемѣсячникъ «Грыфъ», отстаиваютъ польскую національность. Въ Восточной Пруссіи въ Щитнѣ (Ортельсбургъ) издается польская газета «Мазуръ». Въ верхней Силезіи издаются: «Газета Бытомска», «Новинны Рациборскіе», «Газета Работнича», «Католикъ» и другіе ежедневные польскіе журналы.

Въ экономическомъ отношеніи прекрасно устроенная система польскихъ банковъ, кредитныхъ кассъ и земледѣльческихъ кооперативовъ защищаетъ польское имущество и дѣлаетъ это такъ успѣшно, что не будь правительственныхъ субсидій для нѣмцевъ, оборона немедленно перешла бы въ наступленіе. Дѣло въ томъ, что нѣмцы деморализованы помощью правительства, у нихъ сравнительно невеликъ приростъ населенія, а такъ называемый «процессъ урбанизаціи», т.-е. стремленіе деревенскаго населенія къ городамъ, достигъ высшей степени развитія. Между тѣмъ польское общество закалено въ бою, привыкло разсчитывать лишь на себя, приростъ населенія у него громадный, а крестьянство жаждетъ земли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность крестьянскаго банка, даже если бы могли имъ пользоваться нѣмцы наравнѣ съ поляками, въ очень скорое время привела бы къ исчезновенію нѣмецкаго элемента изъ деревни.

Такимъ образомъ, находящіеся подъ германскимъ игомъ поляки превосходно исполняли свою задачу сторожевой башни славянства на западномъ фронтѣ. Нѣмцы употребляли всѣ усилія, чтобы разрушить эту башню, но теперь

настало время возстановить эту башню. Въ силу этнографически-національнаго принципа къ той новой Польшѣ, о которой теперь говорится, должна быть присоединена южная часть Восточной Пруссіи, бо́льшая часть Западной Пруссіи, вся Познань, а также южная и восточная Силезія. Польская восточная граница тоже должна быть урегулирована согласно національному принципу. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы Вильна или Львовъ принадлежали Польшѣ, такъ какъ эти города являются Польскими оазисами среди бѣлорусскаго и малорусскаго народа. Но въ силу того же принципа граница новой Польши съ запада должна охватить всѣ мѣстности, гдѣ живетъ сплошной массой польскій рабочій и крестьянскій людъ. И для того, чтобы эта новая Польша могла свободно проявляться и соперничать съ германскимъ натискомъ, ей должна быть обезпечена свобода народнаго творчества на всѣхъ поприщахъ труда.

Г. Курнатовскій.

NB. Эта статья уже была написана, когда мнѣ попался «Kurjer Warszawski» отъ 11 сентября 1914 г., гдѣ перепечатана статья изъ журнала «Nowe Zycie», офиціально издаваемаго нѣмцами въ Кѣльцахъ во время пребыванія ихъ въ этомъ городѣ.

Въ журналѣ «Nowe Zycie», въ нумерѣ отъ 21-го августа с. г., имѣется статья, озаглавленная «Судьба нашей страны», въ которой дословно читаемъ слѣдующее: «Германія возьметъ прежнія губерніи—Петроковскую, Калишскую, Плоцкую, Варшавскую, съ Варшавой или безъ Варшавы, которая можетъ сдѣлаться свободнымъ городомъ подъ опекой сосѣдей. Австрія возьметъ остальную часть Царства Польскаго съ новозавоеванными землями на Украйнѣ и въ Подольѣ. Германія возвратится къ своей *прежней границѣ, къ Пилицѣ*».

— Вотъ тотъ идеалъ «самостоятельности», за который намъ приказываютъ бороться!—восклицаетъ иронически «Kurjer Warszawski».

Прежняя граница къ Пилицѣ, о которой говорится, не что иное какъ граница Пруссіи послѣ третьяго раздѣла Польши (1795). Она дѣйствительно для Пруссіи удобна, такъ какъ соединяетъ Лыкъ съ Котовицами не дугой, какъ нынѣ, а прямой линіей.

Но за этой выпрямленной дугой лежитъ самая культурная и самая зажиточная часть Польши. Нѣмцы хотѣли подвергнуть ее онѣмеченію. Къ счастью, ихъ планы были заранѣе предвидѣны польскимъ обществомъ, и оно сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы помѣшать ихъ осуществленію.

Г. К.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛЬША.

Появилась карта этнографической Польши, той Польши, о возстановленіи которой мы имѣемъ право думать нынче. Издатель карты, г. Чеславъ Янковскій, самъ называющій себя «бойцомъ за идею собиранія и консолидированія этнографической Польши», жалуется на удивительное, въ теченіе долгаго времени царившее у насъ, непониманіе необходимости замкнуться въ естественныхъ границахъ. Въ то же время онъ очень радуется, что, наконецъ, сознаніе это пришло и «самый образъ этнографической Польши привѣтствуется восторженно». Такого рода пониманіе дѣла не вполнѣ точно. «Образъ этнографической Польши» не является для насъ новостью въ настоящій моментъ, не было и раньше нужды убѣждать насъ согласиться на такую Польшу. Желаніе «властвовать» на чужихъ территоріяхъ усматривали въ насъ только русскіе націоналистическіе органы, или украинскіе и литовскіе шовинисты. Польскому обществу такого рода мечтанія давно уже чужды—по крайней мѣрѣ, тѣмъ кругамъ его, которые способны къ разумной политической мысли. Поэтому г. Янковскій не открылъ Америки, убѣждая насъ довольствоваться своимъ. Не открылъ ея, такъ какъ она была давно открыта. Начиная съ 1863 г., т.-е. въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ, мы сознаемъ уже, что наши политиче-

скія владѣнія силою вещей должны сводиться къ кореннымъ польскимъ землямъ. Да и не можетъ быть въ данный моментъ двухъ взглядовъ на этотъ предметъ. Среди всѣхъ нашихъ политическихъ партій нѣтъ ни одной, которая понимала бы идею Ягеллоновъ такимъ образомъ, какъ это охотно представляютъ наши «друзья».

У насъ нѣтъ притязаній ни на Литву, ни на русскія земли, въ смыслѣ стремленія къ господству. И въ этомъ отношеніи мы принципіально единодушны. Даже народовые демократы, чаще всего обвиняемые въ стремленіяхъ создать Польшу «od morza do morza» (отъ Балтійскаго до Чернаго моря), совершенно чужды подобнымъ желаніямъ. Что же ужъ и говорить о политическихъ группахъ, идущихъ далѣе народовой демократіи по пути къ либерализму и національному равноправію. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наша роль на окраинахъ силою вещей уменьшается въ политическомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ на этихъ окраинахъ пришли къ самосознанію народныя массы, всецѣло принадлежащія къ національностямъ молодымъ, но быстро приходящимъ къ самосознанію. Мы знаемъ тоже, что на борьбу съ ними не стоитъ тратить силы, и что силы эти гораздо лучше употребить на дѣло нашего національнаго творчества и благосостоянія. Исторія научила насъ, что чрезмѣрное польское стремленіе къ расширенію своего вліянія не принесло въ свое время пользы, а причинило вредъ существованію и плотности польскаго государства, что мы, какъ Рѣчь Посполита, захватили слишкомъ много, и что именно это обстоятельство помѣшало намъ концентрироваться въ нашихъ областяхъ съ наибольшею для насъ выгодой. Политическіе эксперименты, произведенные послѣ раздѣловъ, убѣдили насъ въ томъ, что упорное отстаиваніе польскаго характера Литвы и Украйны усложняло только наше положеніе по отношенію къ Россіи. Процессъ демократизаціи, наконецъ, все быстрѣе

совершающійся въ окраинныхъ областяхъ, сдѣлалъ для насъ окончательно очевиднымъ, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ удержаться тамъ въ качествѣ господствующаго элемента. Все это мы понимаемъ уже теперь вполнѣ хорошо, и мечтателей, которые бы думали о какой-то Польшѣ, простирающейся не только до Смоленска, но даже до Вильны, между нами рѣшительно нѣтъ. Отрезвлять насъ въ этомъ отношеніи вовсе не нужно, такъ же, какъ и дѣлать намъ какія бы то ни было предостереженія.

Такія предостереженія, однако—вещь обычная со стороны русскихъ. «Если бы поляки отреклись отъ своихъ притязаній на Литву и Украйну, сойтись съ ними было бы очень легко». Такъ, безъ конца, въ теченіе многихъ лѣтъ, повторяли всѣ, кому хотѣлось удержать Россію въ томъ мнѣніи, что польское «засиліе», или «интрига» угрожаютъ ей въ дальнѣйшемъ потерями въ видѣ будто бы все еще со страстностью проводимой полонизаціи мало - и бѣлоруссовъ. Призракъ «полонизаціи» такъ и не исчезалъ со столбцовъ реакціонныхъ газетъ, изъ офиціальныхъ докладовъ, изъ лживыхъ разсказовъ про наши безпрестанныя «насилія», передъ которыми будто бы нужно было защищать отъ поляковъ мѣстное населеніе, угрожаемое въ своемъ національномъ существованіи. Басни эти распространялись столь долго, съ такой настойчивостью и ловкостью, что, наконецъ, укрѣпили за нами въ глазахъ всей Россіи славу народа, находящаго удовольствіе въ денаціонализированіи другихъ, и этимъ оправдывались примѣняемыя къ намъ репрессіи. Неудивительно, поэтому, что за эти басни принимался всякій, кому только желательно было сыграть какую-нибудь роль въ провинціяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, въ которыхъ поляки составляли меньшинство. И въ концѣ-концовъ вся Россія повѣрила, что со стороны польской національности государству угрожаетъ дѣйствительная опасность на Вислѣ или на Западномъ Бугѣ.

Что это убѣжденіе стало почти общимъ, доказательствомъ служитъ фактъ, что даже люди, ищущіе съ нѣкотораго времени примиренія и соглашенія съ нами, даже они все такъ же повторяли намъ: «только вы разъ навсегда откажитесь отъ притязаній на Литву и Украйну». Эти наивныя въ своей искренности увѣщеванія были бы прямо забавными, если бы они не доказывали, что разсѣваемыя противъ насъ подозрѣнія принесли плоды даже тамъ, гдѣ они должны были встрѣтить критическое отношеніе и желаніе узнать правду. Этотъ посѣвъ и нынѣ приноситъ плоды. Передъ нами какъ разъ статья г. Дмитровскаго въ «Новомъ звенѣ», журналѣ, въ которомъ проглядываетъ гуманное, основанное на идеѣ славянскаго родства, отношеніе къ полякамъ, и который проповѣдуетъ признаніе нашихъ правъ безъ всякой лжи и притворства. Въ этой статьѣ авторъ, человѣкъ тоже самыхъ лучшихъ намѣреній, снова ставитъ намъ условіе, высказанное такимъ образомъ: «Если поляки желаютъ, чтобы Россія отказалась отъ своихъ историческихъ правъ завоевателя Польши, возвращая имъ полную самостоятельность, то поляки взамѣнъ должны разъ навсегда забыть о своихъ правахъ завоевателей по отношенію къ русскимъ землямъ»... Права завоевателей... Да кто же еще думаетъ о нихъ въ Польшѣ и кто на нихъ основываетъ наше существованіе въ Литвѣ, Украйнѣ или въ Волыни. Въ политическомъ отношеніи мы давнымъ-давно свели наши стремленія къ этнографической Польшѣ,—но вся дѣйствительность не исчерпывается политикой.

Какъ бы мы ни ограничили свои территоріяльныя притязанія на «Польшу»—милліоны нашихъ соотечественниковъ не перестанутъ жить и работать, какъ и прежде, на территоріяхъ, когда-то наводненныхъ польской колонизаціей, а нынѣ все еще не мало насчитывающихъ польскихъ помѣщичьихъ усадьбъ, «засцянковъ» (деревни съ населе-

ніемъ дворянскаго происхожденія, которое въ виду своей бѣдности ведетъ крестьянскій образъ жизни), наполовину польскихъ городовъ и мѣстечекъ. И нельзя требовать, чтобы полякъ выселялся изъ этихъ странъ, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сѣялъ, пахалъ землю и лилъ свою кровь, защищая эту землю отъ вторженія дикихъ, варварскихъ полчищъ. Такой эмиграціи, какъ это показали разные опыты, не въ состояніи были произвести ни декабрьскій Указъ, ни всевозможныя «временныя правила», ни всѣ мѣры, которыя сдѣлали тяжелой жизнь поляковъ въ Литвѣ или въ Украйнѣ. Земля, которая воспитала цѣлыя поколѣнія, обладаетъ непонятной, таинственной силой, а любовь къ ней проникаетъ въ кровь, въ сердце, въ душу. И этотъ фактъ не имѣетъ ничего общаго ни съ политикой, ни съ интригой, ни съ желаніемъ владѣть или пользоваться своими «правами побѣдителей». Но этого не понимаетъ русское общественное мнѣніе, слишкомъ долгое время вводимое въ заблужденіе людьми, которые только и умѣли, что уничтожать польскій характеръ окраинъ и реформировать ихъ. Ихъ міровоззрѣніе,—міровоззрѣніе, которое сложилось на фонѣ спеціальныхъ событій и причинъ, стало мнѣніемъ всей Россіи, и нынче не мало найдется людей, думающихъ серьезно, что на югѣ и юго-западѣ имперіи ведется какая-то злая польская работа, ставящая себѣ цѣлью вредить интересамъ другихъ національностей. Однимъ изъ такихъ людей является, должно быть, г. Дмитровскій. Не станемъ удивляться ему. Ему внушили, что на окраинахъ существуетъ «польская опасность», и онъ вѣритъ этому такъ же, какъ и другіе. Съ другой стороны никто, да почти, никто... не пытался вывести его изъ заблужденія и представить ему во всей правдѣ польскую работу на окраинахъ государства. И никто не задалъ вопроса, какимъ это образомъ эти милліоны поляковъ, разбросанныхъ среди подольскихъ полей и литовскихъ

лѣсовъ, могутъ ликвидировать свое существованіе на землѣ отцовъ и разъ навсегда представить неопровержимыя и уже не подвергаемыя сомнѣнію доказательства, что они вовсе не считаютъ себя элементомъ «господствующимъ», или желающимъ распространять свое политическое вліяніе на живущія бокъ-о-бокъ не-польскія племена. Отказаться отъ мечтаній о власти и даже о первенствующемъ положеніи это еще не значитъ отречься отъ всякаго общенія со страной, которую мы вполнѣ справедливо считаемъ своимъ отечествомъ и для которой мы работаемъ, любя ее искренно. Этого сдѣлать не сумѣютъ поляки, осѣвшіе въ Литвѣ или въ Украйнѣ—и этого факта, быть можетъ, достаточно будетъ для того, чтобы намъ приписывали какіе-то планы захвата по отношенію къ этимъ землямъ. И нѣтъ на это средства—развѣ одно только: пусть тѣ въ Россіи, кто дѣйствительно желаетъ перемѣны въ отношеніи къ полякамъ, пусть они, не довольствуясь существующими до сихъ поръ представленіями и мнѣніями, разъ наконецъ, серьезно и дѣловито ознакомятся съ положеніемъ поляковъ въ окраинныхъ областяхъ. Если они это сдѣлаютъ безпристрастно, они убѣдятся, до какой степени лишними являются условія, которыя попрежнему намъ ставятъ, требуя отреченія отъ литовскихъ и русскихъ земель.

Мы давно уже и безъ малѣйшаго колебанія поставили въ политическомъ отношеніи крестъ надъ этими пространствами, гдѣ хозяевами должны быть народы, обитающіе въ нихъ. Никто изъ насъ не желаетъ мѣшать развитію этихъ народовъ, скорѣе напротивъ,—мы желаемъ раздѣлять съ ними нашу культуру. Но въ этомъ нѣтъ опасности для русскаго государства. Напротивъ, благодаря польскому труду эти провинціи богатѣютъ и проникаются культурой. Фактъ же нашего существованія тамъ никому не приноситъ вреда. И мы не можемъ покинуть наши древнія жилища, не-

смотря на то, что даже свои совѣтуютъ намъ это сдѣлать. Всѣ эти соображенія безсильны противъ привычки души, пустившей свои корни въ родную землю. Но такихъ, привязанныхъ къ своей землѣ пахарей нужно цѣнить, а не заподозрѣвать ихъ въ общепольскихъ стремленіяхъ. Нужно дорожить ими, какъ факторомъ настоящаго прогресса, и окончательно оставить въ сторонѣ всѣ политическіе счеты съ ними. Пусть они живутъ и трудятся спокойно.

Когда польскій элементъ не станутъ больше вытѣснять съ окраинныхъ постовъ, когда надзоръ за нимъ будетъ оставленъ и наступитъ равноправіе, тогда сразу исчезнетъ выдумка, будто бы и тамъ, на этихъ «оспариваемыхъ» пространствахъ, дѣйствительно все еще идетъ борьба во имя завоеваній, къ которымъ якобы стремится ненасытная польская національность. Національность эта, не будучи вынуждаемая къ само-защитѣ, лишится тамъ того спеціальнаго характера, который она пріобрѣла, благодаря лишеніямъ и угнетеніямъ. И не противопоставляя себя никому, она будетъ трудиться для себя, принося пользу всѣмъ. И не нужно будетъ ни надзирать за нами, ни обращаться къ намъ съ призывами къ какимъ-то отреченіямъ. Мы знаемъ, что время колонизаціи прошло безвозвратно, и, когда соединятся отторгнутыя другъ отъ друга области этнографической Польши, не будемъ изъ нея стремиться къ новымъ завоеваніямъ;—но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы мы всѣ могли найти себѣ мѣсто въ этнографической Польшѣ,—какъ это даютъ намъ понять. Но этого вѣдь и не нужно. Въ то время, какъ польско-русскія отношенія будутъ упорядочены на Вислѣ, на окраинахъ исчезнетъ сразу все, что нынѣ является тамъ причиной ссоры, и всѣ, кто теперь упорно повторяетъ: «поляки должны отказаться отъ своихъ притязаній на русскія земли», убѣдятся, что такихъ притязаній у насъ вовсе нѣтъ, и что мы охотно ограничиваемъ наши политическія стремленія

предѣлами этнографической Польши. Они увидятъ тоже, что быть полезными въ экономическомъ, культурномъ и даже государственномъ отношеніяхъ мы сумѣемъ вездѣ, гдѣ только будемъ мы пользоваться правами и свободой.

В. Б.

«Kraj».

ПОЛЯКИ ВЪ ЦИФРАХЪ.

«Литовскій Курьеръ» въ статьѣ С. Цивинскаго, озаглавленной «Сколько насъ?», даетъ слѣдующія данныя относительно польскаго населенія.

Авторъ раздѣляетъ поляковъ на три основныхъ группы. Первая—это поляки, населяющіе страну, которую мы можемъ и должны назвать собственно Польшей, такъ какъ польское населеніе составляетъ тамъ главную этническую массу: 75 процентовъ общаго состава населенія, и притомъ всюду оно въ большинствѣ. Сюда войдутъ: Царство Польское, Западная Галиція, Познанское княжество, Австрійская Силезія, Западная и часть Восточной Пруссіи, Спижъ *) и, наконецъ, часть Гродненской губерніи.

Вторую группу составляютъ поляки, живущіе въ областяхъ, въ которыхъ они не образуютъ большинства, а только болѣе или менѣе значительное меньшинство, хотя они и являются тамъ населеніемъ столь же постояннымъ, какъ и другія національности, тамъ живущія. Эти земли—Восточная Галиція, Украйна, Литва и Бѣлая Русь. Въ отношеніи къ польскому элементу эти земли можно, въ свою очередь, раздѣлить на двѣ категоріи: на тѣ, въ которыхъ оно хотя и составляетъ меньшинство населенія (мѣстами,

---

*) По-нѣмецки Zips—на венгерскомъ склонѣ Карпатъ.

впрочемъ, даже большинство), но это меньшинство, однако, слишкомъ серьезно (40%—10%), чтобы возможно было не считаться съ нимъ, и, наконецъ, на тѣ, въ которыхъ процентъ польской національности очень незначителенъ, доходящій до 1 процента.

Третья группа поляковъ—это эмигранты.

Разсмотримъ теперь каждую группу отдѣльно.

Къ первой группѣ принадлежитъ прежде всего Царство Польское. Въ немъ въ настоящій моментъ насчитываютъ 12.800.000 жителей. Если отдѣлить отъ него нѣсколько не польскихъ уѣздовъ Сувалкской губерніи (Владиславовъ, Маріамполь, Вилковишки, Кальварія и сѣверо-восточныя части сейненскаго и августовскаго уѣздовъ—здѣсь живетъ около 450.000 человѣкъ), то въ Царствѣ Польскомъ остается 12.350.000 жителей; изъ этого числа поляками нужно признать, кромѣ всѣхъ католиковъ, также маріавитовъ, часть протестантовъ и часть евреевъ. Получится въ круглыхъ числахъ:

всего населенія	12.350.000	
поляковъ	9.750.000	(79%)
евреевъ	1.600.000	(13%)
нѣмцевъ	500.000	(4%)
украинцевъ	350.000	(2,8%)
русскихъ	150.000	(1,2%)

Вторая, по очереди, польская провинція, это—Западная Галиція:

всего населенія	3.140.000	
поляковъ	2.620.000	(84%)
евреевъ	250.000	(8%)
нѣмцевъ	150.000	(4,6%)
украинцевъ	110.000	(3,4%)

Нѣсколько ниже Галиціи мы находимъ маленькую страну Спижъ, въ 1770 г. отпавшую отъ насъ къ Венгріи. Здѣсь живетъ:

всего населенія	300.000	
поляковъ	220.000	(71%)

остальные—словаки и венгры.

Съ запада къ Галиціи примыкаетъ Тешинскій *) округъ:

всего населенія	410.000	
поляковъ	250.000	(61%)
чеховъ	100.000	(24%)
нѣмцевъ	60.000	(15%)

Продолженіемъ Тешинскаго округа является Верхняя или Прусская Силезія, сѣверо-восточная часть которой—это понынѣ коренной польскій край; польскимъ, собственно, является здѣсь такъ-называемая Опольская регенція—за исключеніемъ уѣздовъ: Гливице (Глейвицъ), Нисса (Нейссе), Гротковъ и Немодлинъ (Фалькенбергъ), а изъ Вроцлавской (Бреславской) регенціи уѣзды: Сыцовъ (Вартенбергъ) и Намысловъ (Намслау).

всего населенія	2.126.000	
поляконъ	1.484.000	(70%)
нѣмцевъ	526.000	(24%)
чеховъ	60.000	(3%)
евреевъ	21.000	(1%)

Изъ земель Познанскаго княжества не-польскими, придется считать: Мендзыржецъ (Мезерицъ) (20% поляковъ) и Сквержину (Шверинъ). Остается:

всего населенія	2.245.000	
поляковъ	1.437.500	(64%)
нѣмцевъ	740.000	(33%)
евреевъ	27.000	(1,3%)

---

*) Cieszyn—по-польски и Teschen—по-нѣмецки.

Въ Западной Пруссіи не приходится считать уѣзды: Валчъ (Дейчъ Кронэ) Гданскъ (Данцигъ)—12%, Гданскъ —Нижній (Danziger Niderung), Тчевъ (Диршау), Мальборгъ (Маріенбургъ), Эльблонгъ (Эньбингъ) и Сушъ (Розенбергъ). Въ остальной части Западной Пруссіи и Помераніи у насъ будетъ:

всего населенія	1.156.000
поляковъ	636.000 (55%)
нѣмцевъ	485.000 (42%)
евреевъ	13.000 (0,9%)

Въ Восточной Пруссіи польской страной признать слѣдуетъ южную, заселенную мазурами полосу, а именно уѣзды: Нидборгъ (Нейденбургъ)—71%, Щитно (Ортельсбургъ) — 77%, Янсборкъ (Іоганнисбургъ) — 75%, Элкъ (Лукъ) — 58%, Олецкъ — 38%, Лецъ (Лёценъ) — 47%, Соньзборкъ (Іенсбургъ)—57%, Ольштынъ (Алленштейнъ) —51%, Оструду (Остэродэ)—48%.

Въ этихъ уѣздахъ живетъ:

общее число	520.000
поляковъ	302.000 (58%)
нѣмцевъ	208.000 (40%)
евреевъ	4.000 (0,8%)

Наконецъ, нужно принять во вниманіе западную часть уѣздовъ: Сокольскаго, Бѣльскаго и Бѣлостокскаго Гродненской губ. Это дастъ (приблизительно):

общее число	250.000
поляковъ	150.000 (60%)
бѣлоруссовъ	50.000 (20%)
евреевъ	30.000 (12%
русскихъ	10.000 (4%
нѣмцевъ	10.000 (4%)

Слѣдовательно, на всей территоріи этнографической Польши живетъ въ настоящее время, въ 1914 году:

всего населенія	22.500.000
поляковъ	16.850.000 (75%)
нѣмцевъ	2.680.000 (12%)
евреевъ	1.945.000 (8,6%)
украинцевъ	460.000 (2,4%)
чеховъ	160.000 (0,7%)
русскихъ	160.000 (0,7%)
словаковъ, бѣлоруссовъ и пр.	250.000 (1,4%)

Во второй группѣ, обнимающей поляковъ, разселенныхъ на не коренныхъ польскихъ земляхъ, но составляющихъ тѣмъ не менѣе постоянное населеніе этихъ земель, имѣемъ:

въ Восточной Галиціи	1.600.000 (36%)
въ Литвѣ и Бѣлой Руси (мы отнимаемъ отсюда часть Гродненской, прибавляемъ же часть Сувалкской губерніи)	1.500.000 (12%)
въ Украйнѣ	1.000.000 (8%)
	4.100.000

Въ эмиграціи, наконецъ, поляковъ въ настоящее время насчитывается (примѣрныя числа):

въ Россіи	500.000
» Австріи	200.000
» Вестфаліи	400.000
» въ остальной Германіи	200.000
» Южной Америкѣ	100.000
» Сѣверной Америкѣ	4.000.000
» остальныхъ мѣстахъ	100.000
Итого эмигр.	5.500.000

Несмотря на то, что весьма многія цифры изъ вышеприведенныхъ не могутъ считаться точными, мы все же

въ виду того, что многіе статистики приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ, можемъ принять цифру польскаго народа въ настоящій моментъ—26.450.000 *).

А такъ какъ, въ среднемъ, приростъ населенія среди поляковъ выше, чѣмъ у другихъ народовъ Европы и составляетъ 1,7 проц. (это значитъ, что ежегодно количество поляковъ увеличивается на 450.000 приблизительно), то по крайней мѣрѣ съ этой стороны мы можемъ не опасаться за будущее.

---

*) Неточность статистики польскаго населенія обусловлена слѣдующими обстоятельствами: статистическія данныя разныхъ государствъ относятся къ разнымъ моментамъ времени; оффиціальная германская статистика стремится показать въ округахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ возможно меньше поляковъ и больше нѣмцевъ и прибѣгаетъ съ этой цѣлью къ разнымъ махинаціямъ, исправляя въ этомъ отношеніи данныя оффиціальнной статистики, польскіе изслѣдователи склонны впадать въ другую крайность; въ Галиціи путаница, благодаря тому, что австрійская оффиціальная статистика не признаетъ еврейскаго языка и еврейской національности и евреи причисляются по языку къ полякамъ, къ русинамъ и къ нѣмцамъ, общее число евреевъ легко установить по религіозному признаку, но сколько изъ нихъ нужно вычесть изъ цифры польскаго населенія, а сколько изъ—украинскаго—вопросъ спорный. Въ статьѣ г. Цивинскаго число поляковъ въ восточной Галиціи нѣсколько преувеличено. Сомнительной также является цифра «эмигрантовъ» въ Германіи. Въ нее, повидимому, вошли пришлые рабочіе изъ Познани и Царства Польскаго, которые и на родинѣ уже попали въ статистическія таблицы. Въ итогѣ преувеличенной окажется и общая цифра поляковъ, приведенная г. Цивинскимъ.

Прим. ред.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКѢ.

Сэръ Эдуардъ Грей лучше всѣхъ оцѣнилъ великое значеніе воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ въ международной политикѣ. Прочитавъ въ англійскомъ парламентѣ текстъ упомянутаго воззванія, онъ этимъ самымъ подчеркнулъ, что польскій вопросъ это — вопросъ международный, серьезно занимающій Англію.—Принципъ Грея и Асквита, что каждый народъ имѣетъ право жизни, прежде всего насъ касается, и насъ именно Англія имѣла въ виду въ своихъ политическихъ планахъ. Мы не знаемъ тѣхъ стимуловъ, которые повліяли на провозглашеніе этого принципа, но во всякомъ случаѣ они существуютъ и въ кратчайшемъ времени обнаружатся на политической сценѣ. Подобный принципъ полстолѣтія тому назадъ провозгласилъ Наполеонъ III, возвѣщая идею, хранящуюся въ сердцахъ всѣхъ угнетенныхъ, что каждый народъ имѣетъ право на независимость. Эту мысль подхватилъ торопливо Кавуръ, талантливый министръ сардинскаго короля Виктора Эмануила. Принципъ Наполеона III вскорѣ пріобрѣлъ реальную почву въ войнѣ Сардиніи и Франціи противъ Австріи, приведшей къ объединенію Италіи.—Однако Наполеонъ III, желая заслужить доброжелательность и дружбу Россіи, не думалъ о примѣненіи этого принципа къ намъ.

Былъ на самомъ дѣлѣ моментъ, когда Наполеонъ III, подъ угрозой прусско-русскаго союза, старался его разстроить, выдвигая польскій вопросъ, но это былъ малозначительный политическій моментъ, послѣ котораго Польша сошла съ европейской сцены на полстолѣтія.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, когда взаимоотношеніе европейскихъ державъ вновь измѣнилось, а Франція заключила съ Россіей наступательно-оборонительный союзъ, польскій вопросъ снова сталъ интересовать французскихъ политиковъ. Но этотъ интересъ имѣетъ совершенно другой характеръ, связанъ прежде всего съ возможностью возникновенія войны между Франціей и Россіей съ одной, а Пруссіей—съ другой стороны. Франція интересуется и желаетъ уладить польскій вопросъ, главнымъ образомъ, преслѣдуя свои собственные интересы и интересы Россіи, зная о томъ, что военныя дѣйствія будутъ происходить на территоріи Царства Польскаго. Именно это составляетъ самую важную причину, побуждающую заняться нами и польскимъ вопросомъ. Послѣ окончательнаго уничтоженія военнаго могущества Пруссіи, вожди французской политики несомнѣнно перестанутъ интересоваться нашимъ вопросомъ. Послѣдній станетъ для Франціи безразличнымъ, станетъ внутреннимъ вопросомъ Россіи, зависящимъ единственно отъ того или иного отношенія Россіи къ намъ.

Подобно тому, какъ Наполеонъ III, желая уничтожить вѣнскій трактатъ, осуществилъ принципъ, провозглашенный имъ, посредствомъ объединенія Италіи, считая эту задачу болѣе важной для Франціи, нежели далекій польскій вопросъ,—такъ и нынѣшняя Франція имѣетъ гораздо больше основаній примѣнять принципъ Грея и Асквита по отношенію къ Бельгіи, нежели къ Польшѣ. Если мы обратимъ вниманіе на факторы, опредѣляющіе наше положеніе въ европейской политикѣ, то убѣдимся

что для Англіи важнѣе, нежели для Франціи, основательное и категорическое рѣшеніе польскаго вопроса.

Интересы Франціи и Россіи не вызовутъ въ будущемъ какихъ-либо осложненій, добрыя же отношенія Англіи и Россіи въ будущемъ могутъ подвергнуться испытаніямъ. Англіи важно имѣть приверженцевъ какъ въ Бельгіи, такъ и въ Польшѣ. Это, разумѣется, заключеніе, обоснованное на предположеніи, ибо мы не знаемъ тѣхъ цѣлей и задачъ, какія въ настоящее время преслѣдуетъ англійская политика,—во всякомъ случаѣ, польскій вопросъ только на исходѣ войны можетъ оказаться вопросомъ, поставленнымъ на первый планъ какъ Англіею, такъ и другими государствами.

Вопросы національные и политическіе на западномъ театрѣ войны не встрѣтятъ большихъ трудностей при ея ликвидаціи. Франція и Бельгія увеличатся территоріально, Англія найдетъ возмѣщеніе въ колоніяхъ и на Сѣверномъ морѣ; восточный же фронтъ представляетъ для улаженія и разрѣшенія, много скрытыхъ, непредвидѣнныхъ трудностей, а именно: польскій вопросъ, австрійскій вопросъ, вопросъ Балканскаго полуострова и турецкій вопросъ. Всѣ эти вопросы задѣваютъ другъ друга и въ этомъ состоитъ неимовѣрная трудность: найти такой modus vivendi, который сумѣлъ бы рѣшить всѣ эти вопросы, ибо въ противномъ случаѣ, они всегда будутъ пылать грознымъ пламенемъ. Это, прежде всего, вопросы національнаго характера, неимовѣрно сложные и долго остававшіеся въ сторонѣ. Нельзя, напримѣръ, рѣшить сербскій вопросъ и въ то же время не рѣшать польскаго вопроса—было бы пародіею принципа Грея, если принять во вниманіе, что насъ 23 милліона и мы занимаемъ, если не считать Россіи и Великобританіи, шестое мѣсто среди населенія европейскихъ государствъ.

Именно этотъ польскій вопросъ, который прежде

всего насъ интересуетъ, и является наиболѣе актуальной проблемой эпилога ведущейся войны. Стоитъ поэтому задуматься надъ отношенiемъ европейскихъ государствъ къ этому вопросу, который, по всей вѣроятности, возникнетъ въ ближайшемъ будущемъ. Объ отношенiи къ намъ Францiи и Англiи, которое выяснилось изъ ихъ теперешняго образа дѣйствiй, уже мы говорили, надо разсмотрѣть и другiя еще государства, заинтересованныя польскимъ вопросомъ не только лишь нравственно, но и непосредственно. Прежде всего, державы, принимавшiя участiе въ раздѣлѣ: Австрiя, Россiя и Пруссiя.

Отношенiе этихъ государствъ къ польскому вопросу, послѣ окончанiя войны, должно претерпѣть радикальную перемѣну. До возникновенiя войны 1914 года обязывали трактаты 1815 года. Нынѣ они разорваны въ клочья. До европейской войны политика каждаго изъ этихъ государствъ стремилась къ денацiонализацiи, ограниченiю и подавленiю развитiя польскаго народа.

Въ случаѣ побѣды надъ однимъ изъ этихъ государствъ, принимавшихъ участiе въ дѣлежѣ, отношенiе къ польскому вопросу приметъ совершенно другой оборотъ. Австрiя или Пруссiя, у которыхъ отнимутъ Галицiю, великое кн. Познанское, Силезiю, т.-е. всѣ польскiя земли, будутъ стремиться на европейскомъ конгрессѣ къ образованiю изъ этихъ странъ отдѣльной политической единицы, не входящей въ составъ русскаго государства.

Такое разрѣшенiе польскаго вопроса было бы болѣе выгоднымъ для Пруссiи и Австрiи, не увеличило бы территорiально Россiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяло бы въ будущемъ выдвигать при первомъ удобномъ случаѣ польскiй вопросъ. Дружба побѣдоносной Пруссiи къ Польшѣ была бы болѣе чѣмъ проблематична, *побѣжденная* же Пруссiя, у которой отняты польскiя земли, навѣрно будетъ требовать самаго широкаго самоуправленiя и само-

стоятельности Польши,—тогда это будетъ въ ея самыхъ жизненныхъ интересахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ случаѣ полной побѣды, одержанной надъ Австріей и Пруссіей, польскій вопросъ перестанетъ быть для нихъ внутреннимъ вопросомъ, а станетъ лишь важнымъ международнымъ вопросомъ. Ослабить нынѣшній разрушительный ударъ войны побѣжденныя Австрія и Пруссія могутъ лишь единственнымъ способомъ, выдвигая на первый планъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ польскій вопросъ.

Но позиція побѣдоносной Россіи въ польскомъ вопросѣ будетъ совершенно иной, ибо, согласно со своими государственными интересами, Россія не пожелаетъ признать польскаго вопроса международнымъ, для нея онъ будетъ внутреннимъ вопросомъ. Для будущаго историка много интереснаго даетъ это отношеніе Австріи, Россіи и Пруссіи къ польскому вопросу; нынѣ же обрисовываются лишь общія рамки, въ какихъ вопросъ этотъ выступитъ на ближайшемъ конгрессѣ.

Кромѣ Англіи, Франціи, Россіи, Пруссіи и Австріи, еще могутъ косвенно заинтересоваться нашимъ положеніемъ и другія государства Европы. Нынѣ еще трудно предусмотрѣть, какія государства, кромѣ вышеупомянутыхъ, признаютъ польскій вопросъ жизненнымъ, въ виду интересовъ внѣшней политики, кому будетъ нужна Польша и кто въ ней будетъ искать союзника, для застрахованія себя въ будущемъ отъ разныхъ неожиданностей и ударовъ. Слѣдуетъ предположить, что Румынія, охваченная со всѣхъ сторонъ русскимъ моремъ, можетъ быть заинтересована этимъ вопросомъ. Что же касается Италіи, то настоящая итальянская политика теряется въ омутѣ и хаосѣ прямо противоположныхъ интересовъ. Итальянская политика, въ связи съ Тріестомъ и Тридентомъ, должна быть антиавстрійскою, по отношенію къ колоніямъ

въ Африкѣ—антифранцузскою, по отношенію къ Сербіи—антиславянскою и антирусскою.

Италія охотно взяла бы у Австріи итальянскія провинціи, но вообще раздѣлъ Австріи не входитъ въ интересы Италіи, равно какъ и Румыніи. Вмѣсто побѣжденной Австріи явятся болѣе грозные враги, и лишь, совершенная ликвидація Австріи принудила бы Италію протянуть руки для отысканія себѣ другихъ союзниковъ вмѣсто обезсиленной Пруссіи и побѣжденной Австріи.

Но переставъ быть государствомъ Австрія не перестанетъ быть грознымъ европейскимъ вопросомъ; каждая изъ ея націй, по произволу присоединенная или раздѣленная была бы на долгія времена вулканомъ въ государствѣ побѣдителей.

Все это уже нынѣ существуетъ въ состояніи туманности, но въ этой политической туманности не видно развязки многихъ европейскихъ вопросовъ, напротивъ, все больше и больше они нагромождаются и запутываются.

«Послѣ улаженія польскаго вопроса,—говоритъ Сорель въ своемъ «Восточномъ вопросѣ,—Европа очутится наканунѣ турецкаго вопроса, а послѣ его разрѣшенія—наканунѣ австрійскаго вопроса».

Между тѣмъ, теперь всѣ эти вопросы, вмѣстѣ взятые, составляютъ лишь фонъ ведущейся нынѣ войны на восточномъ театрѣ. Польскій вопросъ въ международной политикѣ, въ ряду этихъ вопросовъ, долженъ выступить, какъ самый серьезный.

Д-ръ Ваулавъ Орловскій.

«Nowa Gazeta».

ВОЗРОЖДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

(Изъ «Temps»).

Четыре историческихъ происшествія въ теченіе пятнадцати дней: Англія поднимается на защиту европейскаго равновѣсія, Бельгія обнаруживаетъ большую военную силу, къ Франціи возвращается Эльзасъ, Россія, наконецъ, своими руками возстановляетъ Польшу.

Этотъ громаднаго значенія актъ придаетъ борьбѣ союзниковъ особенный характеръ. Это—война во имя блага народовъ,—война, исправляющая историческія ошибки всего столѣтія.

Если бы не мѣшали разгорѣвшіяся страсти, если бы философія была въ состояніи смотрѣть и говорить подъ лязгъ оружія, мы могли бы увидѣть и сказать, что обрисовывающійся новый порядокъ окажется лучшимъ для европейскихъ народовъ и для самой же Германіи. Но сейчасъ рѣчь идетъ о Польшѣ и о великомъ актѣ, совершенномъ Россіей.

Съ прекрасными словами обратился Великій Князь Николай къ тройственной, но единой Польшѣ.

Никто не встрѣтитъ такъ горячо дальновидное и благородное рѣшеніе Императора Николая II, какъ французы, которые въ своихъ симпатіяхъ никогда не умѣли отличить поляковъ отъ русскихъ.

Какой трогательной гармоніей дышатъ эти два воззванія: Великаго Князя Николая къ полякамъ и генерала Жоффра къ эльзасцамъ! Россія осуществляетъ единеніе двухъ великихъ членовъ славянской семьи, въ то время какъ Франція, присоединяя къ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, стремится къ реваншу, основываясь не на своей силѣ, а на правѣ народовъ рѣшать свою судьбу.

Возстановляя единство Польши, рѣшеніе Императора Николая II дышетъ такимъ же благородствомъ. Оно собираетъ разъединенную семью воедино въ еще болѣе широкомъ объединеніи славянскаго племени, великой покровительницей котораго является Россія. Начиная съ сегодняшняго дня при славянскомъ очагѣ не будетъ уже пустого мѣста.

Окончательное примиренье поляковъ съ Россіей окажется для нея неисчерпаемымъ источникомъ роста силъ; для соединенной съ ней союзной Европы—концомъ безсилія, хлопотъ и даже угрызеній совѣсти.

Въ теченіе вѣковъ на совѣсти Европы лежалъ долгъ благодарности по отношенію къ тѣмъ, кто съ Собѣсскимъ во главѣ спасъ ее при Вѣнѣ отъ турецкаго разгрома. Европа пренебрегла этимъ долгомъ, забыла объ уплатѣ его. Раздѣлъ геройскаго польскаго народа былъ для всѣхъ источникомъ сильнаго недуга на протяженіи всего столѣтія. Онъ создалъ между тремя державами фактическое объединеніе, выгоды отъ котораго получали впрочемъ только Пруссія и Австрія, и которое въ конечномъ результатѣ ослабило Россію. Берлинъ и Вѣна поджигали недовѣріе въ Петроградѣ и направляли его вниманіе въ сторону мнимой польской опасности.

Одновременно польскій вопросъ вызвалъ печальныя недоразумѣнія между Россіей и западными державами, Франціей и Англіей. Вотъ какимъ способомъ дьявольская или, другими словами, Бисмаркова хитрость парализо-

вала «начертанные на звѣздахъ» дружбу, союзъ и согласіе, которые должны были вернуть Европѣ ея совѣсть и силу.

Автономія Польши однимъ движеніемъ залѣчиваетъ старыя раны, чрезъ которыя сочилась кровь благороднаго народа и сила могучей державы.

Ничего нѣтъ справедливѣе великихъ словъ: «Великія мысли рождаются въ сердцѣ». И политика, вдохновленная ими, является благодѣяньемъ. Императоръ сообщаетъ, такимъ образомъ, своей политикѣ, по отношенію къ народностямъ, входящимъ въ составъ Россіи, самое благопріятствующее внутреннему развитію имперіи направленіе.

Единое внутри своихъ предѣловъ государство непоѣдимо для какого бы то ни было врага. Эта польская революція, которой безпрестанно пугали Петроградъ, оказалась призракомъ, который осудила личная иниціатива Императора Николая II, и который исчезнетъ навсегда, если Императоръ добьется общаго единенія подъ своимъ скипетромъ.

Поляки собираютъ нынче плоды своего долгаго терпѣнія, сдержанности и политическаго разума, созрѣвшаго въ испытаніяхъ. Ихъ бѣдствія, ихъ непреодолимая воля жизни возбуждали чувство общаго уваженія. Ихъ вѣрные друзья привѣтствуютъ нынче эту заслуженную награду съ величайшей радостью. Возстановленная Польша, которая на исполинскомъ пространствѣ Русской имперіи станетъ скоро однимъ изъ пограничныхъ постовъ, будетъ въ состояніи свободно развить свой геній,—ни одинъ же другой народъ не призванъ больше, чѣмъ она, къ обогащенію возрожденныхъ искусства и мысли, которыя будущій миръ несетъ возрожденной Европѣ.

Въ этой борьбѣ за свободу, которая радостно ведется противъ жаждущихъ захватовъ государствъ, рабство раздѣленной на части Польши являлось тайнымъ горемъ для

всей Европы. Мы были бы очень довольны, если бы улучшеніе ея участи совпало съ освобожденіемъ нашихъ братьевъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, датчанъ въ Шлезвигѣ, итальянцевъ въ Австріи,—съ освобожденіемъ самыхъ древнихъ и самыхъ несчастныхъ жертвъ германскаго грабителя.

Польша заслужила возрожденіе. Она была геройской для другихъ, для себя стойкой и храброй. Благодаря ея разуму за ней обезпечены ея будущее и ея свобода въ нѣдрахъ великой славянской имперіи.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ «Times'а»).

Воззваніе къ полякамъ обѣщаетъ возстановить Царство Польское. Оно обѣщаетъ возвратить ему его территоріальную цѣлость и дать ему подъ скипетромъ Царя полную автономію, религіозную свободу и употребленіе національнаго языка. Излишне доказывать великое значеніе этого шага. Онъ однимъ ударомъ уничтожаетъ то, что являлось традиціонной, по крайней мѣрѣ начиная съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, политикой Россіи по отношенію къ Польшѣ, и противопоставляетъ себя всей системѣ «руссификаціи» на централистическихъ началахъ, которыя примѣнялись въ теченіе столькихъ лѣтъ. Еще важнѣе вліяніе его на внѣшнія отношенія Русскаго государства. Участіе въ раздѣлѣ Польши было, начиная съ конца XVIII вѣка, главнымъ узломъ, связующимъ Россію съ Пруссіей и Австріей. Россія порвала этотъ узелъ такимъ образомъ, что его нелегко будетъ возстановить сызнова. Участники въ польской добычѣ видѣли въ подавленіи польскихъ стремленій общій интересъ. Несмотря на торжественныя увѣренія, какія они дали на Вѣнскомъ Конгрессѣ, они рѣшительно не соглашались на то, чтобы судьба Польши и ея населенія интересовала кого-либо, кромѣ ихъ самихъ. Въ 1846 г., когда они отдали Австріи послѣдній клочокъ независимой Польши въ видѣ маленькой

Краковской республики, они съ надменнымъ пренебреженіемъ отнеслись къ представленіямъ Англіи и Франціи. Польскій вопросъ принадлежалъ имъ и только имъ, они сообща обсуждали его и сообща дѣйствовали.

Россія нынче разбила вдребезги всю эту систему. Воззваніе обращается не только къ полякамъ въ Россіи, но также и къ полякамъ въ Пруссіи и Австро-Венгріи. Оно призываетъ подданныхъ этихъ двухъ сосѣднихъ государствъ, чтобы они на него возложили свои надежды и въ награду обѣщаетъ имъ соединеніе съ братьями въ Россіи и національную автономію подъ скипетромъ Россіи. Оно имъ вѣщаетъ, что будетъ передѣлано дѣло Фридриха Великаго и Екатерины и возстановлено бывшее королевство въ его цѣломъ, съ русскимъ царемъ, какъ королемъ, во главѣ.

Было бы слишкомъ большой смѣлостью предсказывать послѣдствія этого столь далеко идущаго шага. Но въ одномъ результатѣ его мы увѣрены.

Воззваніе, если ему суждено имѣть реальныя послѣдствія—влечетъ за собою непоправимый разрывъ между Россіей и двумя династіями и государствами. Это самое важное доказательство, какое Россія можетъ дать въ томъ, что она считаетъ войну со своими великими сосѣдями войной безпощадной (war to the knife). Соединеніе Польши, если бы оно было вполнѣ осуществлено, обозначало бы раздѣлъ Пруссіи и отдѣленіе Галиціи отъ габсбургскихъ владѣній.

Оно обозначало бы анексію прусской Познанской провинціи, оттѣсненіе прусской границы назадъ къ Бранденбургской Мархіи и Помераніи. Для Австро-Венгріи оно обозначало бы потерю всей ея територіи за Карпатскими горами, начиная съ Силезіи до Буковины, а, возможно, что и до румынской границы. Тогда лишь только, когда союзныя монархіи будутъ лежать у ногъ побѣдителя, онѣ могутъ согласиться на такой планъ.

Обѣщанія, данныя въ воззваніи къ полякамъ, могутъ вызвать лишь самое горячее сочувствіе и поддержку всѣхъ народовъ, любящихъ свободу. Для великихъ демократій Англіи и Франціи они должны быть особенно симпатичны; мы предполагаемъ, что не менѣе радостно ихъ будутъ привѣтствовать народы Италіи и Соединенныхъ Штатовъ. Угнетеніе Польши, которая когда-то была оплотомъ Европы противъ монголовъ и турокъ, запрещеніе пользоваться своимъ языкомъ, гоненія на ея религію въ значительной степени содѣйствовали тому, что симпатіи Европы отклонялись отъ русскаго государства. Дарованіе самоуправленія польскимъ областямъ, соединеннымъ съ Имперіей, и предоставленіе настоящей гражданской и религіозной свободы ихъ населенію очень сильно будетъ содѣйствовать устраненію глубоко укоренившихся предубѣжденій по отношенію къ Россіи, и завоюютъ ей симпатіи западныхъ народовъ.

Какъ примутъ воззваніе массы русскихъ поляковъ—это видно будетъ только въ будущемъ. Оно обращено къ ихъ глубочайшимъ и благороднѣйшимъ чувствамъ, къ ихъ горячей любви къ своей вѣрѣ, и къ своей родинѣ, и вѣрѣ, которой не сумѣли ни уменьшить, ни уничтожить насиліе, равно, какъ и заискиваніе. Поляки—раса эмоціональная, но въ то же время раса, одаренная долгой и живой памятью, раса, которой свойственны недовѣріе и подозрительность. Если они безусловно повѣрятъ данному имъ теперь обѣщанію, то мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что результаты будутъ огромные. Польскіе полки храбро сражались за Императора, единственно руководимые воинственнымъ инстинктомъ и древней славой рыцарскаго народа. Они будутъ сражаться за него съ удесятереннымъ мужествомъ теперь, когда въ награду ихъ доблести имъ обѣщали исполнить «завѣтныя мечты ихъ отцовъ». Но можемъ ли мы быть увѣрены въ томъ, что они съ полнымъ довѣріемъ при-

мутъ приносимые имъ дары? Польскихъ депутатовъ въ думѣ спрашивали насчетъ этого плана—и они радостно привѣтствовали его. Но могутъ ли эти депутаты, избранные на основанiи существующаго избирательнаго устава и существующихъ нынѣ условiй, говорить отъ имени всего народа? Могутъ ли они забыть про 1830 и 1863 годы? Мы надѣемся, что могутъ, и что они забудутъ, и что эта борьба дѣйствительно создаетъ для нихъ «зарю новой жизни»,—но мы не можемъ имѣть полной увѣренности въ ихъ настроенiи, пока оно не выразится въ ихъ дѣлахъ и поступкахъ. Нацiональное движенiе въ Русской Польшѣ съ благословенiя Императора будетъ прiятно Западной Европѣ и по другой причинѣ: оно можетъ только усилить либеральныя и конституцiонныя партiи въ Думѣ и во всемъ государствѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВАРШАВСКИХЪ БОЕВЪ.

Политическое значеніе войнъ и возможные ихъ политическіе результаты не всегда одинаково ярко и наглядно для всѣхъ отражаются въ самомъ ходѣ военныхъ операцій. Судьба извѣстной страны можетъ рѣшиться въ сраженіи, происходящемъ за сотни и тысячи верстъ отъ нея. Стремленіе одной изъ воюющихъ сторонъ захватить тотъ или другой городъ, ту или другую мѣстность весьма часто имѣетъ исключительно стратегическое значеніе и не связано съ намѣреніемъ окончательно отторгнуть эту часть территоріи отъ владѣющаго ею государства и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ.

Но бываютъ, напротивъ, случаи, когда ходъ стратегическихъ операцій силою вещей символизируетъ и подчеркиваетъ политическое значеніе войны, когда театромъ военныхъ дѣйствій становится какъ разъ та территорія, судьбы которой рѣшаются въ завязавшейся борьбѣ. И именно такой характеръ, несомнѣнно, имѣютъ грандіозные бои при Вислѣ, къ которымъ приковано теперь вниманіе всей Европы.

Отпоръ притязаніямъ Германіи на міровую гегемонію, защита международнаго права, европейскаго равновѣсія и свободы развитія народовъ противъ натиска воинствующаго германизма,—таковъ обозначившійся ясно смыслъ

великой европейской войны. И если на западѣ Европы ея значенie наглядно выражается въ борьбѣ Францiи и Англiи за независимость занятой германскими войсками Бельгiи, а на югѣ—въ стойкомъ сопротивленiи сербовъ и черногорцевъ австрiйскому нашествiю, то на восточномъ театрѣ войны основной задачей момента, тѣсно связанной съ той же общей идеей, является отраженie германскаго вторженiя въ Царство Польское. Защита Варшавы есть сейчасъ не просто оборона извѣстнаго стратегическаго пункта. Это вмѣстѣ съ тѣмъ реальный, осязательный отпоръ тому германскому «натиску на востокъ», который въ мирное время выражался въ подвигахъ «гакатистовъ», въ безпощадной германизацiи старопольскихъ земель въ Познани, Силезiи и Западной Пруссiи, а теперь вылился въ форму вооруженнаго нападенiя на русскую Польшу.

Польскiй вопросъ, который еще недавно недальновидные люди считали сданнымъ въ архивъ, при первыхъ выстрѣлахъ на русско-германской границѣ всталъ во весь свой ростъ. Неизбѣжною силою вещей Польша сдѣлалась главной ареной русско-германской борьбы, а будущая судьба ея—однимъ изъ главныхъ объектовъ этой борьбы. Отъ того или иного рѣшенiя польскаго вопроса, связаннаго съ исходомъ борьбы, зависитъ будущее соотношенie силъ на востокѣ Европы. И если возможныя при томъ или иномъ результатѣ военныхъ операцiй рѣшенiя еще не опредѣлились во всѣхъ своихъ деталяхъ, то въ общемъ стремленiя и интересы воюющихъ сторонъ въ этомъ отношенiи обозначились съ достаточной ясностью.

Возсоединенie «растерзаннаго на куски живого тѣла» польскаго народа и возрожденie его къ свободной внутренней жизни въ государственно-правовомъ соединенiи съ Россiей—таковъ общiй планъ рѣшенiя польскаго вопроса, намѣченный съ русской стороны.

Что противопоставлено этому плану со стороны Герма-

ніи? Какіе замыслы питаетъ германское правительство относительно будущаго положенія Польши? Что оно стремится къ отторженію Царства Польскаго отъ Россіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но какова должна быть дальнѣйшая судьба края съ нѣмецкой точки зрѣнія?

Опредѣленныхъ офиціальныхъ заявленій по этому предмету, повидимому, не имѣется, но, судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, въ Германіи выставляются два альтернативныхъ рѣшенія польскаго вопроса. Съ одной стороны, дѣлаются намеки на возможность образованія особаго «польскаго королевства», входящаго въ составъ германскаго союза или, вообще, такъ или иначе связаннаго политически съ Германіей. Но эти намеки всегда сопровождаются категорической оговоркой о томъ, что польскія земли Пруссіи никоимъ образомъ не могутъ войти въ составъ этого будущаго «королевства». Оно представляется, повидимому, состоящимъ исключительно изъ польскихъ земель, которыя Германія собирается отвоевать у Россіи. И въ этомъ именно пунктѣ ярче всего обнаруживается неискренность и призрачность всѣхъ заявленій о якобы «освободительныхъ» намѣреніяхъ Германіи относительно Польши. Когда германцы обѣщаютъ полякамъ свободу, они обѣщаютъ ее только чужимъ, но не своимъ собственнымъ польскимъ гражданамъ. Это уже само по себѣ достаточно характерно. Но мыслимо ли, далѣе, чтобы при такихъ условіяхъ даже часть польскаго народа могла пользоваться хотя бы относительной внутренней свободой подъ эгидой Германіи? Возможно ли, чтобы Пруссія одной рукой охраняла и поддерживала польскую свободу въ Варшавѣ, а другой рукой искореняла польскую культуру въ Познани? Неосуществимость этой фантастической комбинаціи совершенно очевидна. Свободная Польша для Германіи принципіально недопустима, ибо она неизбѣжной

силой вещей сдѣлалась бы очагомъ сопротивленія германизаторству въ польскихъ земляхъ Пруссіи.

И потому гораздо болѣе правдоподобными представляются тѣ свѣдѣнія, которыя рисуютъ истинные планы Германіи по отношенію къ Польшѣ совершенно иначе. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, оглашеннымъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати, Германія стремится не къ образованію изъ Царства Польскаго особаго политическаго цѣлаго, а къ раздѣлу его между Пруссіей и Австріей по такъ называемой «кнезебековской» границѣ, то-есть границѣ, отдѣлявшей прусскія владѣнія отъ австрійскихъ послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году. Къ Пруссіи въ такомъ случаѣ отошла бы сѣверо-западная часть Царства Польскаго, къ Австріи—юго-восточная. Эти свѣдѣнія вполнѣ согласуются съ высказываемыми въ нѣмецкой печати взглядами, по которымъ бо́льшая часть Царства Польскаго является естественнымъ Hinterland'омъ прусскаго балтійскаго побережья. Они находятъ также себѣ подтвержденіе въ проникавшихъ въ печать извѣстіяхъ объ отношеніи германскихъ войскъ къ занятымъ ими частямъ Польши, какъ къ краю, предназначенному сдѣлаться въ будущемъ владѣніями Пруссіи.

Идея возвращенія къ «кнезебековской» границѣ, то-есть къ положенію, явившемуся результатомъ раздѣловъ Польши въ XVIII вѣкѣ, въ данномъ случаѣ глубоко знаменательна. Она показываетъ, какъ прочны и цѣпки традиціи политики германскихъ державъ въ польскомъ вопросѣ. Какъ извѣстно, въ эпоху раздѣловъ Польши, Россія получила тѣ части бывшей «Рѣчи Посполитой», гдѣ большинство населенія было малорусскимъ или бѣлорусскимъ. Коренная этнографическая Польша была подѣлена тогда между Австріей и Пруссіей; Варшава входила въ составъ такъ называвшейся «Южной Пруссіи». Но идея возсоединенія и возстановленія Польши не умерла въ европейской поли-

тикѣ. Въ началѣ XIX вѣка она получила два раза частичное осуществленіе, сначала въ формѣ «Варшавскаго Герцогства», созданнаго Наполеономъ послѣ разгрома Пруссіи, затѣмъ въ формѣ соединеннаго съ Россіей «Царства Польскаго». Оба раза эта идея осуществлялась въ явномъ противорѣчіи съ интересами и стремленіями Пруссіи и Австріи.

И вотъ теперь, спустя сто лѣтъ послѣ наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса, снова противопоставляются другъ другу двѣ идеи: идея раздѣла Польши и идея ея возсоединенія и возрожденія къ свободной жизни, идея завоеванія и поглощенія и идея примиренія и освобожденія, идея «Южной Пруссіи» и идея «Царства Польскаго». Ставшая во главѣ Германіи Пруссія стремится вооруженной рукой возвратить себѣ тѣ позиціи на востокѣ, которыя были ею пріобрѣтены въ эпоху раздѣловъ Польши и потеряны въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. И русскія войска, встрѣчающія грудью нашествіе непріятеля, защищая Россію, защищаютъ тѣмъ самымъ и Польшу. Они не только спасаютъ Варшаву отъ участи Брюсселя и Антверпена; они вмѣстѣ съ тѣмъ спасаютъ Польшу отъ участи Познани. Первый натискъ германскихъ полчищъ отраженъ въ историческихъ бояхъ подъ Варшавой. Это хорошій предвѣстникъ для будущаго Россіи и Польши.

«Русскія Вѣдомости».

ПОЛЬСКІЙ ПАХАРЬ-СОЛДАТЪ.

Передо мною лежитъ письмо «запаснаго солдата изъ Ченстохова», какъ называетъ себя авторъ письма, польскій крестьянинъ, призванный на войну и послѣ боя попавшій въ одинъ изъ московскихъ госпиталей. Выписываясь изъ госпиталя, онъ оставилъ длинное письмо, въ которомъ благодаритъ за уходъ и разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ перваго момента, какъ его взяли на войну.

Письмо это, безграмотно написанное, богато образными оборотами рѣчи, характерными для польскаго крестьянина, вводитъ насъ въ душу этого крестьянина и знакомитъ насъ съ отношеніемъ его къ современности. Вотъ почему я и рѣшилъ подѣлиться имъ съ читателемъ.

«Вотъ я иду на сборный пунктъ,—начинаетъ свой разсказъ «запасный солдатъ изъ Ченстохова»,—и вижу, саперы роютъ вдоль линіи желѣзной дороги. Тогда я подумалъ, что значитъ вправду будетъ война, и пошелъ домой проститься. Прощаніе наше было печальное, сдѣлалъ я, какъ могъ, распоряженія по хозяйству, семья не отпускаетъ меня, трое дѣтей и жена печальная. Больно было разставаться, но я уже не смотрю на то, что жена и дѣти, мысль моя о томъ, чтобы землю свою защитить, не дать ея проклятому нѣмцу»...

Вотъ она главная мысль въ этой войнѣ не только «за-

паснаго солдата изъ Ченстохова», но всего польскаго крестьянства. Мысль эта, что нѣмецъ идетъ отнимать землю у польскихъ крестьянъ, такъ крѣпко засѣла въ головахъ послѣднихъ, что никто, никакіе доводы не могли бы выбить ее оттуда. Мысль эту вбивали въ головы польскихъ крестьянъ вѣка исторіи. Они не слыхали о терминѣ «Drang nach Osten», но испытывали на себѣ въ повседневной жизни этотъ «Drang». Столѣтія тому назадъ сложилась поговорка «Jak swiat srwiatem niemiec polakowi nie bedzie bratem» (пока міръ стоитъ, нѣмецъ поляку не будетъ братомъ). А послѣднія десятилѣтія колонизаціонной политики въ Пруссіи лишь укрѣпляли въ вѣрѣ въ истинность этой старой поговорки. Объ этой колонизаціонной политикѣ крестьянинъ Царства Польскаго зналъ отлично, ибо изъ года въ годъ сотни тысячъ польскихъ сельскихъ рабочихъ уходятъ лѣтомъ на заработки въ Германію и, возвращаясь домой, разсказываютъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя и они сами такъ терпѣли и которыя испытываютъ крестьяне прусской Польши. И когда край облетѣла вѣсть, что изъ Пруссіи нѣмецъ идетъ въ русскую Польшу, то для крестьянъ послѣдней не было никакого сомнѣнія, зачѣмъ идетъ нѣмецъ: конечно, затѣмъ, чтобы захватить землю, которой мало въ Германіи. И ясно было, что нельзя отдавать нѣмцу землю и нужно, защищая ее, биться до послѣдней возможности. Вотъ почему толпы запасныхъ въ Польшѣ такъ охотно шли на призывъ, являлись на сборные пункты даже тѣ, которые не подлежали призыву, вотъ почему зачисленные въ ряды они рвались въ бой и яростно шли въ атаку...

Читая письмо польскаго запаснаго, я вспомнилъ тѣ споры, которые велись этимъ лѣтомъ въ Татрахъ, въ Закопаномъ, гдѣ съѣзжается польская интеллигенція изъ трехъ частей Польши,—споры о томъ, какую позицію долженъ занять разъединенный между тремя державами польскій

народъ въ надвигающейся европейской войнѣ. Эти споры въ горахъ были лишними, ибо тамъ внизу, на поляхъ дѣло уже было рѣшено и безспорно; народная масса безъ колебаній рѣшила: съ Россіей противъ нѣмцевъ, и польской интеллигенціи оставалось лишь пойти за стихійнымъ народнымъ порывомъ.

Для польскаго крестьянина настоящая война—война за землю, за отечество, національная война, требующая героической борьбы, и въ описаніи этой борьбы до стиля эпическихъ поэмъ возвышается безыскусная рѣчь безграмотнаго запаснаго, автора цитированнаго письма:

«Насъ осыпаютъ пулями, какъ градомъ, наша цѣпь лежитъ, и кто живъ, тотъ стрѣляетъ, а кто убитъ, тотъ уже спокойно лежитъ, хотя земля дрожитъ отъ грохота пушекъ. Грохотъ такой былъ, что уши наши перестали слышать, а въ воздухѣ столько пыли и дыма, что глаза не видѣли. Такъ бились отъ 7-ми утра до 8-ми часовъ вечера и были всѣ полумертвые отъ усталости. А какъ сталъ ихъ корпусъ нашъ батальонъ окружать, такъ пришлось отступить. Какъ отступали, я мало видѣлъ, потому что былъ уже раненъ. Какъ шли въ атаку, былъ я на лѣвомъ крылѣ, и ранили меня въ лѣвую руку, кость въ кисти переломилась, и боль была немалая»...

Далѣе воинъ разсказываетъ, какъ, отставъ отъ своихъ и спасаясь отъ непріятеля, пробирался онъ на перевязочный пунктъ. «Три версты бѣжалъ, что мочи было, не останавливаясь, отбѣжавъ три версты, сдѣлалъ себѣ перевязку и пошелъ, встрѣтилъ еще шестерыхъ солдатъ раненыхъ и ротнаго. Идетъ наша компанія словно нищіе калѣки. Кто согнулся весь и сгорбился, кто хромаетъ и на винтовку, какъ дѣдъ на палку, опирается, у кого лицо въ красный цвѣтъ собственной краской выкрашено, и всѣ охаютъ. Такъ шли мы день и ночь, 40 верстъ, пока не добрались до перевязочнаго пункта».

Попавъ въ полевой госпиталь «запасный солдатъ изъ Ченстохова» мечтаетъ о томъ, чтобы перевезли его въ Москву. Слыхалъ, очевидно, уже отъ другихъ, что въ Москвѣ хорошо. Желаніе его осуществилось, направили въ Москву.

«Дорога въ Москву,—разсказываетъ онъ,—была у меня съ плачемъ отъ боли, а какъ пріѣхалъ въ Москву, такъ показалось мнѣ, что здѣсь мой домъ, мои отецъ и мать, такъ хорошо здѣсь было. Какіе добрые и деликатные господа, ухаживаютъ за нами какъ за своими дѣтьми. Дай имъ, Боже, самую большую награду за это!»

Но въ госпиталѣ начинается новая мука, уже не физическая: онъ вспоминаетъ семью, жену и дѣтей, которыя остались подъ Ченстоховымъ, занятомъ нѣмцами, и отъ которыхъ онъ не имѣетъ никакихъ вѣстей. «Лежу въ госпиталѣ и думаю: мнѣ хорошо здѣсь, а жена и дѣти, они отъ войны еще больше страдаютъ. Я съ австріяками бился, а жена съ дѣтьми подъ Ченстоховымъ—у нѣмцевъ. Не дай, Боже, никому такой тяжелой доли въ жизни!»

Этотъ крикъ отчаянія, однако, сейчасъ смѣняется въ душѣ польскаго крестьянина тономъ резиньяціи: «Такъ Богъ далъ, какова работа, такова и плата, какова жизнь, такова и смерть, дальнѣйшая судьба неизвѣстна, что Богъ дастъ!»

Такимъ религіозно-философскимъ размышленіемъ заканчивается это письмо, въ которомъ свѣтится простая, наивная, вѣрующая душа польскаго пахаря-солдата. Онъ принимаетъ свою судьбу, и если Богъ дастъ, то снова въ дыму пороховомъ и пыли, подъ оглушительный грохотъ пушекъ, будетъ биться отъ утра до вечера, биться съ нѣмцемъ, который пришелъ отнять у него землю».

Л. Козловскій.

«Русскія Вѣдомости».

РУССКО-ПОЛЬСКОЕ ЕДИНЕНІЕ.

Москва дружно откликается на призывъ А. И. Коновалова организовать планомѣрную общественную помощь разоренной войной Польшѣ. Не сомнѣваемся въ томъ, что вслѣдъ за Москвой также дружно откликнется на это и вся Россія. Въ этомъ знаменательномъ явленіи какъ нельзя лучше обнаруживается народный характеръ настоящей войны. Русская армія, покрывающая себя боевой славой на поляхъ Польши и отбросившая отъ Варшавы нѣмецкое наступленіе, является лишь вооруженнымъ авангардомъ всего русскаго народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наша армія сознаетъ нравственную связь своихъ подвиговъ съ завѣтными стремленіями и желаніями народа, и это-то сознаніе болѣе всего способно придавать несокрушимость ея боевой силѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіемъ тѣхъ непроизвольныхъ инстинктовъ народной души, которые охватываютъ народную массу неудержимыми порывами и воспринимаются всѣмъ и каждымъ какимъ-то таинственнымъ, безотчетнымъ психическимъ процессомъ. Однако, достигая извѣстной высоты напряженія, такіе безотчетные процессы непремѣнно стремятся слиться въ стройно организованныя формы. Въ первую очередь это стремленіе, естественно, выразилось въ созданіи крупныхъ, принявшихъ всероссій-

скій характеръ организацій для оказанія помощи раненымъ воинамъ. Теперь событія выдвинули и другую задачу: пора пролить бальзамъ братской помощи на тѣ раны, которыя нанесены германскимъ нашествіемъ русской Польшѣ. Въ Москвѣ уже закипѣла работа. Мы знаемъ, что починъ Москвы служитъ добрымъ знакомъ для всякаго общественнаго дѣла въ русской землѣ. Отнынѣ Москва и Варшава крѣпко соединяютъ руки, какъ двѣ родныя сестры. Разсѣивается туманъ долговременныхъ историческихъ недоразумѣній, и изъ-за этого исчезающаго тумана солнце правды показываетъ свои сверкающіе побѣдные лучи.

Братскія чувства, проявившіяся между русскими и поляками на поляхъ битвъ передъ лицомъ общаго врага, должны быть твердо закрѣплены на почвѣ отчетливаго выясненія взаимныхъ интересовъ. Исторія съ несомнѣнностью показываетъ, что только при этомъ условіи возможны для Россіи прочные успѣхи ея здоровой національной политики.

Полякамъ небезынтересно будетъ, вѣроятно, узнать, что еще въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, когда ничто, казалось, не предвѣщало перелома въ строѣ русско-польскихъ отношеній, въ московскомъ университетѣ великій русскій историкъ Ключевскій такъ формулировалъ съ каѳедры свои воззрѣнія на этотъ предметъ. Подвергнувъ тончайшему разбору екатерининскую политику относительно Польши, Ключевскій приходилъ къ выводу, что политика эта не соотвѣтствовала интересамъ Россіи. «Для блага Россіи,—говорилъ знаменитый русскій историкъ,—нужно было сдѣлать Польшу настоящей польской Польшей, не дѣлая ея нѣмецкой».

Нѣкогда Пушкинъ сказалъ про польско-русскій споръ, что это—«споръ славянъ между собою, домашній, давній споръ». То былъ, кажется, единственный случай, когда великому поэту подъ напоромъ впечатлѣній текущей минуты измѣнило въ столь сильной мѣрѣ вообще ему присущее

историческое чутье. Нѣтъ, исторія неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что это былъ вовсе не домашній споръ двухъ славянскихъ сестеръ; это была смута, умышленно возженная въ славянской семьѣ чуждою, иноплеменною силой. Теперь уже документально доказано, что проектъ польскаго раздѣла былъ изготовленъ въ берлинской дипломатической кухнѣ Фридриха II, а правительство Екатерины II стало безсознательнымъ орудіемъ осуществленія замысловъ прусскаго короля. Замыслы эти были направлены прямо противъ интересовъ Россіи. Польскимъ раздѣломъ Пруссія убивала сразу трехъ зайцевъ. Во-первыхъ, нѣмецкій міръ получалъ территоріальное расширеніе въ восточномъ направленіи. Во-вторыхъ, участіемъ въ раздѣлѣ Польши обусловливался отказъ Россіи отъ сколько-нибудь крупныхъ пріобрѣтеній на счетъ только-что побѣжденной русскими Турціи. Въ-третьихъ, наживъ себѣ враговъ въ лицѣ поляковъ, Россія тѣмъ самымъ обрекалась на необходимость во что бы то ни стало поддерживать связь съ Пруссіей. Польскимъ раздѣломъ заразъ и ослаблялась роль Россіи на Балканахъ, и закрѣплялось введеніе Россіи въ орбиту прусской политики.

Польша, какъ самостоятельное цѣлое, пала жертвой изложенной комбинаціи. Но съ этого момента обнаружилось удивительнѣйшее явленіе въ международной исторіи Европы. Польша какъ государство перестала существовать. Но, не существуя, она тѣмъ не менѣе однимъ призракомъ своего возможнаго возрожденія сильнѣйшимъ образомъ вліяла на ходъ международныхъ отношеній. Прочтите классическій трудъ Вандаля по международной исторіи Европы въ эпоху Наполеона I (Napoleon et Alexandre), прочтите недавно появившійся обстоятельный трудъ Шарль-Ру по международной исторіи въ эпоху Наполеона III (Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III) и вы заимѣтите, какое капитальное значеніе оба автора, каждый для своей

эпохи, придаютъ польскому вопросу для объясненія всей международной ситуаціи. При Наполеонѣ I Россія всячески старалась укрѣплять Пруссію, видя въ этомъ своего рода заслонъ противъ полонофильства французскаго императора; при Наполеонѣ III тотъ же вопросъ о Польшѣ воспрепятствовалъ сближенію между Россіей и Франціей, которое уже начало было намѣчаться и въ случаѣ осуществленія котораго не народилась бы бисмарковская Германія.

Теперь долженъ быть поконченъ расчетъ съ прошлымъ. Дипломатическая нить, связывавшая Россію и Германію, разрѣзана мечомъ, и чувство народное привѣтствуетъ этотъ поворотъ. Но логическимъ выводомъ изъ этого поворота неизбѣжно является возсоединеніе раздробленной Польши въ качествѣ естественнаго западнаго аванпоста славянства. Передъ жерломъ нѣмецкой пушки русскіе и поляки почувствовали себя братьями. Но этимъ чувствомъ соотвѣтствуютъ и реальные интересы. А гдѣ политика чувства совпадаетъ съ политикой интереса, тамъ завязываются неразрывно крѣпкіе узлы взаимнаго объединенія.

«Домашній» споръ славянъ могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ позволяли участвовать назойливому сосѣду изъ чужой семьи. Стоило только отогнать этого сосѣда, и сразу стало ясно, что лишь ему одному споръ этотъ шелъ на пользу.

Русская народная помощь разоряемой германцами Польшѣ да послужитъ прочнымъ фундаментомъ для воздвигающагося нынѣ зданія русско-польскаго единенія.

А. Кизеветтеръ.

«Русскія Вѣдомости».

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Полнѣйшая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей!

Многое, еще годъ тому назадъ казавшееся невозможнымъ въ польскомъ обществѣ, стало фактомъ, самымъ доподлиннымъ фактомъ: настроенія измѣнились самымъ рѣзкимъ образомъ, возникли неожиданные союзы и разсѣялись многолѣтнія симпатіи, и грезы о будущемъ появились среди самыхъ положительныхъ, «реалистическихъ» дѣятелей. И особенно грезамъ предаются эти трезвые люди. Они помѣнялись своими ролями съ тѣми, которыхъ они упрекали въ политическомъ фантазерствѣ и кого приходится имъ теперь упрекать за слишкомъ осторожное поведеніе и скептическое отношеніе ко многимъ надеждамъ.

Да, переоцѣнка бывшихъ цѣнностей, которыми въ теченіе десятковъ лѣтъ держалось польское общество. Три мѣсяца едва отдѣляютъ насъ отъ начала военныхъ дѣйствій—и столько поразительныхъ перемѣнъ! Перемѣнъ, вызванныхъ отчасти увлекающимся характеромъ польскаго народа и подготовленныхъ надвигающимися быстро военными событіями. Пришлось пережить многое, очень многое. Иногда кажется, что все это какой-то сонъ! Мы переживали періодъ безденежья, когда самые устойчивые банки отказали въ выдачѣ даже маленькихъ вкладовъ; періодъ частичной голодовки среди исключительныхъ у насъ

осенью холодовъ; періодъ... впрочемъ, нечего исчислять эту вереницу различныхъ періодовъ. И среди житейскихъ; будничныхъ хлопотъ насъ окутала полная энтузіазма общественная обстановка. Да будетъ Польша! Эти простыя слова произвели чудеса: скептики стали вѣрующими, эгоисты начали жертвовать, трусы отважно встрѣчали извѣстія, приходящія отъ окраинъ Царства Польскаго, и не падали духомъ во время осады Варшавы, всѣ голодали, улыбаясь. И самое главное. За послѣдніе годы воцарились въ польскомъ обществѣ малыя идеи и неразлучные съ ними мелкіе счеты,—явленіе, появляющееся всегда во времена общественной реакціи. Но на сцену явилась великая идея—идея осуществленія правъ польской національности на свободное развитіе. И какъ съ восходомъ солнца, по народному преданію, исчезаетъ всякое чертово отродье, такъ точно великая идея убила темныя поползновенія, очистила общественную атмосферу и упрятала куда-то многія мелкія идеи.

Въ числѣ поколебавшихся теченій находится и постановка еврейскаго вопроса.

Годъ тому назадъ мнѣ разсказывали о настроеніи въ одной изъ самыхъ отсталыхъ мѣстностей Царства Польскаго. Разсказывали люди объективные, умѣющіе наблюдать. Такъ, высокій Мазовецкъ, напр., представлялъ собой удручающую картину взаимнаго недовѣрія между польскимъ и еврейскимъ населеніемъ—два лагеря, подстерегающіе другъ друга вродѣ двухъ сосѣднихъ племенъ австралійскаго материка, изъ которыхъ каждое обвиняетъ своего сосѣда въ сношеніяхъ съ темными силами, чтобы колдовствомъ отравлять жизнь сородичей разсказывающаго. Евреи ждали каждый день, что поляки ихъ перерѣжутъ; поляки же поголовно опасались, что евреи подготовляютъ поджоги ихъ домовъ. Къ счастью, не случилось ни одного тайнаго убійства и ни одного поджога!

Обѣ стороны были на-сторожѣ, и самое невинное или, вѣрнѣе, самое случайное, неумышленное событіе истолковывали сообразно своимъ опасеніямъ и укрѣплялись въ подозрѣніяхъ. Вѣдь у страха глаза велики! И то, что происходило въ Высокомъ Мазовецкѣ, повторялось и во многихъ другихъ городишкахъ. Многіе изъ этихъ опасеній, раздувавшихъ иногда совершенно случайный и мелкій фактъ, попадали на столбцы русской прессы и въ окончательномъ итогѣ обостряли пламя страстей. Общественная атмосфера стала невыносимо тяжелой. Поляки вездѣ чуяли еврейскую интригу: квартиры повысились въ цѣнѣ,— евреи виноваты; разрозненные прогрессивные элементы польскаго общества начали сплачиваться—евреи разумѣется дали на то средства этимъ «жидовствующимъ извергамъ». И съ другой стороны буйство какого нибудь хулигана и обыкновенныя и столь частыя ссоры при покупкѣ выростали у евреевъ въ начало погромнаго движенія.

Многіе изъ поляковъ, примкнувшихъ къ бойкотистскому движенію, начали негодовать на такое положеніе. Они начали сознавать свою ошибку: бойкотъ былъ для нихъ не цѣлью, но средствомъ обезвредить евреевъ и предотвратить приписываемыя евреямъ покушенія на будущее польской націи. Но бойкотъ произвелъ какъ разъ обратное дѣйствіе: онъ толкалъ евреевъ именно на эту дорогу. Однако, не было никакой возможности потушить возникшій пожаръ. Оставалось только одно—молчаніемъ извести назойливый вопросъ. Иначе—заставить общество забыть про бойкотъ. Война выручила польское общество изъ этого затрудненія.

Война доказала евреямъ, что имъ нечего опасаться погромовъ со стороны польскаго общества.

Благодаря стеченію обстоятельствъ, во всѣхъ городахъ Царства Польскаго, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы, и во многихъ мѣстностяхъ на правомъ берегу,

возникло своеобразное временное самоуправленіе. Управленіе городами перешло въ руки обывательскихъ комитетовъ и образованной ими гражданской милиціи. Эти учрежденія охраняли порядокъ въ городѣ, творили судъ, вообще исполняли всевозможныя функціи. Въ комитеты попадали люди почти исключительно консервативнаго и націоналистическаго направленій; милиція состояла сплошь да рядомъ изъ элементовъ, далекихъ отъ либеральнаго міровоззрѣнія, подчасъ сильно проникнутыхъ бойкотистскими настроеніями. Въ нѣкоторыхъ городахъ обывательскіе комитеты и гражданская милиція находились на своемъ посту по цѣлымъ недѣлямъ. И нигдѣ ни малѣйшаго поползновенія показать евреямъ, что они должны дрожать за свою шкуру!

Опасеніе евреевъ, что поляки ждутъ лишь того момента, когда они смогутъ перерѣзать ихъ, должно было исчезнуть среди евреевъ. Другое дѣло, исчезло ли оно? Вѣдь не все стало сразу инымъ. Отъ времени до времени появляются среди наиболѣе темныхъ слоевъ польскаго населенія самыя нелѣпыя сплетни противъ евреевъ: волна гдѣ-то возникаетъ, наводняетъ умы и чрезъ нѣсколько дней исчезаетъ, оставляя свои слѣды въ увеличенныхъ опасеніяхъ еврейскаго населенія. Приходится говорить: гдѣ-то, такъ какъ я не въ состояніи указать источники ея происхожденія.

Гдѣ-то возникаютъ нелѣпыя сплетни относительно евреевъ и проникаютъ въ темные слои польскаго общества. Агитацію въ этомъ направленіи ведутъ отчасти хулиганы, которымъ все равно, гдѣ поживиться, у поляка ли, или у еврея, но которые, дѣйствуя по линіи наименьшаго сопротивленія, направляютъ страсти въ сторону евреевъ, желая вызвать для себя благопріятную оказію наживы. И отдѣльныя личности, упражняющіяся въ теченіе долгаго періода въ подстрекательствѣ, не могутъ еще понять того, что Польшу осѣнила другая идея—великая. Но глав-

нымъ образомъ, негодуютъ бывшіе фавориты, мелкіе торгаши. Неблагодарное общество какъ будто забыло о ихъ существованіи! Даже газеты, которыя только то и дѣлали, что занимались исключительно христіанскими лавками, перешли къ другимъ темамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти элементы ведутъ самую дѣятельную агитацію противъ замѣчаемаго поворота. Но антисемитизмъ торгашей не то, что общее увлеченіе бойкотомъ. А бойкотъ потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе. Гдѣ тутъ говорить о бойкотѣ, когда человѣкъ мерзнетъ въ нетопленной комнатѣ и на вѣсъ золота покупаетъ каменный уголь или когда въ лавкѣ сегодня ему говорятъ, что нѣтъ соли, завтра же скажутъ, что нѣтъ сахару. Даже ярый бойкотистъ направляется въ еврейскую лавку, забывая о своихъ принципахъ... Кромѣ того, польскій торгашъ доказалъ воочію, что онъ прежде всего торгашъ: онъ сумѣлъ отлично воспользоваться оказіей и энергически убѣждалъ покупщиковъ, что душа у всѣхъ представителей торговли такая же, независимо отъ расовой оболочки. Правда, бойкотъ исчезъ безъ идейной подготовки, но результатъ получился вполнѣ удовлетворительный: китайская стѣна рушилась, чуждающіеся другъ друга люди снова встрѣтились и заговорили человѣческимъ языкомъ.

Всѣ эти событія происходятъ стихійно. Въ томъ заключается ихъ сила. И еще одинъ факторъ: надежды поляковъ, что за ними будутъ признаны ихъ естественныя права. При осуществленіи этихъ надеждъ бойкотъ останется, какъ лозунгъ исключительно христіанскаго торговаго сословія, которое въ польскомъ обществѣ составляетъ сравнительно незначительную часть населенія. Останутся на нѣкоторое время и идейныя послѣдствія бойкота—обостреніе взаимныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, положеніе измѣнилось и настало, быть можетъ, время примирительныхъ попытокъ. И не только со стороны поляковъ. И евреи,

съ своей стороны, должны содѣйствовать тому, чтобы пала легенда о томъ, будто они враги Польши. Чистѣйшая эта клевета должна исчезнуть. Впрочемъ, въ сферѣ политики, нечего спрашивать, кто виноватъ. Разъ возможно измѣненіе къ лучшему обостренныхъ отношеній, тамъ нечего копаться въ историческихъ грѣхахъ, но слѣдуетъ пользоваться удобнымъ случаемъ.

Л. Кржнвицкій.

«Кіевская Мысль».

SURSUM CORDA!

(Переводъ)

Мы стоимъ передъ историческимъ переворотомъ столь великаго значенія, какого отъ вѣка не запомнитъ человѣчество. Ибо если даже современную войну сравнить съ эпохой неустанныхъ войнъ Наполеона, то все же нынѣшній моментъ серьезнѣе и болѣе чреватъ неподдающимися учету послѣдствіями, нежели рядъ упорныхъ войнъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія.

Спеціально для насъ,—для Польши и поляковъ, живущихъ на прежнихъ земляхъ Рѣчи Посполитой—настоящая война имѣетъ огромное и большинствомъ нашего общества недостаточно оцѣненное значеніе.

Независимо отъ того, какихъ результатовъ можно ждать отъ войны, независимо отъ того, сколько въ послѣднемъ счетѣ выпадетъ на нашу долю выигрышей и потерь, уже самъ по себѣ конфликтъ между Россіей и Пруссіей представляетъ для насъ выгоду безусловную и огромную. Достаточно вглядѣться въ наше прошлое, начиная съ нѣмецкихъ интригъ въ ослабленной Рѣчи Посполитой. Достаточно присмотрѣться къ строгой и удивительной гармоніи, какую мы открываемъ во всѣхъ антипольскихъ системахъ и законахъ, практикуемыхъ по обѣ стороны границы, чтобы понять, какая огромная часть этихъ ограниченій была плодомъ интригъ и нашептываній изъ столицы на Шпрее.

Наслѣдники ультра-германскихъ, самыхъ худшихъ въ этомъ смыслѣ слова, идей Фридриха Великаго никоимъ образомъ не могли допустить, чтобы два самыхъ сильныхъ и культурныхъ славянскихъ народа—русскіе и поляки—жили въ мирѣ, дружбѣ и взаимномъ уваженіи. Они не могли согласиться на образованіе такого зачатка славянскаго единства, которое неизбѣжно увлекло бы за собою и всѣ другія славянскія племена, и этимъ самымъ противопоставило бы все растущей всегерманской державѣ во сто кратъ болѣе грозную силу, опирающуюся на огромныя пространства земли, не перегорѣвшую еще въ огнѣ западной культуры, мощную и духовно и тѣлесно силу объединеннаго общими интересами славянства.

Нѣмцы чувствовали, что со стороны Востока, эксплоатируемаго ими въ теченіе вѣковъ, грозитъ имъ неизбѣжная катастрофа, и моментъ своего разгрома они хотѣли предотвратить или по крайней мѣрѣ отдалить какой угодно цѣной, а первымъ средствомъ всегда и всюду была интрига противъ поляковъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если судьба, ставшая для насъ нѣсколько благопріятнѣе въ годахъ 1905—1907, снова смѣнилась полосой тяжелой недоли, исключительныхъ законовъ и всякаго рода ограниченій, то въ значительной, огромной мѣрѣ содѣйствовали этому нѣмецкія вліянія, которыя, какъ нынѣ признаютъ сами русскіе, свили себѣ на берегахъ Невы прочное, вѣковое гнѣздо и, трудясь во вредъ Россіи, сочли наилучшимъ для своихъ цѣлей средствомъ не допускать ни подъ какимъ видомъ польско-русскаго сближенія.

И вотъ поврежденіе, если не полное разрушеніе этого гнѣзда или, иначе говоря, отнятіе у польской политики русскаго государства ея нѣмецкаго характера, это для нашего будущаго, повторяю, выгода несомнѣнная и бе-

зусловная, выгода, которую мы почувствуемъ на нашей собственной судьбѣ.

Эта положительная сторона современной войны влечетъ за собою другую, пожалуй не менѣе важную.

Сознаніе русскимъ обществомъ всего значенія борьбы славянства съ германизмомъ, борьбы не на животъ, а на смерть, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ни компромиссовъ, ни половинчатыхъ результатовъ, укрѣпленіе убѣжденія, сколь пагубной для Россіи была многовѣковая дружба со скрытымъ и заклятымъ врагомъ ея—нѣмцемъ должны въ русскомъ обществѣ создать и уже создаютъ рѣшительно опредѣленную эволюцію взглядовъ на польскій вопросъ. Это ведетъ ко взаимному сближенію и не къ какому-нибудь временному, случайному компромиссу на фонѣ минутныхъ интересовъ, но къ союзу прочному и сильному, основанному на сознаніи общей опасности, какая угрожаетъ какъ полякамъ, такъ и русскимъ, такъ и всему славянству.

Это сознаніе общаго интереса, это признаніе общей государственной необходимости взаимной поддержки въ дальнѣйшей борьбѣ, которая ждетъ насъ неизбѣжно даже въ случаѣ полнаго пораженія врага, должно оказать рѣшительное вліяніе на политику государства по отношенію къ намъ въ смыслѣ, благопріятномъ для нашего народа.

За предѣлами чисто польскихъ земель, тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ Минской, Могилевской и другихъ, при смѣшанномъ населеніи мы составляемъ меньшинство, болѣе или менѣе значительное, гдѣ наши интересы политическіе, общественные, экономическіе сталкиваются ежедневно и на каждомъ шагу съ такими же интересами непольскаго населенія,—въ этихъ областяхъ мы имѣемъ возможность еще лучше и ближе оцѣнить, какъ настоятельно требуется для общей культуры и орга-

ническаго*) труда мирный симбіозъ,—какіе, богатые послѣдствіями, плоды можетъ и должно дать урегулированіе польско-русскихъ отношеній, основанное, разумѣется, на взаимномъ пониманіи и уваженіи правъ каждой индивидуальной національности. Если это сближеніе, такъ прекрасно начавшееся, на фонѣ общей юдоли и опасности не ослабнетъ, если, наоборотъ, оно окрѣпнетъ по мѣрѣ растущаго взаимнаго познанія и пониманія народовъ польскаго и русскаго, то въ этомъ мы сможемъ увидѣть другой великій положительный результатъ, достигнутый современной войной.

Трагизмъ братоубійственной войны, огромная потеря людьми, разореніе края, ужасныя страданія тысячъ семей, лишившихся мужей, отцовъ и братьевъ, разгромленныя на многіе годы культура, промышленность и торговля, разрушенные самые дорогіе національные памятники,— вотъ поистинѣ ужасающая картина, вотъ стонъ нашей несчастной страны, которой судьба велѣла лечь на грани между двумя исполинскими силами, вступившими въ бой,— страны, которая стала театромъ битвъ, какихъ міръ еще не видѣлъ...

Невольно съ нашихъ устъ рвется скорбный вопросъ: за эту кровь пролитую, за эти жертвы безмѣрныя, за эту борьбу брата противъ брата—не станетъ ли намъ, въ конечномъ счетѣ, еще хуже?

Нѣтъ, хуже не будетъ и быть не можетъ!

Исходъ борьбы, при наибольшей увѣренности въ побѣдѣ одной стороны, никогда не можетъ быть вполнѣ обезпеченнымъ. Но у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы Германія, несмотря на всю проявленную ею силу отчаянія и искусства, могла бы оказаться

*) «Органическій трудъ»—по польской терминологіи—работа надъ благосостояніемъ и просвѣщеніемъ народныхъ массъ.

непобѣжденной. Ея побѣда была бы чѣмъ-то неслыханнымъ, чѣмъ-то противнымъ всѣмъ человѣческимъ понятіямъ о культурѣ и справедливости, чѣмъ-то такимъ, что остановило бы все человѣчество въ его поступательномъ движеніи къ добру, въ его духовномъ развитіи.

Разсматривая вопросъ съ практической точки зрѣнія, побѣда Германіи была бы угрозой существованію каждаго независимаго государственнаго организма, какъ самаго маленькаго, такъ и самаго великаго народа,—одинаково какъ тѣхъ, которые нынѣ съ Германіей воюютъ, такъ и тѣхъ, которые ей явно или тайно сочувствуютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы пожару войны суждено было бы продлиться, и чаша вѣсовъ побѣды стала бы клониться въ сторону нѣмцевъ, то всѣ бы возстали, чтобъ недопустить надъ міромъ господства самой грубой и безпощадной силы, способной задавить все и всѣхъ. Міръ борется за свободу и никакой гегемоніи, чьей бы то ни было, не допуститъ даже цѣною новыхъ войнъ и борьбы.

Но пока у насъ нѣтъ основаній предполагать даже такую крайность, ибо всѣ данныя заставляютъ насъ вѣрить въ неминуемую побѣду союзниковъ и, стало быть, въ полный разгромъ Германіи.

А въ этомъ послѣднемъ случаѣ передъ нами актъ великаго историческаго значенія—воззваніе Великаго Князя, которое, безъ сомнѣнія, станетъ отправной точкой, какъ только на мирномъ конгрессѣ будетъ поставленъ на очередь польскій вопросъ. И нынѣ, когда еще судьба войны не рѣшена, и даже съ самаго начала войны, наше дѣло, которое въ теченіе десятилѣтій систематически оставлялось подъ пылью забвенія, было вынесено на судъ всего міра...

О Польшѣ и ея возрожденіи говорятъ и пишутъ всѣ; считаются съ нами даже тѣ, кто не далѣе, какъ вчера, еще не умѣлъ отличить насъ отъ другихъ славянскихъ пле-

менъ... Это не все еще, потому что еще далеко до окончанія нашего дѣла, но это уже—нѣчто... Убѣдились, во всякомъ случаѣ, что имѣютъ право на существованіе «завѣтныя мечты отцовъ нашихъ».

Признаны наши права на нашу собственную единую Родину...

А мы сами... Народъ нашъ подъ тяжестью валившихся на него бѣдъ разные переживалъ моменты. Онъ поднимался и падалъ, протестовалъ громко и умолкалъ, брался за плугъ, чтобы пахать ниву отцовъ, то снова предавался безсильной апатіи... Порой у него не было силъ для борьбы, когда слишкомъ большая тяжесть на него обрушивалась,—когда ни откуда не свѣтила ему заря спасенія.

Послѣдніе передъ войной моменты были отмѣчены именно такой, гибельной для насъ, апатіей. У насъ—ростъ реакціонныхъ тенденцій, въ Пруссіи—всѣ предѣлы перешедшія покушенія на нашу землю, система денаціонализаціи и угнетенія въ школѣ, и, наконецъ, все усиливающееся прусское направленіе въ австрійской политикѣ по отношенію къ намъ,—все это повело къ тому, что во всѣхъ трехъ частяхъ Польши мы все меньше вѣрили въ національное, а тѣмъ болѣе политическое возрожденіе.

Съ каждымъ днемъ все больше мы падали духомъ; кое-гдѣ мы тратили силы на мелкую мѣстную политическую борьбу, большею частью, безъ всякихъ результатовъ, но мы не были способны къ какому-нибудь крупному дѣйствію...

Война, а съ ней заря лучшаго будущаго, вырвала насъ изъ летаргическаго оцѣпенѣнія и пробудила дремлющую потенціальную энергію въ положительномъ направленіи. Мы поняли, что нашъ величайшій врагъ—Германія, и что мы должны стремиться къ ея разгрому. Безъ различія убѣжденій мы стали противъ нѣмцевъ, понимая, что все-

возможныя потери—и людьми, и культурнымъ достояніемъ—являются неизбѣжнымъ, исторически непредотвратимымъ условіемъ, что кровавая борьба—неминуемый этапъ нашего возрожденія, что изъ дыма пожаровъ выйдетъ польскій народъ проснувшимся къ дѣйствію и возрожденнымъ—

Словно Фениксъ, что, мѣняясь,
Смерти въ пламени не знаетъ!

Александръ Ледницкій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ПОЛЬШИ.

